

Данная книга предназначена только для предварительного ознакомления! Просим вас удалить этот файл с жесткого диска после прочтения. Спасибо.

Больные ублюдки

Тилли Коул

Название: Тилли Коул, Больные ублюдки

Переводчик и редактор: Татьяна Соболев

Вычитка: Татьяна Соболев

Обложка: Дарья

Оформление: Юлия и Ника

Переведено для группы: <https://vk.com/stagedive>

18+

(в книге присутствует нецензурная лексика и сцены сексуального характера)

**Любое копирование без ссылки
на переводчика и группу ЗАПРЕЩЕНО!
Пожалуйста, уважайте чужой труд!**

Когда Эллис Эрншоу и Хитэн Джеймс встретились детьми, они были совершенно разными: красивая, белокурая Эллис любила шуметь и веселиться; Хитэн же был мрачным и задумчивым, а еще обожал наблюдать за тем, как умирает живое.

Между детьми возникла странная, уникальная дружба.

Пока жестокость окружающих не разлучила их на долгие годы, отправив каждого из них в свой бесконечный ад.

Спустя одиннадцать лет Хитэн возвращается за своей девочкой из места, откуда, как ему казалось, возврата нет.

Возвращается, чтобы отомстить тем, кто когда-то причинил зло им обоим.

Время сделало душу Хитэна еще более темной, зараженной ненавистью и жаждой крови.

От Эллис же осталась лишь оболочка прежней девочки, потерянной в безбрежности своей боли.

Возвращая Эллис из ее душевной клетки, Хитэн взывает к сути той, кем она когда-то была, спускаясь вместе с ней вниз по кроличьей норе.

Со злобой в сердцах и жаждой мести, пылающей в их крови, они отправятся за теми, кто причинил им боль и сломил их.

За каждым по очереди.

И каждый последующий раз будет изощрённее предыдущего.

Тик-так.

Содержание:

Пролог	4
1 глава.....	5
2 глава.....	14
3 глава.....	25
4 глава.....	33
5 глава.....	41
6 глава.....	52
7 глава.....	62
8 глава.....	71
9 глава.....	88
10 глава.....	93
11 глава.....	107
12 глава.....	121
13 глава.....	148
14 глава.....	154
15 глава.....	160
16 глава.....	174
17 глава.....	183
Эпилог	185

«Если бы все остальное погибло, а он остался, я бы все еще продолжала существовать. А если бы все осталось, а его не стало, то вселенная превратилась бы в огромного чужака»

Эмили Бронте, «Грозовой Перевал»

Пролог

Эллис

Когда я впервые встретила Хитэна Джеймса, он отрывал крылья у бабочки. На мой вопрос, зачем он это делает, Хитэн поднял на меня светло-серые глаза и сказал, что хочет посмотреть, как она умирает.

Я видела, как его взгляд вернулся к бескрылому, корчащемуся у него в руке насекомому. Видела, как приоткрылись его губы, когда жалкое создание поникло и умерло у него на ладони. С его полуоткрытых губ слетел долгий, еле уловимый вздох, и лицо озарила победная улыбка.

Когда-то я слышала такую теорию, что обычное трепетание крыльев бабочки, малейшее волнение, всего лишь отголосок движения в воздухе, может запустить процесс формирования чего-то гораздо большего; разрушительного торнадо, опустошающего целые города. Цунами, обрушивающего на песчаные берега сокрушительные волны и уничтожающего всё на своем пути.

Когда я вспоминаю момент нашей первой встречи, это знакомство с Хитэном Джеймсом, человеком, который стал для меня всем миром, мозгом, пульсирующим у меня в костях, то порой мне кажется, что оторвав одним смертоносным движением крылья у яркой сине-черной бабочки, он вызвал необратимые волнения в наших жизнях. Не цунами или торнадо, возникшие от обычного взмаха крыльев, а нечто гораздо более темное и злое, вызванное тем, что прекрасное создание лишили его способности летать и благоденствовать. Путь разрушения, которого никто не предвидел; череду сладчайших и самых жестоких убийств, совершенных нами с самыми кроткими улыбками на лицах и беспредельный адом в сердцах.

Хитэн Джеймс никогда не был светом моей жизни, а скорее полным затмением, заслоняющим солнце и вообще любой свет, затмением, приносящим с собой бесконечную, вечную ночь и наполняющим мои вены смертоносной, дегтяно-черной кровью.

Хитэн Джеймс стал причиной пробуждения моей души... души, созданной не для мира и спокойствия, а для смерти, убийства, крови и костей...

Родственные души, скованные в огне, под пристальным взглядом насмешливых глаз Сатаны.

Хитэн.

Эллис.

Всего лишь пара больных улюлюканий...

1 глава

*Эллис
Семь лет*

*Поместье Эрншоу
Даллас, Техас*

— Он странный.

Я схватила в руки куклу, внимательно глядя на сидящего на траве Хитэна Джеймса. На нем была черная-пречёрная рубашка, черные штаны... и как ни странно, черный жилет с карманами. Я никогда прежде не видела, чтобы такое носили дети. У него были черные волосы — короткие по бокам и на затылке, но длинные сверху. Они всё время падали ему на глаза. В лучах солнца его глаза казались серебристыми. На самом деле они были светло-серыми. Я никогда раньше не встречала людей с таким цветом глаз.

— Эллис, — потянул меня за руку Эдди.

Я вырвалась из его хватки.

— Он новенький. И он никого здесь не знает, — сказала я и поближе наклонилась к Эдди, моему лучшему другу и ближайшему соседу. Его глаза заслоняли от солнца поля ковбойской шляпы. Он всегда носил ковбойскую шляпу. Говорил, что хочет стать техасским рейнджером, как его дядя. Мне казалось, что из него получится хороший рейнджер. — Я слышала, как вчера вечером папа разговаривал с моими дядями. Я тайком выбралась из своей комнаты и подслушала у дверей папиного кабинета. Я уловила, как он сказал, что Хитэн больше не нужен своей маме. Сказал, что он ее напугал. Поэтому она отдала Хитэна его папе — мистеру Джеймсу, местному смотрителю территории.

Я покачала головой.

— Я слышала, он тоже не хотел его к себе брать, но у него не осталось выбора. Его маму нигде не могут найти. Она сбежала и оставила его одного.

Голубые глаза Эдди округлились.

— Мама его отдала? Что он такого сделал, чтобы ее напугать?

Я оглянулась на Хитэна через лужайку. У него в руках была лупа. Он жёг муравьев. В ответ на вопрос Эдди я только пожала плечами. Я не знала, что он сделал.

— Мне он не кажется таким уж страшным, — заявила я, разглядывая мальчика. — Думаю, он старше нас. Я слышала, как один из моих дядей сказал, что ему уже девять.

Эдди было восемь. Мне семь.

— Вчера, когда ты его встретила, он убил бабочку, — Эдди обернулся на Хитэна. — Сейчас он убивает муравьев. Он и в правду странный, Эллис. Почему он всё время кого-нибудь убивает?

Он помолчал.

— По-моему, он слишком странный, чтобы с ним дружить, — глубоко вздохнул он. — Мой дядя говорит мне держаться подальше от таких ребят. Что как раз они в итоге втянут меня в неприятности. Ты же знаешь, что если я хочу быть техасским рейнджером, мне нельзя ввязываться в неприятности.

— Мне хочется с ним поговорить, — я протиснулась мимо Эдди и побежала по склону теплой травы. Я бежала, пока не запыхалась и не остановилась рядом с Хитэном. Я проверила, на месте ли мой ободок, и не растрепались ли волосы.

Хитэн даже не поднял на меня глаз, поэтому я заглянула ему через плечо и посмотрела, что он там делает. Под зажатой у него в руке лупой валялась куча дохлых муравьев. От их маленьких черных скукоженных тел шёл дым.

— Также смотришь, как они умирают? — спросила я, и его спина напряглась под рубашкой.

Пока я ждала, когда он ответит, на соседнем дереве запела птица.

— Они умирали дольше, чем вчерашняя бабочка, — наконец, сказал он. — Они пытались выжить, пытались скрыться, убежать... но не смогли. Я загнал их в ловушку. Они боролись изо всех сил... но мне пришлось их убить.

Мне захотелось взглянуть поближе. Я присела напротив него и, когда он убрал лупу от мертвых муравьев, улыбнулась. Я почувствовала, что он смотрит мне в лицо, поэтому подняла на него глаза и улыбнулась еще шире.

— Я Эллис Эрншоу. Вчера я тебе так и не представилась. Я тоже здесь живу, — я указала на главный дом. Мой дом. Поместье моего отца.

Хитэн не улыбнулся мне в ответ. Он не шевелился и ничего не говорил. Он просто меня разглядывал. Его глаза скользнули к черному ободку у меня в волосах, затем вниз по синему платью, белому переднику и белым гольфам и далее к черным туфлям. Наконец, он уставился на куклу с фарфоровым лицом, которую я держала в руках.

— Это Алиса, — объявила я и развернула ее, чтобы он мог хорошенько ее разглядеть. Она была одета точно так же, как и я. У нее даже были такие же длинные светлые волосы и голубые глаза.

— Нет, — покачал головой Хитэн.

— Что нет?

— Ты Куколка.

Я снова посмотрел на свою куклу.

— Не понимаю, — произнесла я, поморщив нос. Я была в замешательстве.

Он указал на меня.

— Тебя зовут не Эллис. Тебя зовут Куколка. Вчера я так решил. Ты выглядишь в точности как твоя кукла. Я назвал тебя Куколка. Эллис мне не нравится. Это глупое имя. Оно тебе не подходит.

Я потрясенно уставилась на него, а потом посмотрела на свою куклу. И снова улыбнулась.

— Мне это нравится.

Хитэн быстро отвел взгляд.

— Она Алиса. Из Страны Чудес, — я указала на свое синее платье, белый передник и белые гольфы. — Это моя *самая* любимая книга. Моя мама купила мне эту куклу в прошлом году. Папа подарил мне такую же одежду, чтобы я стала ей под стать.

Я крепко прижала к груди куклу.

— Когда я вырасту, хочу быть такой же, как Алиса. Побывать в других странах, попасть в загадочный новый мир. Мне хочется познакомиться с Чеширским Котом и Безумным Шляпником, — я потрясла головой. — Но не с Дамой Червей. Она чудовище! Она...

Я наклонилась ближе к нему.

— Она меня пугает.

— Почему ты сказала «мами»? — спросил он.

У меня поникли плечи.

— Моя мама была англичанкой. Так в Англии называют мам, — Хитэн прищурился. Я склонила голову набок. — Ну? Ты знаешь эту книгу? «Алиса в Стране Чудес»?

Хитэн покачал головой. Ему на лицо упала прядь черных волос и заслонила левый глаз. Я протянулась к нему, чтобы ее убрать, но он вскинул руку и схватил меня за запястье. Я ахнула и уставилась на его пальцы, вцепившиеся мне в кожу. Его прикосновение не причинило мне боли, но... но, когда я взглянула ему в глаза, мое сердце забилось быстрее.

— Никому нельзя меня трогать, — сквозь зубы процедил он.

— Хорошо, — я нервно сглотнула.

Хитэн смотрел и смотрел на меня, затем отпустил мою руку. Я отдернула ее и потерла в том месте, за которое он её держал. Хитэн взял свою лупу и снова занес её над

кучей мертвых муравьев. Не сводя с него глаз, я наблюдала за тем, как на толстое стекло упали солнечные лучи, и черные насекомые снова начали шипеть.

— Почему ты носишь безрукавку? — спросила я.

Рука Хитэна застыла. Он искоса посмотрел на меня.

— Безрукавку?

Я показала на его одежду.

— Жилет?

Я рассмеялась и покачала головой.

— Да, жилет. Какая же я глупая. Я иногда путаю слова.

— Почему?

У меня вдруг сжалось сердце, и я опустила голову. Чтобы не заплакать, я стала теревить волосы своей куклы.

— Я же тебе говорила. Моя мама была из Англии. Из города под названием Оксфорд. Я никогда там не была. Но иногда она называла вещи по-разному, — я жестом указала на его жилет. — Она называла жилеты «безрукавками». Капот автомобиля называла «крышкой». Ну и прочие глупости.

— А где она? — спросил Хитэн, и я почувствовала, что слез у меня в глазах стало ещё больше.

— В прошлом году она умерла, — я крепче обняла свою куклу. — Перед этим она сказала мне, что когда-нибудь мы встретимся с ней в Стране Чудес.

Я приподняла куклу.

— Она подарила мне её. Сказала, что она меня защитит.

— От чего?

— От плохих людей, — я посмотрела на Хитэна. Он ничего не ответил. — Она сказала, что в мире есть плохие люди. Некоторые из них совсем рядом. Она сказала мне, что Алиса будет меня от них оберегать.

— Ты уже встречала плохих людей?

Я покачала головой.

— Нет. Я вижу здесь только своего папу с дядями. О, и мою няню, миссис Дженкинс. Ну и ещё твоего папу... а теперь и тебя!

Хитэн посмотрел на мою куклу и отвернулся. Он отложил лупу и провел рукой по карману у него на жилете.

— Что у тебя там? — я наклонилась вперед, чтобы получше рассмотреть.

Хитэн хлопнул рукой по карману, плотно прикрыв его ладонью. Я заглянула ему в глаза. Что бы там ни было, я не сомневалась, что он мне этого не покажет. Но он тяжело выдохнул и полез в карман. Я ждала, затаив дыхание, когда он вдруг вытащил оттуда что-то блестящее и золотое. Я наклонялась к нему все ближе и ближе, пока моя голова не зависла прямо у него над рукой. Мое лицо застыло всего в сантиметре от его лица. Хитэн встретился со мной глазами, затем медленно раскрыл ладонь. Палец за пальцем.

— Хитэн, — мое сердце учащённо забилось. — Это карманные часы?

— Уже так поздно, — он уставился на циферблат. Я нахмурилась, увидев, что у часов разбито стекло и не двигаются стрелки. Из кармана к ним свисала длинная цепь.

— Хитэн, — ахнула я и едва удержала руку от прикосновения к разбитому стеклу.

— Они сломаны. Они не работают, — с огорчением проговорила я.

Похоже, Хитэна это озадачило. Он поднес часы к уху, постучал по ним и сказал:

— Тик-так.

Затем протянул их мне.

— Тик-так. Тик-так. Тик-так, — Хитэн склонил голову набок. — Они отлично работают. Неужели ты не слышишь? Тик-так. Тик-так. Тик-так. Неужели ты не видишь?

Я уставилась на часы. Я очень внимательно их рассматривала. И по-прежнему ничего не видела и не слышала. Потом я поняла, что Хитэн притворялся. Так же, как и я со своими воображаемыми чаепитиями. Он хотел, чтобы я с ним поиграла.

— Я слышу! — улыбнулась я. Хитэн замер от моих слов, затем уголок его рта слегка дёрнулся, и мне показалось, что он тоже улыбнулся.

Ну, во всяком случае, чуть-чуть. Это была своего рода улыбка.

Мне показалось, что Хитэн не так уж часто улыбался. Он выглядел грустным. Не таким, как Эдди. Они оба были серьезными. Но с Хитэном все обстояло иначе. И мне хотелось узнать, почему.

И тут я застыла на месте. Мою голову озарила догадка, и я быстро прикрыла рот рукой.

— Хитэн, — нетерпеливо прошептала я, посмотрев на свою куклу. На свою одежду. Перевела взгляд на его жилет, затем на карманные часы... «Белый Кролик». Я метнулась вперед и села прямо перед ним. Хитэн не двигался. — Часы... Ты прямо как Белый Кролик из *«Алисы в Стране Чудес»*.

Я смеялась и смеялась.

— Кролик, — я жестом указала ему на грудь. — Тик-так, тик-так, тик-так, тик-так... ты Кролик!

— Куколка.

— Кролик! — согласилась я и улыбнулась нашим новым именам. — Куколка и Кролик. Алиса спустилась вслед за Кроликом по кроличьей норе. Он увёл ее в страну чудес. Он увёл ее из скучного мира и в мир ярких красок и волшебных существ.

Я крепко сжала в руках свою куклу.

— А теперь я встретила тебя. Ты пришел показать мне новый мир?

Я с волнением ждала его ответа, как вдруг чья-то фигура заслонила солнце.

— Эллис.

Я вгляделась получше и увидела, что над нами возвышается Эдди. Его руки были сложены на груди.

— Эдди! — я показала на Хитэна. — Он Кролик, а я — Куколка! Можешь себе представить?

— Что? — спросил Эдди и сильно насупил брови. — Что ты имеешь в виду?

— Из Страны Чудес! — от радости я запрокинула голову назад. — Это как то, о чем всегда говорила моя мама...

Я задумалась.

— Судьба! — воскликнула я, вспомнив ее слова. — Это судьба!

Эдди поморщился.

— Почему ты *меня* никогда не делала кем-нибудь из героев этой книги?

Я тоже поморщилась.

— И кем бы ты был? — я никогда не видела в Эдди никого из персонажей Страны Чудес.

Он пожал плечами, затем его лицо просияло, и он постучал по шляпе.

— Я могу быть Безумным Шляпником! Я всегда ношу шляпу. Как и он.

Я внимательно посмотрела на его шляпу. И покачив головой, рассмеялась над его глупостью.

— Ты никогда не сможешь быть Безумным Шляпником.

— Почему? — Эдди снова скрестил руки на груди.

— Глупый, да потому что Безумный Шляпник — *безумный*! А ты — нет. Ты «благоразумный», — сказала я, показав пальцами воображаемые кавычки. — Миссис Дженкинс всегда говорит мне, что ты «хороший мальчик» и очень «рассудительный».

Я покачала головой.

— Поэтому, ты не можешь быть сумасшедшим Шляпником, Эдди. Это тебе просто не подходит. Ты не имеешь отношения к Стране Чудес, — я обернулась на Хитэна и увидела, что он внимательно на меня смотрит. — А вот мы с Хитэном...

Хитэн повернул голову и взглянул на Эдди. Затем Хитэн встал со мной рядом, почти передо мной, и пристально уставился на Эдди. Эдди сглотнул. А когда Хитэн нахмурился, то сильно побледнел.

— Я уйду домой, — отступив назад, медленно произнёс Эдди. — Хочешь пойти со мной? Мама сказала, что ты можешь зайти к нам на ужин. Может даже прокатиться на нашем новом жеребёнке.

Эдди жил по соседству — ну, в соседнем поместье. Поместье Смитов представляло собой ранчо. Чтобы со мной увидеться, он пробирался сквозь живую изгородь, разделяющую наши земельные участки. Я никогда не заходила к нему домой. Мой папа никогда мне этого не разрешал. Я никогда в жизни не покидала территорию нашего поместья.

— Нет, — ответил за меня Хитэн, и Эдди сделал ещё один шаг назад. — Она остается здесь.

Хитэн выставил в сторону руку, так чтобы я не могла пройти мимо него.

— Иди домой.

Я шлёпнула его по руке и покачала головой.

— Глупый Кролик! Ты ведёшь себя так бесцеремонно и грубо! — я хихикнула, потом посмотрела на Эдди. — Я остаюсь здесь, Эдди. Ты ведь знаешь, что папа не разрешает мне уходить, хотя ты всегда об этом просишь.

— Прекрасно, — Эдди помчался прочь, опять скрестив руки на груди.

— Эдди! — окликнула его я, видя, как он расстроен, но он не обернулся. Я вздохнула и снова села на траву. Мне не хотелось, чтобы Эдди огорчился или злился на меня. Никто не виноват в том, что ему не было места в Стране Чудес.

Хитэн повернулся ко мне лицом.

— Мне он не нравится.

— Кролик. Прекрати это. Он мой друг.

— Друзья? — спросил он. — У меня нет друзей.

Я потрясённо разинула рот.

— Теперь есть.

Хитэн не ответил, поэтому я указала на себя.

— Кролик и Куколка, не забыл? — я снова засмеялась, когда он в замешательстве наморщил лоб. Лично мне очень нравилось то, как звучали наши новые имена.

— Хочешь посмотреть мои любимые вещи? — спросила я, резко сменив тему.

Хитэн все ещё казался озадаченным, но, в конце концов, пожал плечами.

— Стой здесь, — сказала я и вскочила на ноги. Я побежала домой и схватила свой мешок с любимыми вещами. Запыхавшись и едва дыша, я вернулась к Хитэну. Он так и не пошевелился. Ни единой мышцей.

Я положила мешок на землю и, не раскрывая его, развязала розовый шнурок. Я начала всё из него вытаскивать. Достала из мешка розовое покрывало для пикника и постелила его на землю между нами. Расставляя чайный сервиз, я чувствовала, как от волнения у меня колотится сердце. Когда всё, наконец, было разложено, я встала и развела руками.

— Ну вот! Что скажешь?

Хитэн посмотрел на меня, потом на стоящий на траве чайный сервиз. Я опустилась на колени и поровнее поставила перед ним чашку с блюдцем.

— Это «Эрл Грей», — произнесла я, взяв чайник и разливая чай. — Мамин любимый. Она всегда пила чай — иногда по шесть чашек в день!

До краев наполнив чашку Кролика, я налила и себе. Я поднесла чашку к носу и вдохнула аромат, громко рассмеявшись, когда мне в ноздри попал пар.

— Щекотно! — фыркнула я и подвигала носом. — Пар щекочет мне нос каждый раз, когда я нюхаю запах бергамота. Но я всегда так делаю, потому что он приятно пахнет.

— Ты как-то странно разговариваешь, — неожиданно сказал он.

Я закатила глаза.

— Это послеобеденный чай. Послеобеденный чай следует пить, разговаривая с английским акцентом. Я это очень люблю. Когда я так говорю, то говорю прямо как моя мама. Моя мама всегда пила послеобеденный чай. Каждый день ровно в четыре часа дня.

Я уже собиралась было сделать глоток, когда взглянула поверх своей чашки и увидела, что Хитэн снова на меня странно смотрит. Его чашка по-прежнему стояла на покрывале. Мне стало интересно, а пил ли когда-нибудь послеобеденный чай? Если нет, то это просто немыслимо!

Я подалась вперед.

— Тебе надо выпить его побыстрее, Кролик. Пока он горячий. Но не забудь сперва на него подуть. Ты ведь не хочешь обжечь язык. Это самое отвратительное чувство на свете!

Хитэн склонился над своей чашкой, а потом посмотрел на меня сквозь упавшие ему на глаза волосы.

— Там ничего нет.

Моя рука застыла на чашке. Я должна была убедиться в том, что держу ее за ручку и не касаюсь фарфора. Мне не хотелось обжечь палец.

— Кролик, о чем ты говоришь? Я только что налила тебе полную чашку! — я наклонила голову набок. — Ты никогда раньше не пил послеобеденный чай, верно?

Хитэн медленно покачал головой. Я поставила свою чашку на покрывало.

— Обычно у меня всегда есть с собой пирожные и всякие вкусности. Но я такая недотёпа, сегодня их не захватила. Я не предполагала, что меня ждет новая компания. Новое *знакомство*, как сказала бы мама.

Хитэн нахмурился и устался на свою чашку. На фоне его черной одежды, розовый цвет чашки и покрывала казался особенно ярким.

— Хочешь, я научу тебя, как правильно пить чай? — я оббежала вокруг покрывала и уселась рядом с ним. Потянувшись вниз, я положила свою ладонь ему на руку. И вздрогнула, почувствовав, как Хитэн тут же замер и резко повернул ко мне голову. Я совсем забыла о том, что он не хотел, чтобы я к нему прикасалась.

Я не смогла удержаться. Я всегда прикасалась к людям. Мне был необходим тактильный контакт.

Расстроившись, я уже хотела было отвести руку, но он вдруг сказал:

— Нет.

Я почувствовала, что сердце у меня в груди забилося чаще.

— Можешь ее не убирать, — проговорил он.

Но его голос показался мне каким-то странным. Он так стиснул зубы, словно ему было больно или что-то вроде того.

Я придвинулась к нему еще ближе, прижавшись плечом к его плечу.

— Ты приятно пахнешь, — произнесла я. Хитэн заглянул мне в глаза. — И у тебя самые красивые глаза, какие я когда-либо видела.

Он плотно сжал челюсти и, наклонившись ко мне, приблизился носом к моей шее. Я распахнула от удивления глаза, не понимая, что он делает.

Он немного отодвинулся, оказавшись со мной нос к носу, и сказал:

— Ты тоже приятно пахнешь.

Его глаза закрылись и через секунду вновь распахнулись.

— Как розы.

Я улыбнулась и кивнула.

— Это розы. Это духи моей мамы.

Я убедилась, что поблизости никого нет, а затем произнесла:

— Мне нельзя их брать, папа мне запретил, но я все равно каждый день понемножку ими пользуюсь. По капельке за каждое ухо, — в подтверждение, я провела пальцем за ухом. — Пока никто не видит.

Сильнее сжав его руку, я обернулась на стоявшую перед нами чашку чая.

— Чтобы пить чай, нужно взять чашку за ручку.

Я кивнула Хитэну и направила его руку к чашке. Затем положила его пальцы туда, где им следует быть.

— Теперь поднеси чашу к губам.

Не отрывая глаз от моих губ, Хитэн сделал так, как я сказала. Не успела чашка коснуться его губ, как я резко выпрямилась и вскрикнула:

— Стой! — Хитэн остановился. Я хлопнула себя ладонью по лбу. — Я же забыла самое главное!

Вытянув руку, я отогнула в сторону его мизинец. Затем захлопала в ладоши и улыбнулась.

— Вот. Чтобы правильно пить чай, ты должен оттопыривать мизинец. Это закон чаепития. Мама мне говорила, что в Англии, если ты этого не сделаешь, Королева отрубит тебе голову, — я медленно прикоснулась к черным волосам Хитэна. — А у тебя, Кролик, слишком красивая голова, чтобы ее отрубить.

Я села поудобней и стала ждать, когда он начнет пить.

— Ну же, давай, — настаивала я. — Сделай глоток.

Все ещё хмурясь, Хитэн отхлебнул чай, а затем поставил чашку с блюдцем обратно на покрывало.

— Ну? — затаив дыхание, спросила его я.

— Было здорово, — немного неловко ответил Хитэн, но я все равно завизжала от восторга.

— Не слишком горячий?

— В самый раз, — заявил он, я повернулась к своей чашке и тоже сделала глоток. Я очень любила чай. Но только «Эрл Грей». Никакая другая чайная смесь мне так не нравилась. А пить «Дарджилинг» вообще было чистым преступлением.

— А что еще у тебя в мешке? — спросил Хитэн, когда я поставила свою чашку на землю. Я быстро повернулась и достала самое ценное, что у меня было. Встав на колени, я, спотыкаясь, подошла к Хитэну и водрузила на покрывало проигрыватель.

Хитэн приподнял бровь. Я потянула к себе ярко-розовый проигрыватель и включила его.

— Он был маминым. У него внутри плёнка. Кассета. На ней все ее любимые песни. Они из восьмидесятых. Я не знаю, что это значит, но это мои самые любимые песни на всем белом свете. Я слушаю их каждый день.

Я провела рукой по наклейкам в виде сердечек, которые в молодости прилепила на проигрыватель моя мама, и повернулась к Хитэну.

— Хочешь послушать, Кролик?

Он кивнул. Я перемотала плёнку, пока не нашла свою самую любимую песню, и нажала на кнопку воспроизведения. Заиграла музыка.

— Эта песня называется «Дорогая Джесси». Её поёт леди по имени Мадонна. Это была самая-самая разлюбимая мамина песня.

Как только зазвучала музыка, я началась покачиваться. Не успев присесть, я вскочила на ноги и, держа в руках куклу Алису, начала танцевать и петь. Я кружилась, откинув назад голову и громко распевая слова песни. Почувствовав, что не могу больше крутиться, я взглянула на Хитэна. Он смотрел на меня со странным выражением лица.

Я качнула плечом и заглянула ему прямо в глаза. Танцуя и подпевая, я двигалась к нему навстречу, устраивая целое представление. Я постоянно устраивала представления для папы с дядями. Почти каждый вечер. Они всегда просили меня станцевать для них в

моем платье из «Алисы в Стране Чудес» — это было мое любимое платье. Я обожала танцевать для людей. Это всегда вызывало у них улыбку.

Когда песня закончилась, я, тяжело дыша, упала рядом с ним.

— Кролик, тебе понравилось? — спросила я, прижав к груди Алису.

Его серебряные глаза пробежали вниз по моему платью, затем скользнули обратно к лицу.

— Да, — хрипло произнёс он. — Мне очень понравилось.

— Очень?

Он кивнул.

— Я так рада! — я отхлебнула ещё чая, и Хитэн сделал то же самое. Я налила нам еще по одной чашке. Когда весь чай был выпит, я полезла в мешок за последним своим сокровищем.

И положила перед Хитэном книгу. *«Приключения Алисы в Стране Чудес»*.

Хитэн поднял её и провел пальцами по старой обложке.

— Твоя любимая книга, — он раскрыл обложку и начал просматривать страницы.

Я затаила дыхание.

— Ты умеешь читать, Кролик?

Руки Хитэна замерли, и он посмотрел на меня.

— Да. А ты не умеешь?

Я покачала головой.

— Я на домашнем обучении. Мой папа очень занятой человек, и у него почти не остается времени, чтобы меня учить. Большую часть времени я играю здесь, во дворе дома, — я теребила волосы Алисы. Снова взглянув на Хитэна, я увидела, что он все еще на меня смотрит. — Можешь... не мог бы ты почитать мне книгу, Кролик?

Казалось, Хитэн собирался отказаться, но потом он опустил плечи и кивнул. Улыбнувшись, я подвинулась и положила голову ему на ногу. Я слышала, как Хитэн странно задышал, но ничего не сказала. Я подняла глаза, и увидела, что он смотрит на меня сверху вниз.

Он был очень красивым.

— Моя мама читала мне её каждую ночь, когда была жива. С тех пор мне никто не читал... до сегодняшнего дня.

Хитэн сглотнул, а затем начал с первой страницы. Он читал, и я улыбалась. И он хорошо читал.

«Он, наверное, очень умный, — подумала я. — Молчаливый и умный».

Пока Хитэн читал, я его разглядывала. Я слушала его голос, его сильный техасский акцент... совсем как у меня, когда я не разговаривала с английским акцентом.

— Кролик, а почему ты стал не нужен своей маме?

Хитэн перестал читать и посмотрел на меня. Мне показалось, что его серебряные глаза потемнели.

— Я никому не нужен, — сказал он.

— А твоему папе? Мистеру Джеймсу?

Хитэн помотал головой.

— Ему я тоже не нужен. Но мне больше некуда идти. Он сказал мне, пока я здесь, держаться от него подальше. Так я и делаю.

Я почувствовала, как на сердце стало невыносимо тяжело от грусти.

— Тогда ты нужен мне, — тихо произнесла я, и глаза Хитэна распахнулись так широко, что стали похожи на две яркие, сияющие в полуполночном небе Луны. Я взяла в руку его ладонь и легонько сжала. — Я буду твоим другом, а ты будешь моим. Куколка и Кролик. Друзья поместья Эрншоу... твоим самым первым другом в целом свете.

Я перекатилась к стоящему рядом со мной проигрывателю и нажала на кнопку воспроизведения. Когда заиграла мамина кассета, я снова положила голову на ногу Хитэну и широко ему улыбнулась. Хитэн отложил книгу, а затем, очень медленно,

коснулся пальцами моего лица и провел ими по волосам. Он поправил мой ободок. Я подумала, он мне улыбнется, но он не улыбнулся.

Он оглянулся на книгу. Когда он снова начал мне читать, я закрыла глаза. И все время, пока он читал, я представляла себе, что слышу, как в кармане его жилета тикают часы.

Я знала, что мне бы очень понравился этот звук.

Тик-так.

Хитэн Джеймс.

Мой новый друг.

Тик-так.

2 глава

Хитэн

Два года спустя...

Они все ждали, что я что-то почувствую. Они все таращились на меня, пока мы стояли у могилы. Моего папу опускали в землю, и я отстранённо наблюдал, как его гроб помещали в могилу. Священник что-то говорил, но я не слушал. Я был слишком занят своими размышлениями над тем, что происходит с его телом, пока оно медленно увядает в этом деревянном ящике. Мне хотелось узнать, как выглядит его кровь на пятый день после смерти. Она вязкая и красная? Застывшая, как желе? Изменился ли ее цвет? Стала ли его кожа сухой, потрескавшейся, серой? От него воняло? Начал ли он гнить, отслоились ли его губы, обнажив ряды пожелтевших зубов?

Ко мне в ладонь скользнула чья-то рука. Мне даже не нужно было оборачиваться, чтобы понять, что это Куколка. Она единственная осмеливалась ко мне прикасаться. Она единственная со мной разговаривала. Именно так, как мне нравилось.

Я поднял глаза и обнаружил, что на меня с противоположной стороны могилы пристально смотрит Эдди Смит в этой его дурацкой шляпе. Он видел, как Куколка прислонилась головой к моей руке и крепко прижала ее к себе. Встретившись с ним взглядом, я ухмыльнулся, и мои глаза вспыхнули. Она *моя*. Когда-то она была с ним, но как только появился я, он перестал для нее существовать. Теперь в ее жизни остался только я. Я сказал Куколке, что если она хочет быть моим другом, ей придется избавиться от Эдди. Я не делюсь. Особенно с такими святошами вроде него. Она выбрала меня. В мгновение ока. У нее даже *не возникло* такого вопроса, кого выбрать, меня или Эдди. Она принадлежала мне... и она это знала.

Конечно же, Эдди это бесило. Я видел это по его лицу каждый раз, когда он таращился на нее, как на любимую игрушку, которую у него отобрали. Каждый раз, когда он смотрел, как его бывшая подруга обхватывает мою руку, он источал ненависть.

Он и *должен* был меня ненавидеть.

Я никогда ее не верну.

Я забрал ее...навсегда.

В последние два года Эдди приходил в поместье все реже и реже. Когда-то он был здесь завсегдатаем, но с тех пор, как тут появился я, его присутствие больше не требовалось. Я видел, как почти каждый день он наблюдал за нами через забор, но я позаботился о том, чтобы она дала понять Эдди, что ему здесь не рады.

Куколке он стал больше не нужен.

Я был всем, что ей когда-либо понадобится.

Я об этом позабочусь.

— Кролик? — голос Куколки отвлек меня от Эдди и его на смерть перепуганного лица. Взглянув в ее печальные голубые глаза, я увидел, что она показывает на стоящего рядом с ней отца. Мистер Эрншоу протягивал мне ведро с землёй.

— Возьми горсть земли, сынок. Брось её в могилу, на гроб папы.

Я сделал так, как он просил. Но при этом, ни на секунду не выпускал из ладони руку Куколки. Она шмыгнула носом, и когда я снова посмотрел на нее, то увидел, что она плачет. Большим пальцем я стёр с ее щеки слезу, а затем слизнул слезу языком.

У неё был вкус соли.

Ее вкус.

Приятный вкус.

Священник сказал что-то ещё, а затем все пошли обратно к главному дому. Я увидел, как, впереди небольшой кучки людей, состоящей в основном из работников поместья, идёт мистер Эрншоу с «дядями», его деловыми партнерами. Мистер Эрншоу и его деловые партнеры практически никогда не покидали поместье. Мы находились здесь

совершенно одни в сельской местности Далласа. Но со мной была Куколка. Так что меня это не заботило.

С тех пор, как я сюда приехал, я обучался на дому. Но, на самом деле, со мною, как и с Куколкой, никто не занимался. Поэтому всё своё время я проводил вместе с ней, пил с ней чай на ее чаепитиях и пытался научить ее читать и писать. Она старалась, но у нее не слишком получалось. Она знала основы, но почти всё ей давалось с огромным трудом.

Это выводило меня из себя.

— Кролик, хочешь зайти ко мне в спальню? — Куколка ещё крепче ухватила за мою руку и прижалась щекой к моей куртке. Не сказав ни слова, я кивнул, и она повела меня в дом и в свою тихую комнату. Из главного зала этажом ниже доносились голоса взрослых. Но мне совсем не хотелось находиться рядом с ними. Они мне не нравились. Их присутствие будило во мне желание причинить им боль. Присутствие кого бы то ни было, кроме Куколки, будило во мне желание взять пистолет и пустить пулю в его тупую башку. Не знаю, почему. Я всегда так думал о людях, с тех пор, как себя помню. Большинство ночей я засыпал, представляя себе, как все они будут выглядеть мертвыми.

Куколка сидела на кровати, как всегда прижимая к груди свою куклу с фарфоровым лицом. Сегодня она оделась во всё черное. Было непривычно видеть ее в чем-то другом, без синего платья, белых гольфов и белого передника.

Мне это совсем не нравилось.

Я пошел к шкафу и вытащил оттуда одно из ее одинаковых синих платьев. Протянув его ей, я поймал на себе проницательный взгляд ее больших, мерцающих голубых глаз.

— Переоденься в это.

Куколка посмотрела на свое черное платье и пальто.

— Папа сказал, что сегодня мне следует быть в черном. Чтобы почтить память твоего отца. Также как и на похоронах моей мамы.

— В черном ты меня бесишь. Ты должна носить цветное, — я снова пихнул ей платье.

Куколка нахмурилась.

— Ты всегда ходишь в черном, — сказала она и надула пухлые губки. — Почему же мне нельзя носить черное?

Меня начинало это раздражать.

— Я живу в тени. А ты нет. Ты живешь в лучах солнца... А теперь *переодевайся*.

Я уставился на нее и не сводил с нее глаз до тех пор, пока она не вздохнула и не взяла у меня из рук платье. Когда она, многозначительно топая ногами, прошла мимо меня в ванную, мою грудь наполнила единственная возникшая за весь день эмоция. Я почувствовал, как уголок моего рта слегка дёрнулся вверх. За всю свою жизнь я не был так близок к улыбке, как сейчас.

И только из-за нее.

Она всегда была яркой. Полной жизни. Задевала меня за живое.

Бросив на стул длинную черную куртку, которую специально для сегодняшнего дня купил мне мистер Эрншоу, я сел на кровать, опустил руку в карман жилета и вытащил часы. Я пробежал пальцами по циферблату и посмотрел, как подрагивают стрелки. Тик-так, тик-так, тик-так, тик-так...

Дверь ванной открылась, и оттуда вышла Куколка, снова одетая в синее платье. Сбоку висела ее кукла Алиса. Куколка улыбнулась и развела руки в стороны, ожидая одобрения. Она знала, что очень нравится мне в этой одежде.

Только в этой одежде.

Моя ожившая, дышащая кукла.

Она подошла к своему туалетному столику, присела на стул и, взглянув на меня в зеркало, застенчиво улыбнулась. Она напевала про себя одну из песен с кассеты своей мамы. Я узнал эту песню. Она всегда пела и танцевала под эту песню. Снова и снова, каждый день. Мне было все равно. Мне нравилось смотреть, как она танцует.

Я поудобнее уселся на кровати, прислонившись головой к стене, выкрашенной в ярко-желтый цвет. Куколка потянулась к стоящему у нее на туалетном столике тюбику помады — к помаде ее мамы.

Розовая.

Она была ярко-розовая.

Она накрашила губы помадой, побрызгала духами себе на шею, а потом села рядом со мной. Когда мы с ней играли, она всегда наряжалась. Наряжалась и устраивала послеобеденные чаепития. Английский акцент и ярко-розовая помада. Сбоку возле кровати стояла фотография ее мамы. Было очевидно, что ей хочется выглядеть так же как она. С ее розовой помадой и длинными белокурыми волосами, ей это удавалось.

— Кролик? — Куколка легла рядом со мной.

— Да?

— Тебе грустно? — ее глаза были такими большими. Я увидел в них слезы.

— Мне не грустно, — твёрдо ответил я и, скользнув вниз, посмотрел ей в лицо. Куколка снова пахла розами — мой любимый аромат. Эти духи... её...

Куколка положила мне на руку свою ладонь.

— Умер твой папа. Это печальный день. Ты..., — она казалась взволнованной. — Если хочешь, то можешь поплакать. Все в порядке. Я никому не скажу.

Я нахмурился.

— Я не плачу.

— Никогда?

— Никогда, — я попытался вспомнить хоть раз, когда я плакал. Такого никогда не было.

— Ты не будешь скучать по папе?

Я задумался над ее вопросом. И честно ей ответил.

— Нет.

Куколка ахнула.

— Но ты ведь скучаешь по своей маме, да?

Я покачал головой.

— Нет.

Прищурив глаза, я пристально разглядывал потрясенное лицо Куколки. Я подумал о своей маме. Вспомнил, как она высадила меня у ворот поместья Эрншоу. Представил, как она наблюдает за мной на кухне, прежде чем меня бросить. Подумал о том, как она плачет по ночам, шепча мое имя.

И совсем ничего не почувствовал.

— Она ничего для меня не значит. Никто ничего для меня не значит.

Куколка порывисто втянула в себя воздух, я почувствовал, как что-то обожгло мне грудь.

— Я... я тоже для тебя ничего значу, Кролик? Даже я? Твоя Куколка? — из уголка глаза выскользнула слезинка и скатилась вниз по ее щеке. Я увидел, как упала капля, и что-то у меня в животе оборвалось. У нее задрожала нижняя губа.

Я выдернул руку из ее ладони и вытер слезу большим пальцем.

— Только ты.

Куколка затаила дыхание, всматриваясь мне в лицо. Я взглянул вниз, не понимая, что это за чувство у меня в груди, а теперь и в животе.

— Что? — шмыгнув носом, спросила Куколка. Она взяла мою ладонь и крепко сжала.

Я посмотрел на наши руки, лежащие между нами на матрасе, и попытался представить, какой будет моя жизнь, если Куколка меня бросит. Если я ее никогда больше не увижу, также как маму и папу. В этот раз я уже не почувствовал пустоты... Я почувствовал *всё*. Я ощутил у себя в крови такой неистовый огонь и гнев, что у меня защипало в глазах.

— Ты что-то значишь, — стиснув зубы, сказал я. — Ты не такая как все. Мне на всех насрать. На всех до единого...кроме тебя.

Дрожащие губы Куколки медленно расплылись в улыбке. Она обхватила меня руками и обняла. Я никому не позволял к себе прикасаться, никому кроме нее. А она только и делала, что ко мне прикасалась — держала меня за руку, обнимала. Она не отрывала от меня рук.

Никто и никогда ко мне так не приблизится.

— Хорошо, — вздохнула она. — Потому что ты мой самый любимый человек. Самый-пресамый, какой только существовал на всём белом свете.

Ноющая рана в животе исчезла.

Куколка легла на спину, положив руку под голову.

— Теперь ты будешь жить с нами, Кролик.

Я кивнул. Мистер Эрншоу сообщил мне об этом после смерти моего отца. Сказал мне, что теперь он мой законный опекун, и что это было согласовано с моим папой, как только я приехал сюда жить. Если с отцом что-нибудь случится, я буду принадлежать мистеру Эрншоу. Теперь я принадлежал ему. Он сказал, что подготовит для меня комнату.

Мне хотелось, чтобы моя комната была рядом с Куколкиной.

А еще больше мне бы хотелось просто жить с Куколкой в одной комнате. Я все равно почти не спал.

В дверь постучали. Мы сели только тогда, когда вошла Куколкина няня, миссис Дженкинс. Увидев нас, лежащих на кровати так близко, она прищурила глаза.

— Хитэн, — произнесла она. — Мистер Эрншоу хотел бы видеть Вас в своем кабинете.

Она посмотрела на Куколку и сложила руки на груди.

— Где Ваша траурная одежда, Эллис? В такой скорбный день неуважительно носить цветную одежду.

— Я велел ей переодеться, — сев прямо, сказал я. Мне не нравилась миссис Дженкинс. Не нравилось, как она разговаривала с Куколкой, как вертелась вокруг нее.

— Я хочу, чтобы она всегда ходила в цветном, — Миссис Дженкинс посмотрела на меня. Я взглянул на нее, и мои губы изогнулись в презрительной ухмылке. — И *никогда* не надевала черное.

Кровь отлила у нее от лица.

— Пойдёмте, мистер Джеймс, — нервно проговорила она и повернулась к двери. Я посмотрел на Куколку. Она сидела, опустив голову и ссутулив плечи. Я встал с кровати и приподнял пальцем Куколкин подбородок. Она медленно подняла голову, а затем, в конце концов, и глаза.

— Я скоро вернусь, — пообещал я и кивнул головой в сторону ее любимой книги, лежащей на тумбочке. — Как приду, почитаю тебе.

Она улыбнулась, и все снова стало хорошо.

— Мистер Джеймс!

Я резко повернулся к миссис Дженкинс, которая, постукивая от нетерпения ногой, ожидала меня у двери.

Сунув руку в карман, я провел пальцами по циферблату часов и последовал по коридору за миссис Дженкинс. Мы шли по служебному ходу в кабинет мистера Эрншоу.

Миссис Дженкинс оглянулась на меня. Встретившись со мной глазами, она быстро отвела взгляд.

— Сегодня здесь нет детей, — заметил я, когда мы остановились у частного лифта, который должен был отвезти нас в коридор, где располагался кабинет мистера Эрншоу.

Миссис Дженкинс застыла. Она медленно повернулась ко мне лицом.

— Ч-что Вы имеете в виду?

Я внимательно ее рассматривал. Кровь у нее под кожей прилила к ее обрюзгшему лицу, и от этого у нее покраснелись щёки. Мне стало интересно, как эта кровь пахнет. Я задумался, как быстро она хлынет у нее из вены, если я перережу ей горло ножом.

— Этот коридор, — я замолчал, сфокусировав всё свое внимание на лихорадочно колотящемся пульсе у нее на шее... *«Тик-так, тик-так, тик-так, тик-так»*, — отстукивал он, заманивая меня. Он бился все быстрее и быстрее, словно в любой момент может взорваться у нее на шее. — Я видел, как по ночам по этим коридорам ходили дети, которых привозили к парадной двери под покровом ночи в фургоне с тонированными стёклами.

Она нервно сглотнула.

— Я видел, как Вы и Куколкины дяди забирали их в этот дом, а затем отводили на этот этаж. К служебному входу в кабинет мистера Эрншоу.

У миссис Дженкинс отпала челюсть, она попыталась было что-то сказать, но в этот момент раздался сигнал прибытия лифта, и двери открылись. Мы вошли внутрь, и когда двери закрылись, я добавил:

— И мальчики, и девочки. Я бы сказал, примерно моего возраста.

Миссис Дженкинс чуть сгорбилась и покачала головой.

— Ей Богу, Хитэн, у Вас такие странные галлюцинации. Вы не видели здесь ничего подобного, — она нервно рассмеялась до боли раздражающим смехом. — В этот дом посреди ночи приходят дети? Интересно, зачем это?

Она лгала.

Я не знал, почему.

Я их видел.

Я это знал.

И она тоже.

Дверь открылась, и я проследовал за ней в кабинет. Миссис Дженкинс постучала и, придержав для меня дверь, пропустила меня вперед. Затем она ушла и оставила меня там одного.

Я оглядел комнату. Мистер Эрншоу сидел за столом, а Куколкины дяди расположились у камина. Они всегда были здесь. Я так понял, что некоторые из них жили в этом доме — он был достаточно большим, и я редко видел, чтобы они когда-нибудь покидали поместье.

Всего было шесть дядь, и пока я там стоял, все они глазели на меня.

— Хитэн! — Мистер Эрншоу встал из-за стола. На нём как всегда был черный костюм в тонкую полоску. Его темные волосы были гладко зачесаны назад, и он держал в руке сигару.

Он остановился передо мной и положил руку мне на плечо. Я замер. Он не был Куколкой. Никто, кроме нее, не смел ко мне прикасаться. Я уже было собрался отбросить его руку, как он вдруг ее убрал и присел на край стола.

— Ну, как ты, сынок? — он покачал головой. — То, что случилось с твоим отцом, это такая трагедия. Несчастный случай. Мне очень жаль. Жизнь порой так несправедлива.

Я не ответил. Вместо этого я взглянул на Куколкиных «дядь» — я знал, что на самом деле они ей никакие не дяди, а только деловые партнеры ее отца, которых она знала всю свою жизнь.

— Как ты относишься к тому, чтобы теперь пожить здесь? В этом доме, вместе с нами? — я снова сосредоточил свое внимание на мистере Эрншоу.

— Хорошо.

Мистер Эрншоу улыбнулся, протянул руку и провел пальцем по моей щеке. От его прикосновения у меня по спине пробежали мурашки. Мне не хотелось, чтобы он меня трогал. Мистер Эрншоу опустил руку и подошел к небольшому бару в дальней стороне комнаты.

— Мы приготовили для тебя комнату. Она будет на этом этаже, недалеко от моего кабинета...

— Я хочу жить рядом с Куколкой.

Мистер Эрншоу повернулся и подошел ко мне с бокалом спиртного в руке. Я нахмурился.

— У тебя был трудный день. Ты это заслужил, сынок. Виски всегда улучшает настроение, — он сунул напиток мне в руку.

— Я хочу быть рядом с Куколкой. Я хочу жить с ней в соседних комнатах.

— Значит так, сынок, — он помолчал. — Я вижу всё, что между вами происходит. Поэтому поселить вас рядом было бы... не совсем *уместно*.

Он улыбнулся, и мне захотелось выдрать ему все его белоснежные зубы.

— Эллис всего девять лет. Совсем скоро ей исполнится десять, — он мне улыбнулся, и от этой улыбки у меня зашевелились волосы на затылке. — Не успеешь и глазом моргнуть, как она станет старше, уже не ребенком, а скорее юной женщиной, и будет проводить больше времени наедине с собой и с кем-то другим. Ты ведь понимаешь, что я имею в виду, да? Тебе уже одиннадцать, почти двенадцать. Ты уже юноша, и поэтому я хочу, чтобы ты был ближе ко мне. Чтобы защитить тебя.

Я почувствовал, как мои брови поползли к переносице, но не успел я открыть рот, чтобы с ним поспорить, как мистер Эрншоу меня обнял.

— Давай, выпей с нами, — он подвел меня к расставленным в круг креслам, и я сел на свободное место рядом с ним. Я встретился глазами с каждым из мужчин. Они все смотрели на меня.

Меня раздражало то, как они на меня смотрели. От этого у меня в жилах застыла кровь... став ещё холоднее, чем была.

— За Дерека Джеймса, — мистер Эрншоу поднял бокал в честь моего мертвого отца. Дяди повторили его слова и выпили виски. Мистер Эрншоу приподнял мой бокал и подтолкнул его к моему рту. Я помотал головой, не желая пить — мне никогда раньше не приходилось пробовать алкоголь — но он не отставал до тех пор, пока край бокала не уперся мне в губы. Он его наклонил, и виски полилось мне в горло. Он не опускал бокал, пока я не почувствовал жуткое жжение и не закашлялся. Бокал упал на пол, не разбившись. Я вытер рот и потрясённо уставился на мистера Эрншоу. Он обхватил ладонью моё лицо.

— От этого ты сразу почувствуешь себя лучше, сынок. Поверь мне. Это поможет тебе... расслабиться. Тебе очень быстро начнёт нравиться и его вкус, и производимый им эффект, — пауза. — Мы хотим, чтобы ты стал с нами менее напряженным. Мы теперь твоя семья.

Вдруг у меня закружилась голова и комната начала вращаться. Меня это бесило. Мне не понравилось то, как действовал на меня алкоголь. Мне не нравилось терять контроль над ситуацией.

После этого я, видимо, отключился. Когда я открыл глаза, то обнаружил, что миссис Дженнингс грубо тащит меня в мою новую спальню. Она располагалась всего через две комнаты от кабинета мистера Эрншоу. Миссис Дженнингс открыла дверь, и я вошел внутрь.

Комната закружилась, я упал на кровать и заснул.

Я так и не вернулся к Куколке и не почитал ей.

***

Услышав стук в дверь, я поморгал и открыл глаза. Потом поднял голову и потер лицо рукой. Снова раздался стук в дверь, затем ручка повернулась, и в комнату вошла миссис Дженкинс.

— Я хочу увидеть Куколку, — прорычал я, как только она встретилась со мной взглядом.

— Мистер Эрншоу ждет Вас в своем кабинете. Эллис занята.

Я стиснул зубы, и провёл рукой по прикроватной тумбочке. Стоявший рядом стакан воды упал на пол и разбился, ударившись о тонкий ковёр. При движении руку пронзила боль. Всю эту неделю мистер Эрншоу каждый вечер приглашал меня к себе в кабинет провести время вместе с ним и «дядями». И каждый вечер он заставлял меня пить его виски, пока у меня не начинало всё плыть перед глазами, всё время повторяя, что мне нужно расслабиться. С тех пор я днями напролёт не мог толком разлепить глаза. Я чувствовал слабость. Я плохо помнил, что происходило в кабинете после того, как я пил, но на следующий день у меня всегда болели некоторые части тела. Части, которые, как я знал, болеть *не должны*... У меня в голове постоянно всё путалось, и мне было трудно сосредоточиться.

— Хитэн! — произнесла миссис Дженкинс. — Идёмте. Они ждут.

Мне захотелось воспротивиться, но у меня совсем не осталось сил, поэтому я поднялся и вышел за ней из комнаты. Я поправил жилет, пробежал пальцами по знакомому карману, нащупав внутри часы. Когда мы остановились у двери мистера Эрншоу, я почувствовал, как у меня скрутило живот.

Как обычно Миссис Дженкинс постучала. Но когда я вошел в кабинет, и она закрыла позади меня дверь, все показалось мне каким-то другим. Вместо того чтобы как всегда расположиться у камина, дяди расселись по кругу в центре комнаты. И на этот раз мистер Эрншоу находился не за столом, а сидел вместе с ними.

— Хитэн, — произнёс он и, развернувшись в кресле, посмотрел на меня.

— Иди сюда, — приказал он. Я подошел к нему. — Встань в центр.

Я вошел в центр круга и почувствовал на себе их взгляды. Мне казалось, что у меня в любой момент могут подкоситься ноги. Я так устал...

— Итак, Хитэн, — сказал мистер Эрншоу. Я посмотрел на него, как он сидел там и курил сигару. Он вел себя так, словно был в этом доме королем. — Нам нужно поговорить.

Я ничего не сказал, просто ждал, когда он продолжит.

— О том, что у тебя не осталось никого, кто бы забрал тебя к себе после смерти твоего отца, — он улыбнулся. — Поэтому я согласился стать твоим законным опекуном. Это ты уже знаешь.

Он печально покачал головой.

— Но вот чего ты точно не знаешь, так это как дорого нынче стоит поднять ребенка на ноги.

Я смешался и нахмурился.

— Еда и жильё. Твоё образование...

— Никто не занимается нашим образованием. Никто ни разу не приехал сюда, чтобы нас чему-нибудь научить. С тех пор, как я попал сюда два года назад и мне сказали, что мне найдут репетитора. Никто так и не появился.

Мистер Эрншоу пренебрежительно махнул рукой.

— Ну, видишь ли, Хитэн, твой папа задолжал мне уйму денег, — проговорил он, и я оглядел шикарный кабинет. Ничто в нём не наталкивало на мысль о том, что мистер Эрншоу нуждается в деньгах. Я в жизни не видел ничего величественнее и роскошнее поместья Эрншоу. — В счёт погашения его долга я забрал те деньги, что он тебе оставил... но этого недостаточно. А теперь мне ещё нужно заботиться о тебе. Мне нужно тебя кормить, одевать.

Он пожал плечами.

— Все это стоит денег, — он расслабленно откинулся в кресле. — Ты уже не ребенок, а молодой мужчина. Вопрос только в том, что ты собираешься делать, чтобы заработать себе на жизнь? Чтобы вернуть то, что мне причитается? Мужчина должен всегда отдавать свои долги.

За мной скрипнуло кресло. Я повернулся и увидел, как поднялся дядя Клайв... и встал прямо за мной. Дядя Клайв был самым большим из них. Большим, в смысле толстым. У него были редкие волосы, и он дышал с присвистом.

Он вызывал у меня отвращение.

Он напоминал мне откормленную для жарения свинью.

И что ещё хуже, он всегда улыбался. Широченной, мерзкой улыбкой.

И прямо сейчас, он улыбался этой улыбкой мне.

Дядя Клайв резко повернул голову к двери.

— Пойдем со мной, Хитэн. У меня есть одна идея, как ты можешь уже сейчас начать их выплачивать, — сказал он, и я почувствовал, как судорожно дёрнулись мои пальцы. — Я хочу тебе помочь... раз уж ты теперь член семьи.

Под его взглядом у меня начало неприятно покалывать кожу. Задев меня своей рукой, он скользнул мимо меня и вышел за дверь.

— Ступай с ним, — строго приказал мистер Эрншоу.

Я заставил себя подчиниться и, спотыкаясь, покинул кабинет вслед за дядей Клайвом. Когда я вышел в коридор, он уже ждал у двери в мою спальню. Он шагнул в комнату, и я медленно поплёлся за ним. Сначала я его не увидел, но когда за мной захлопнулась дверь, я понял, что он ждал за дверью.

Мое дыхание эхом раздавалось у меня в ушах. Ладони стали липкими от пота. Затем дядя Клайв двинулся на меня. Он сделал четыре шага в моем направлении, а потом остановился и начал расстегивать ремень. Его лоб, как всегда, покрылся испариной, а на щеках выступили красные пятна.

Заглянув ему в глаза, я почувствовал, как раздуваются мои ноздри. Он уставился на меня, и его зрачки расширились. Я пятился назад до тех пор, пока мои ноги не упёрлись в край кровати. Я попытался удержать равновесие, но пол ушёл у меня из-под ног, и я упал на матрас. Из-за всего того алкоголя, что влили в меня за последнее время, комната плыла у меня перед глазами. Я чувствовал слабость. Мне не нравилось терять контроль над ситуацией.

Дядя Клайв оказался передо мной, его ремень и штаны были расстегнуты.

Я взглянул на жировые складки у него на животе и попытался встать на ноги. Но дядя Клайв толкнул меня в плечо. Свободной рукой он провёл по моим волосам.

— Ты настоящий красавчик, Хитэн. И такой развитый для твоего возраста — высокий и широкоплечий. И эти серебристо-серые глаза...

— Отвали от меня, — я дернулся в сторону в попытке убежать. Но дядя Клайв был сильнее меня. Он отвёл от меня руки, но только чтобы залезть ими к себе в штаны. Я закрыл глаза, не желая видеть, что он сделает дальше. Он схватил меня за рубашку и вынудил лечь на матрас. Я сопротивлялся изо всех сил, пока он не ударил меня по лицу, и у меня не закружилась голова. Надавив рукой мне на горло, дядя Клайв прижал мои ноги к кровати, и я почувствовал, как он расстегивает мне брюки. Он начал стаскивать их у меня с ног. Я пытался кричать, сказать ему, чтобы он отстал от меня, но он так сдавил мне горло, что я не мог издать ни звука.

Он стянул мне штаны до лодыжек, а затем рывком поднял меня на ноги, ухватив за ворот моей рубашки. Протащив меня через всю комнату, он пригнул меня к столу и, пнув меня по щиколоткам, развёл мне ноги. Его рука прижимала к столу мою голову, пока мое сознание не заполнил запах дуба. Я пытался с ним бороться, пытался высвободиться, но не смог...

И я перестал пытаться.

Я вытащил карманные часы и уставился на циферблат. Я поморгал, разглядывая стрелки, отстраняясь от нахлынувшей вскоре боли. Отстраняясь от кряхтения, хрипов, падающих мне на шею капель пота... чувства, что он у меня за спиной...

— Тик-так, — шептал я про себя, скользя щекой взад-вперед по дубовой поверхности стола. — Тик-так, тик-так, тик-так, тик-так...

Выкинув все остальное из головы, я неотрывно глядел на карманные часы, пока не услышал, как дверь спальни закрылась. Комната погрузилась в тишину. Но я не мог пошевелиться. Моя щека прижималась к деревянной столешнице. Дуб. Я всё вдыхал и вдыхал запах дуба.

На циферблат моих карманных часов упал свет и золотым пятном отразился на потолке. Оно подрагивало. Я понял, что это от того, что у меня трясутся руки.

Я вдохнул.

Я выдохнул.

И снова задышал.

Я прижал карманные часы к груди и поднялся со стола. Спину пронзила жгучая боль, но я стиснул зубы и натянул брюки, застегнув их так крепко, как только мог. У меня всё ещё дрожали руки. Мое дыхание было каким-то чужим.

И у меня осталось всего одно место, куда мне хотелось пойти.

Я бросился в другой конец комнаты и, тихонько открыв дверь, выглянул в коридор. Он был пуст. Я пробежал по ковру, с силой сжав челюсти, потому как каждый последующий шаг давался мне больнее предыдущего. Но я не заплакал.

Не думаю, что я знал, как это делается.

Я обогнул лифт и направился к служебной лестнице. Я как можно быстрее взбирался по ступеням, пока не очутился на Куколкином этаже. Увидев, что ее спальня закрыта, я ворвался к ней и захлопнул за собой дверь. Метнувшись в угол комнаты, я скользнул вниз по стене и затаился. Я пытался перевести дыхание.

Но не мог отдышаться.

Все казалось каким-то неправильным.

— Кролик? — со стороны кровати послышался сонный голос Куколки. Я не взглянул в ее сторону. Вместо этого я уставился на свою руку... уставился на стекающую с моей ладони кровь. Я медленно разжал пальцы и увидел, что по-прежнему держу в руке карманные часы. Стекло порезало мне кожу.

— Кролик? — на этот раз голос Куколки прозвучал ближе. Но я почувствовал, что раскачиваюсь. Наблюдая за стрелками моих часов, за тем, как они движутся по циферблату.

— Тик-так, — прошептал я, покачиваясь взад-вперед, взад-вперед. — Тик-так, тик-так, тик-так, тик-так...

Я пытался не думать обо всём этом.

— Кролик? Что-то случилось? — я почувствовал, как Куколка опустилась рядом со мной. Я вдохнул аромат роз, аромат духов, которыми она всегда душилась. Она ахнула.

— У тебя идёт кровь.

Она побежала в ванную. Вернувшись, она взяла из моей руки часы и накрыла мою ладонь полотенцем.

— Тебе больно? — спросила она.

Наконец, я поднял глаза. Она была одета в длинную белую ночную рубашку, но у нее в волосах по-прежнему был черный ободок, который она всегда носила. И в одной руке она держала свою куклу.

«Она сказала, что в мире есть плохие люди. Некоторые из них совсем рядом. Она сказала мне, что Алиса будет меня от них оберегать...»

У меня в голове вихрем завертелись ее слова двухлетней давности. Те самые, что перед смертью сказала ей её мама.

Плохие люди.

Она хотела уберечь Куколку от плохих людей.

Плохие люди совсем рядом.

Ее папа... её дяди...

— Где ты был? — спросила она.

Пока она это говорила, я заглянул в ее голубые глаза. Они снова стали печальными. Я не знал, что ей ответить.

— Я так по тебе скучала. Миссис Дженкинс сказала мне, что ты занят с моим папой и дядями, она выпятила нижнюю губу. — Слишком занят, чтобы меня навестить. Чтобы поиграть со мной и почитать.

Ее губа задрожала.

— Мне было так одиноко без тебя. А теперь ты такой грустный, — опустив плечи, сказала она. — Я не хочу, чтобы ты грустил.

Ее голос превратился в шепот. Я по-прежнему молчал, тогда она немного отстранилась и попыталась улыбнуться.

— Думаю, я знаю, от чего ты сразу почувствуешь себя лучше.

Куколка поднялась на ноги и кинулась старому розовому проигрывателю ее мамы, что стоял у нее на столе. Она включила его и начала танцевать.

И я наблюдал за ней. Не сводя с нее глаз, я смотрел, как она покачивалась и открывала рот под слова песни. Танцуя, она улыбалась... Потом у меня в голове всплыло другое воспоминание. Слова, что она сказала мне одним летним днем, когда мы лежали на ее покрывале для пикника.

«Я всегда танцую для моего папы и дядей. Они любят смотреть, как я танцую. Я часто это делаю... им нравится... они постоянно меня просят...»

— Прекрати, — тихим шепотом произнёс я, но Куколка меня не услышала. Закрыв глаза и подняв вверх руки, она продолжала танцевать.

— Прекрати! — уже громче сказал я, но она по-прежнему не слышала.

— Да перестань ты, бл*дь! — закричал я, наконец, так громко, что мой голос пробился сквозь музыку, и воздух наполнился моим гневом.

Куколка остановилась и уставилась на меня огромными голубыми глазами.

— Кролик? — прошептала она, и ее нижняя губа снова задрожала.

— Выключи эту чертову музыку! — рявкнул я.

Расстроено понутив голову, Куколка сделала так, как я приказал. Смущенная и взволнованная, она обернулась, и мне, наконец, удалось протянуть руку. Она прижала к груди куклу, словно щит, но все равно вышла вперед. Когда она оказалась в пределах досягаемости, я схватил ее за руку и, потянув вниз, усадил ее рядом с собой.

— Больше никаких танцев.

— Почему? — она моргнула длинными ресницами. — Я люблю танцевать.

— Больше никаких танцев для твоего отца и дядей, — ещё строже сказал я, и Куколка покачала головой. — Пообещай мне.

Куколка помедлила.

— А можно... а можно мне танцевать хотя бы для тебя?

Я снова почувствовал в груди это странное чувство. То самое, что я испытывал только рядом с ней. То, от которого у меня сжималось сердце и сдавливало горло.

— Можешь танцевать для меня. Но *только* для меня.

— Хорошо, — она нервно повертела сложенными на коленях руками.

Я посмотрел на лежащие на полу часы.

— Я хочу тебя защитить, — проговорил я, и Куколка взглянула на меня. Я поднял часы окровавленной рукой. — Хочу уберечь тебя.

— От чего?

— От плохих людей, — ответил я. Куколка опустила глаза на куклу и кивнула. В знак того, что она меня поняла.

Она всегда меня понимала.

Но она и понятия не имела, какая опасность подстерегает ее в этом доме.

Куколка крепче сжала куклу.

— Кролик? — прошептала она. Я взглянул на нее. Она была такой красивой. — Тебе сейчас грустно? Я сердцем чувствую, что тебе очень грустно.

Я хотел было помотать головой. Хотел было сказать «нет», но открыв рот, кивнул и машинально прошептал: «да».

На глаза Куколки навернулись слёзы, она дернулась вперед и обняла меня за шею. Мы никогда не обнимались. По крайней мере, я никогда не обнимал ее в ответ — это она всегда обнимала меня. Но сегодня я позволил ей прижиматься ко мне дольше обычного. Я не стал ее прерывать. Не оттолкнул ее, как раньше, когда уже не мог больше выносить прикосновений.

Мне хотелось, чтобы *ее* объятья заменили *их* прикосновения.

— Ты странно пахнешь, — сказала она, уткнувшись мне в шею. — Ты пахнешь табачным дымом... как мои дяди и папа.

Я закрыл глаза и подумал о своих часах, подумал о том, как фокусировался на бегущих по циферблату стрелках, когда все это происходило.

— Кролик, как жаль, что мы не можем прямо сейчас сбежать в Страну Чудес. Мне... мне кажется, тебе это необходимо, — она вздохнула. И когда она это сделала, я почувствовал, что она улыбается. — Только представь себе все те приключения, которые мы могли бы пережить. Все те цвета и краски, которые мы бы увидели, и всех тех людей, которых бы мы повстречали. Нам бы только отыскать в этом доме кроличью нору... Где-то же она должна быть. Возможность убежать.

Я глубоко вздохнул и снова почувствовал запах духов ее мамы. Потом я подумал о ее дядях и папе. Вспомнил о тех детях, которых привозили сюда в фургонах по ночам. Теперь-то я понял, для чего. Я не знал, откуда взялись эти дети и кто они такие. Но теперь мистер Эрншоу и дяди прибрали и меня...

— Кролик? — Куколка медленно откинула назад голову. Она внимательно смотрела мне в глаза, и я попытался поймать ее взгляд. И вдруг, прежде чем я успел хоть что-нибудь сделать, она дернулась вперед, и ее губы внезапно прижались к моим губам. Я замер, не зная, как реагировать. Мой разум приказывал мне ее оттолкнуть, чтобы уберечь от приставшей ко мне мерзкой грязи. Пропитавшей каждый сантиметр моего тела. Но что-то у меня в груди подсказывало мне привлечь ее к себе. Удержать ее запах роз и сладкий вкус, вытеснив ими все плохое.

Тяжело дыша и задыхаясь, Куколка отпрянула. Широко распахнутыми глазами она глядела мне в лицо.

— Кролик..., — прошептала она и, подняв руки, прикоснулась к своим губам. — Я просто должна была это сделать...

Она сглотнула.

— Я не могла больше смотреть на то, как тебе плохо. И я была просто обязана тебя поцеловать, Кролик. Я была просто обязана...

Я молчал. Не мог говорить. Только чувствовал Куколку у себя на губах. Чувствовал Куколку на всей своей коже. Я хотел ее вернуть. Хотел снова прижать ее к себе. Вобрать в себя ее запах, чтобы он проник ко мне в кровь и в кости.

Я обнял ее рукой за шею и притянул к себе. Вскоре я ощутил, как по моей шее катятся ее слёзы, и наклонился к ней. Она всегда чувствовала всё, что чувствовал я. Я всегда чувствовал то же, что и она. К черту всех остальных. Есть только я и она.

Куколка обняла меня крепче, и я дал себе слово, что они никогда ее не тронут. Я никогда им этого не позволю. Вместо этого пусть забирают меня. Пусть делают со мной всё, что захотят. Я всё выдержу, чтобы только ее защитить. Чтобы только она оставалась такой чистой. Такой невинной.

Моей маленькой Алисой в Стране Чудес.

Но если они вдруг попытаются причинить ей боль, отобрать ее у меня, я убью их всех. Я не знаю, как и когда, но если они заставят ее плакать или сделают с ней то же, что и со мной...

...Я прикончу их всех к чертовой матери.

И я знаю, что мне это понравится.

3 глава

Эллис

Спустя шесть месяцев...

— Миссис Дженкинс, Вы можете себе представить, что уже завтра мой День рожденья? — спросила я, выйдя из душа. — Десять лет.

Я села за туалетный столик, и миссис Дженкинс вытерла полотенцем мои влажные волосы.

Улыбнувшись мне в зеркало, она отложила полотенце в сторону и взяла расческу.

— Ну, — сказала она. — Ваш День рожденья наступит уже через час.

Я взволнованно улыбнулась.

— Ваш папа разрешил Вас сегодня побаловать и позволил Вам не спать допоздна.

Миссис Дженкинс высушила мне волосы феном и зачесала их расческой назад. Она закрепила у меня на голове черный ободок, концы моих волос слегка загибались к плечам.

— Сейчас, я полагаю, Вы снова хотите надеть синее платье? — она покачала головой. — По крайней мере, у нас есть одно новое. Специально на Ваш День рожденья. Для девочек постарше.

— Да! — восторженно произнесла я. Мне ужасно хотелось надеть это платье. Я тронула ладонью её руку. — Но теперь, когда мне уже десять, можно мне носить те гольфы?

Затаив дыхание, я скрестила на другой руке пальцы и, прыгая с ноги на ногу, стала молиться про себя, чтобы она сказала «да».

Миссис Дженкинс наклонилась и поцеловала меня в голову.

— Конечно, юная леди. Теперь Вы большая девочка.

Я завизжала и побежала к шкафу. Я схватила гольфы в черно-белую полоску, которые в прошлом году купил мне папа. Они всё еще пахли так, словно только что из магазина. Когда они прибыли по почте, он посмотрел на них и сказал, что мне еще рано такие носить. Но пообещал, что я смогу надеть их на свой День рожденья. Когда мне исполнится десять. Потому что для меня это будет особенный день.

Я стану *большой* девочкой.

— Куда мы опять идём? — спросила я миссис Дженкинс, начиная одеваться в платье и новые гольфы. Нарядившись, я окинула взглядом свое новое синее платье. Оно оказалось более облегающим, чем все те, что были у меня раньше. И короче, и юбка раздувалась у бедер пышным облаком. К платью прилагался даже черный пояс, который застёгивался у меня на талии. Я надела его и посмотрела на себя в зеркало. У меня округлились глаза. Я выглядела такой взрослой!

— Это сюрприз, — миссис Дженкинс принесла мне чашку чая. — Вот, выпейте это.

Я взяла у нее из рук горячий чай и, сев за туалетный столик, поднесла к носу чашку. Закрыв глаза, я почувствовала знакомый запах «Эрл Грея» — моего самого любимого чая. Я бы вообще ничего больше не пила.

Я сделала глоток, потом еще один и поставила чашку на стол. Миссис Дженкинс вышла за дверь. Когда она вернулась, у нее в руках была какая-то коробка.

— Пейте свой чай, Эллис, — напомнила она и встала передо мной.

Я отхлебнула еще немного чая.

— Что в этой коробке?

Миссис Дженкинс поставила её мне на колени. Крышка коробки была перевязана синей лентой.

— Это от Вашего папы.

Не в силах сдержаться от волнения, я открыла её и, развернув голубую папиросную бумагу, обнаружила там черные кожаные туфли. Нет, не туфли, а ботильоны. Я достала

один из коробки. Сбоку на нем красовались четыре золотые застёжки. Но самое главное — у него был небольшой каблук. Папа никогда не разрешал мне носить туфли на каблуках; он говорил, что это не для маленьких девочек.

Но у этих были каблуки... потому что он сказал мне, что в десять лет я уже стану большой.

— Они восхитительны, — прошептала я и, взяв в руки оба ботинка, потрясённо уставилась на них. Пара.

Миссис Дженкинс забрала у меня ботильоны и встала на колени.

— Давайте их наденем.

Я подняла ногу. Не успела я сунуть в них пальцы, как миссис Дженкинс остановилась.

— Чай, — произнесла она. — Прежде чем мы пойдем вниз, я хочу увидеть пустую чашку.

— Да, мэм, — одним глотком я допила всё, что осталось.

Миссис Дженкинс улыбнулась мне, когда я показала ей пустую чашку.

— Хорошая девочка, — проговорила она и, тихо напевая, надела мне на ноги ботильоны.

Закончив, она поднялась и протянула мне руку.

— Давайте, мисс, посмотрим, сможете ли Вы в них стоять.

Я не сомневалась, что смогу, потому что давно играла с маминими старыми туфлями на высоком каблуке. Но встав со стула, я пошатнулась и ухватилась за миссис Дженкинс. Комната немного накренилась вправо. Я приложила руку ко лбу.

— Миссис... Миссис Дженкинс... Мне... Мне что-то нехорошо, — я потерла глаза. Всё казалось каким-то размытым.

— Эллис, с Вами всё в порядке, — ответила она и схватила меня за руку. Она посмотрела на висящие у меня на стене часы. — Уже полночь, мисс Эрншоу. Вам официально исполнилось десять лет.

Она улыбнулась, но сейчас её улыбка показалась мне перекошенной.

— С Днем рождения!

— Миссис..., — снова попыталась проговорить я, но она потянула меня к двери. Я держалась за нее изо всех сил. Дыхание странно свистело у меня в ушах. Оно становилось то слишком быстрым, то слишком медленным, и вокруг раздавался звон.

Миссис Дженкинс привела меня к лифту и нажала на кнопку. Она снова мне улыбнулась. Я хотела сказать ей, что мне по-прежнему нехорошо, но с моим горлом случилось что-то непонятное — его очень сильно сдавило. Я схватилась за горло и почувствовала, как у меня из глаз потекли слезы. Я прикрыла веки.

Мне нужен был Кролик.

С ним мне всегда становилось лучше. Но его все время у меня забирали. Теперь я практически его не видела. Только когда он в тайне ото всех по ночам пробирался ко мне в комнату. Но когда он приходил, он всегда вел себя очень странно. Он всегда прижимался к стене и, раскачиваясь взад-вперед, смотрел на свои часы.

«Тик-так, тик-так, тик-так, тик-так...»

Но он меня обнимал. Он всегда стискивал меня в объятиях. Он никогда раньше такого не делал, но теперь он так сильно прижимал меня к себе, что иногда мне становилось тяжело дышать. А на прошлой неделе... на прошлой неделе он даже прижался губами к моей голове. У меня чуть не взорвалось сердце. Кролик меня поцеловал. Когда ему было грустно, я поцеловала его в губы. Но я не могла и мечтать, что он когда-нибудь меня поцелует.

Сейчас мне хотелось, чтобы он снова меня обнял. Чтобы снова меня поцеловал. С Хитэном я всегда чувствовала себя в безопасности.

Я невольно вздрогнула, когда двери лифта открылись, и яркий свет потолочных светильников ослепил мне глаза. Последовав за миссис Дженкинс, я споткнулась о ковер.

Я взглянула на свои руки, и мне удалось сделать небольшой вдох. Я все еще держала в руке куклу, сжимая в кулаке ее длинные светлые волосы.

«Она защитит тебя от плохих людей...», — пронесся у меня в голове мамин голос.

В коридоре послышался звук шагов. Подняв голову, я увидела вдалеке Кролика. Дядя Клайв положил ладонь Хитэну на плечо и вел его в комнату. Я попыталась окликнуть Хитэна, но не успела вымолвить и слова, как дядя Клайв завел его в комнату и закрыл за собой дверь. Я все пыталась открыть рот, спросить миссис Дженкинс, куда ушли Хитэн и дядя Клайв, но не могла пошевелить губами. Они онемели.

Хитэн здесь тоже из-за сюрприза на мой День рождения?

Может сюрприз заключается в том, что его, наконец, мне вернут после того, как так долго от меня скрывали?

Миссис Дженкинс остановилась у папиной двери. Она поправила ободок у меня на голове и пригладила мне волосы.

— Ваш папа подумает, какая же Вы красивая, мисс Эрншоу. Его идеальная девочка.

Я попыталась моргнуть, но мои веки еле двигались. Я открыла рот, чтобы сказать ей о том, что хочу вернуться в постель, но у меня во рту всё пересохло, и было невозможно пошевелить языком. Губы казались такими распухшими, что их не удавалось разомкнуть, и я не могла произнести ни слова.

Миссис Дженкинс привела меня в папин кабинет. Закрыв позади нас дверь, она крепче сжала мою ладонь. Папа широко улыбнулся и поднялся с кресла.

— Эллис! — произнёс он и, протянув руки, подошел ко мне. Он обнял меня и крепко прижал к себе. Папа поцеловал меня, громко чмокнув в щеку.

— С Днем рожденья, детка, — он сделал шаг назад и, держа меня за руки, оглядел с головы до ног. — Ты замечательно выглядишь.

Я подалась немного вперед, чтобы лучше его видеть, и пошатнулась.

Все мои дяди по очереди крепко меня обняли. К тому времени, как от меня отошел последний из них, я почувствовала у себя на щеках слёзы.

«Помогите! — хотела закричать я, но не смогла. — *Со мной что-то не так!*»

— Иди сюда, малышка, — папа провел меня в центр расставленных по кругу шикарных кожаных кресел. Он отошел в другой конец комнаты, и воздух наполнился звуками «Дорогой Джесси», моей самой любимой на свете песни. Папа и все мои дяди уселись в кресла.

— Потанцуй для нас, детка, — сказал папа, и вдруг комната перестала крениться в сторону.

Я попыталась помотать головой. Хитэн велел мне никогда больше для них не танцевать. Он повторял мне это каждую ночь. Каждую ночь он заставлял меня ему это обещать. И с тех пор как он мне это запретил, я больше для них не танцевала.

Не знаю, увидели они, как я мотаю головой или нет, но мой папа, похоже, на меня рассердился. Я крепче сжала в кулаке волосы своей куклы.

— Танцуй, детка, — снова сказал он.

Когда я отказалась, он поднялся на ноги. Он коснулся ладонью моего лица, а затем провел пальцем по моей щеке.

— Она выпила? — спросил он у кого-то, кто стоял у меня за спиной.

— Все до капли, — ответила миссис Дженкинс. — Я проследила.

Я услышала, как она вышла из кабинета, и за ней закрылась дверь.

Тут встал дядя Джон и подошел к нам. Он потянул моего папу за руку и сказал:

— Я выиграл право на эту ночь, Джейкоб. Я иду первым. Это была честная сделка. Я выиграл ее в покер честно и справедливо.

Мой папа кивнул и жестом указал на дверь. Дядя Джон взял меня за руку и вывел из комнаты. Я обернулась посмотреть на папу, но он уже разговаривал с остальными моими дядями. Они пожимали ему руку и смеялись. Дядя Сэмюэль хлопал его по спине.

Дёрнув меня за руку, дядя Джон потянул меня вперед. От резкого движения я разжала кулак, и выронила куклу на пол.

«*Нем!*», — попыталась прокричать я, когда Алиса упала на ковёр, но я по-прежнему не могла пошевелить ртом. Пока дядя Джон вел меня по коридору, я всё смотрела, как она лежит там на ковре. Мы остановились у двери, что располагалась напротив той комнаты, в которую зашел Хитэн с дядей Клайвом. Я протянула руку и провела пальцами по деревянной двери Хитэна. Я попыталась произнести его имя. Но не издала ни звука. Не успела я постучать, чтобы мой Кролик вышел ко мне и сказал моему папе и дядям о том, что я слишком больна для их сюрприза ко Дню моего рождения, как дядя Джон увел меня в комнату.

Он повёл меня к кровати, и я облегченно вздохнула. Он понял, что я больна. Он даст мне поспать. Он обо мне позаботится.

Он подвёл меня к краю кровати. Присев на нее, я закрыла глаза, чтобы как-то остановить вращение комнаты, и почувствовала, как руки дяди Джона пробежали по моим новым полосатым гольфам и устремились к бедрам. Он задрал мне платье, и я распахнула глаза. Когда он ухватился за мои новые кружевные трусики, которые подарила мне миссис Дженкинс, я вскочила и попыталась от него отодвинуться. Дядя Джон мне улыбнулся, а затем наклонился и, поцеловав меня в губы, стянул с меня трусики. Сняв их у меня с ног, он сунул их в карман своих брюк.

— Ложись, малышка, — он погладил меня рукой по волосам. У меня сильно колотилось сердце. Я покачала головой, но он, надавив мне на плечо, прижал меня к матрасу. Он полез на меня, и когда я посмотрела вниз, то увидела, что он держит что-то в руке. Я не могла понять что, но он водил по этому ладонью, туда-сюда. У него покраснелись щеки, дыхание стало сбивчивым, таким, словно он запыхался, и он снова наклонился и поцеловал меня.

— С Днем рождения, малышка, — прошептал он мне на ухо, и я почувствовала, как дёрнулась его рука. Дёрнулась туда, куда я совсем не хотела его пускать.

«*Нем!*», — хотела закричать я, но только смотрела, как раскачивается у меня над головой светильник и не могла пошевелиться. Я поморгала, потом снова поморгала. Было очень больно. Так больно, что у меня из глаз полились слезы.

И Алисы, моей куклы, здесь не было. Её не оказалось рядом, чтобы меня защитить, как говорила мама.

— Хитэн, — попробовала прошептать я, но мой рот не двигался.

— Хитэн, — снова попыталась я, но думаю, это прозвучало только у меня в голове. — Мне не... Мне не нравится такой подарок на день рождения, Кролик... это больно... помоги мне... уведи меня по кроличьей норе в Страну Чудес.

Но Хитэн так и не пришел.

Мы так и не попали в Страну Чудес.

И так и не смогли отыскать кроличью нору.

Поэтому я просто закрыла глаза...

***

Когда я шла за своим дядей в папин кабинет, мне было очень холодно. По телу бегали мурашки, и дрожали губы. Они дрожали так сильно, что я ничего не могла сделать, чтобы это прекратить.

Мне было тяжело идти. Между ног так жутко болело, что у меня все ещё текли слезы. Но дядя Джон не обратил на это никакого внимания, а только погладил меня по голове и сказал, что я хорошая девочка. Он сказал мне, что теперь мы стали ближе. Все мы. Что все мои дяди хотят сблизиться со мной так же, как мы с ним... потому что они очень сильно меня любят. Что это подарок на мой День рождения.

Я подумала, что мне совсем не хочется так сильно с ними сближаться. Но не осмелилась это сказать.

Дядя Джон протиснулся в дверь кабинета и снова повел меня к кругу кресел. На столе у папы я увидела свою куклу Алису. Мне захотелось её обнять. Мне хотелось, чтобы от этого мне стало легче, чтобы она меня защитила. Может, если бы она оказалась у меня в руках, боль у меня между ног уже не была бы такой сильной.

Но потом я услышала, как откуда-то из-за кресел раздался шепот:

—*Нет.*

Я подняла глаза. У меня сжалось сердце, и к горлу подступил огромный комок, когда я увидела в центре круга Хитэна. Его держал за плечо один из моих дядей и уже собирался вести мимо меня к двери. Чтобы получше его разглядеть, я помотала головой и вытерла слезы. Но сделав это, я еще больше расстроилась. Он похудел. И его красивые серебристо-серые глаза теперь выглядели иначе. Они покраснели и под ними виднелись большие темные круги. Они больше не блестели.

У меня задрожала нижняя губа. Мне захотелось его обнять, я подняла руки и потянулась к нему. С Кроликом я всегда чувствовала себя в тепле и безопасности. А сейчас мне было так холодно. Он бы меня согрел. И может быть... может быть я тоже могла бы сделать так, чтобы ему стало лучше.

Может, мы даже могли бы снова поцеловаться.

— Нет..., — повторил Хитэн, но на этот раз его голос стал громче, и он сердито поджал губы. — Куколка.

Он сбросил с плеча ладонь дяди Сэмюэля. Дядя Сэмюэль вцепился Хитэну в руку, но Хитэн высвободился из его хватки и убежал. Он подбежал ко мне и обнял. Я изо всех сил стиснула его в объятиях.

Он дрожал.

Его дыхание было сбивчивым.

Я глубоко вдохнула...Хитэн. Внешне он мог измениться, но пах все равно как мой Хитэн.

Тёмный. Единственным словом, каким я могла бы описать его запах, было слово «темный».

Он отстранился и посмотрел вниз. Взглянув на мои бедра, его глаза широко распахнулись, и его затрясло еще сильнее. Он очень разозлился. Я прислонилась к нему и посмотрела туда, куда он глядел. Все было красным. Гольфы сползли к лодыжкам, прямо на мои новые ботильоны, но вся кожа у меня на ногах была красной.

Когда я поняла, что вижу, мне стало нечем дышать.

— Кролик, — удалось прошептать мне. — Это... это что, кровь?

У меня закружилась голова. Кролик повернулся и толкнул меня к столу моего папы. Мне необходимо было передохнуть, и я присела на край. Он встал передо мной. Загородив меня от папы и дядей. Я заглянула ему за руку, чтобы посмотреть, что там происходит.

— Я хочу их обоих, — услышала я голос дяди Лестера. — Я хочу их одновременно. К черту покер, я заплачу любую цену, лишь бы их заполучить. Да вы только посмотрите на них... как он ее любит. Защищает её. Как её к нему тянет. Они словно магниты.

Он покачал головой.

— Я годами наблюдал за тем, как они сближались. Вам и не снилась такая связь, — он втянул в рот нижнюю губу. — Представьте, какими взрывоопасными оказались бы всего десять минут наедине с ними... Знаете, мне нравится сопротивление. Когда на всё готов, согласен и способен, это такая скукота.

Из груди у Хитэна вырвался сдавленный звук. Тогда к нам направился мой папа. Я спряталась Хитэну за плечо. Я напряглась. Сейчас мне папа не очень нравился. Он позволил дяде Джону причинить мне боль.

— Отойдите, — прорычал Хитэн. — Трахайте меня, сколько влезет, но ещё хоть раз к ней прикоснетесь, и я вас всех прикончу. Никому не трогать Куколку.

Папа остановился, и все мои дяди тоже... и тут все они начали смеяться. Мне было больно слышать их громкий смех; мне было жутко видеть их раскрытые, хохочущие рты. Я хотела, чтобы они замолчали. Хотела, чтобы они перестали смеяться над моим Кроликом. Я зажала уши руками и попыталась заглушить смех.

— Уйди с дороги, Хитэн. Сейчас вы оба немного повеселитесь с дядей Лестером.

— Возьмите меня. Ее не трогайте, — Хитэн подошел ко мне так близко, что его спина прижалась к моей груди. Мне не понравилось, как пахла его спина. Она снова пахла дымом... совсем как мои дяди.

Совсем как дядя Джон.

— Последний шанс, мальчик, — предупредил Хитэна мой папа. — Не зли меня. Всё это благородное дерьмо восхитительно, но бесполезно.

И вдруг из другого конца комнаты прямо на Хитэна набросился дядя Эрик. Хитэн потянулся назад и провел ладонью по столу. Он что-то оттуда взял. Как только дядя Эрик схватил Хитэна за черные волосы, чтобы оттащить его от меня, Хитэн вскинул руку и сделал что-то с шеей дяди Эрика.

У меня закрылись глаза. Я не увидела, что сделал Хитэн. Я слышала хрипы и глухой стук, и Хитэн больше ко мне не прижимался. Я потеряла веки и открыла глаза, а когда я взглянула вниз, то увидела, как Хитэн кромсал горло дяди Эрика...его грудь... живот. Кровь потоком хлынула вверх и забрызгала мне лицо, теплая жидкость потекла по моим щекам.

Черная одежда Хитэна покрылась красным, как и его лицо, руки и каждый сантиметр открытой кожи.

Папа с дядей Лестером кинулись вперед и оттащили Хитэна от дяди Эрика. Увидев, что они ударили моего Кролика, я закричала... они били его снова и снова. Хитэн выронил то, что держал в руке, и я поняла, что это за окровавленный предмет. На полу лежал папин нож для писем, тот самый, на котором было выгравировано изображение короля червей. Папа вместе с моими дядями очень любил играть в покер. Из-за них у нас в доме всегда валялись карты. Черви были любимой мастью моего папы.

Я опустила взгляд на лежащего на полу дядю Эрика и, присмотревшись к нему повнимательнее, громко вскрикнула. Он не шевелился, его глаза были открыты и смотрели на потолок. Он не моргал. Из его шеи лилась кровь.

— Кролик! — я почувствовала, что слезы сильнее хлынули по моим щекам. Он был мне очень нужен. Я хотела его защитить. Хотела сделать всё возможное, чтобы ему не причиняли боль.

— Кролик..., — зарыдала я, увидев, как он борется, чтобы вернуться ко мне. Он замахивался на моего папу, дядей, но так и не смог вырваться.

— Куколка... Кукол...ка..., — прохрипел он, когда дядя Джон сдавил рукой горло Хитэна. Хитэн не мог говорить, но ни на секунду не отводил от меня глаз. Я протянула к нему руку.

Папа подбежал к стоящему рядом со мной телефону. Он сделал звонок, повесил трубку и вернулся к Хитэну, который все еще боролся с рукой дяди Джона.

— Ты облажался, парень.

— Оставь ее в покое, — огрызнулся Хитэн, высвободив голову из хватки дяди Джона. Папа снова ударил Хитэна, разбив ему губу. У Хитэна по подбородку потекла кровь. Папа продолжал его избивать и бил его до тех пор, пока зубы Хитэна не стали красными от крови. Хитэн только ухмылялся в лицо моему папе, кровь и слюна капали на пол.

Я не могла больше этого выносить.

Я прыгнула со стола и подбежала к ним, чтобы его остановить. Но папа схватил меня за руку и прижал к груди. Хитэн смотрел мне в лицо. Там было так много крови. Папа приблизился губами к моему уху.

— Попрощайся со своим дружком, детка, — сказал он, и я замерла. — Он уезжает... туда, откуда уже никогда не вернётся.

— Нет! — одновременно закричали мы с Хитэном.

Я уставилась на Хитэна, чувствуя, как папа гладит меня по волосам. Хитэн тоже неотрывно смотрел на меня. Я плакала. Плакала очень сильно, потому что у меня разрывалось сердце. Хитэн был моим лучшим другом. Моим самым любимым человеком на свете. Мне не хотелось, чтобы он уходил.

У него больше не было друзей.

Я была его Куколкой.

Он был моим Кроликом.

Я... я его любила...

И тогда я увидела это. Я заглянула в его серебряные глаза, и заметила, как из уголка одного глаза Хитэна выскользнула слеза. Мне стало нечем дышать, и мое сердце разбилось на мелкие кусочки. Потому что Кролик никогда не плакал. Вообще *никогда* не плакал. Даже когда умер его папа, он не проронил ни слезинки.

Но сейчас он плакал...

Потому что его отрывали от меня.

— Не надо... Не плачь, Кролик, — прошептала я. У меня перехватило дыхание. Мне было так грустно, что я едва могла говорить. Я потянулась к нему и попыталась смахнуть у него со щеки сбежавшую вниз слезу, но папа ударил меня по руке.

Я услышала, как за мной открылась дверь.

— Отведите ее в комнату, — не оборачиваясь, сказал папа.

Пальцы миссис Дженкинс сжали мою ладонь. Я отдернула руку. Мне нужно было остаться с Хитэном. Я очень боялась. Боялась, что они причинят ему боль.

Папа заправил мне за ухо выбившуюся прядь волос.

— Детка, попрощайся с Хитэном.

— Нет! — помотав головой, закричала я.

Хитэн изо всех сил пытался вырваться из цепкой хватки моего дяди, но не мог. Я дернулась вперед, сбросив невидимые оковы, которые, казалось, приковали меня к месту, и обняла Хитэна за шею. С улицы до меня донёсся звук подъехавшей к дому машины, и я обхватила его крепче.

— Кролик... Мне страшно, — я почувствовала, как сбежавшая по его щеке слеза поцеловалась с моей слезой.

— Я вернусь за тобой, Куколка, — прошептал он. — Жди меня. Я за тобой вернусь. Чтобы забрать тебя из этого места... в Страну Чудес. Хорошо?

Мои всхлипы превратились в икоту.

— Хорошо.

Затем Хитэн приблизил губы к моему уху и произнёс:

— В кармане моего жилета. Возьми их.

Я сунула руку ему в карман и достала его часы. Не успела я сжать их в ладони, как миссис Дженкинс потащила меня из комнаты.

— Хитэн! — завизжала я. Поймав глазами его взгляд, я произнесла то, что жгло мне сердце. — Я люблю тебя, Кролик!

Его глаза широко распахнулись.

— Ты мой лучший друг!

Ответа Хитэна я не услышала, потому что обо что-то споткнулась. Увидев, что это дядя Эрик, я почувствовала приступ тошноты.

— Кролик! — теперь, когда я снова обрела дар речи, я, не переставая звать Хитэна, желая, чтобы мой Кролик меня обнял. Я без конца выкрикивала его имя, пока миссис Дженкинс не затолкала меня в мою спальню и не захлопнула дверь. Я кричала и кричала, колотя в дверь и царапая прочное дерево своими полированными ногтями, но она не вернулась. Она заперла меня в комнате.

Я услышала, как снаружи открылись двери машины. Я побежала к окну и прижалась рукой к стеклу. Перед домом стоял большой черный фургон. На улицу вышел папа, за ним проследовали двое моих дядей, волоча за собой Хитэна. Я кричала его имя, изо всех сил барабанила по оконному стеклу и глядя на то, как они бросили его в багажник. Кричала, когда фургон тронулся с места, увозя с собой мое сердце.

Я смотрела вслед уезжающему фургону, пока его задние фонари совсем не скрылись из виду.

Папа вместе с моими дядями вернулся в дом. Я плакала и плакала, долгими часами неотрывно глядя на дорогу, но фургон с Хитэном так и не вернулся. У меня задрожали колени и, не в силах больше держаться на ногах, я скользнула вниз по стене. Рухнув на пол, я застонала от жуткой боли у меня между ног. И уставилась на дверь. Я не знала, вернется ли папа или мои дяди, поэтому просто смотрела на дверь и молилась, чтобы они не пришли.

Вспомнив слова Хитэна о том, что он за мной вернется, я почувствовала, как у меня задрожали губы. Мне просто нужно дождаться его возвращения. Я опустила глаза на свою руку. Они были в кулаке. Несмотря на ощутимую дрожь в руке, я разжала пальцы. Вся ладонь была в крови, но когда я вытерла кровь, то увидела у себя в руке карманные часы Хитэна. Я уставилась на треснувшее стекло... на две стрелки на циферблате. И услышала у себя в голове его голос.

«Я за тобой вернусь...».

Мой Кролик вернется и заберёт меня. А до тех пор, я буду отсчитывать время. И вдруг мне стало нечем дышать. Стрелки, которые всегда стояли на месте, встрепенулись и вернулись к жизни. Они двигались! Стрелки двигались! Я увидела то, что всегда видел Хитэн. Это не было притворством. Я видела, как они показывали время!

Я поднесла часы к уху и, не сводя глаз с двери, прислушивалась, нет ли в коридоре какого-нибудь движения, и не идёт ли кто-нибудь ко мне в комнату. Я постучала по часам — точно так же, как делал Хитэн — и прошептала:

— Тик-так.

Услышав тиканье заводных стрелок, я сглотнула и улыбнулась. Я знала, что Кролик никогда не нарушит данного мне обещания.

— Тик-так... тик-так... тик-так..., — снова и снова шептала я в такт часам, пока у меня не пропал голос.

Тик-так... тик-так... тик-так.

Я буду считать до тех пор, пока мой Кролик не вернется домой.

4 глава

Хитэн

Спустя одиннадцать лет...

Подъехав к знакомым воротам, я рванул вниз рычаг переключения передач. Только теперь эти ворота были ржавыми и обветшалыми и безвольно свисали со своих хлипких петель. Сорняки, словно цепкие лапы, обвивали их прутья. Они не имели ничего общего с теми внушительными воротами, которые я помнил с тех пор как здесь жил. Они сломались и пришли в негодность ...

Как и все, кто хоть раз попадал в это гребаное место.

Хотя возможно, к тому моменту, как я впервые здесь оказался, я уже был другим и исковерканным. Но *она* такой не была.

Я вышел из машины и приблизился к воротам. С неба на меня светило раскалённое солнце. Я поплотнее затянул галстук, поправил черную рубашку и жилет, а затем ударил ногой по трухлявому замку. Под моим натиском ворота застонали, но все же распахнулись, обнажив скрывавшийся за ними безграничный ад. Я стоял, медленно и глубоко дыша, стараясь заглушить мечущиеся у меня в голове голоса. Те самые, которые говорили мне не оставлять здесь в живых никого, уничтожить всех этих скотов и заставить их заплатить своей кровью, воплями и жуткими муками... Голоса, которые неотступно следовали за мной все эти годы, не давая мне забыть о неизбежной расплате.

— Вовремя, — вслух произнёс я. Машинально, я пробежал рукой по карману жилета в поисках карманных часов, которые оставались со мной на протяжении стольких лет. Тик-так, тик-так, тик-так, тик-так...

«*Я здесь*», — безмолвным призывом донеслось из особняка, который находился за длинной подъездной дорогой и росшими в стороне деревьями. Призывом к тому единственному, что ещё имело значение для моей прогнившей души. Пальцы обхватили трость, на которой покоилась моя ладонь. Взглянув вниз, я скользнул рукой по черному металлическому shaftу. (*Прим. Shaft — длинная часть трости*)

«*Кролик*», — отдалённым эхом из прошлого донесся до меня шепот Куколки, когда мой взгляд упал на декоративный набалдашник трости. Оскаленная морда белого кролика с прижатыми к голове ушами.

Кролик.

Ее кролик.

Прочертив тростью круг, я повернулся и снова сел в машину. Взвизгнув шинами, я рванул вперед по грунтовой дороге, оставив позади себя густое облако пыли. Когда-то она была мощеной и гладкой, но теперь стала заросшей и разбитой. Машина с ревом неслась по дороге, минуя ухабы и извилистые повороты. Приблизившись к финальному изгибу дороги, я крепче сжал руль.

Сразу за ним раскинулся величественный вид на особняк Эрншоу. Дом, который зародил во мне биение жизни, и нанёс сокрушительный удар, уничтоживший то подобие сердца, что у меня когда-то было.

Когда из-за поворота показался край здания из коричневого кирпича, у меня перехватило дыхание. Мох и сорняки плотным роем саранчи облепили некогда прекрасный дом, совсем как те длинные ползущие растения на воротах. Внешняя разруха отражала то, что на протяжении долгих лет происходило у него внутри.

Я знал, что тут больше не осталось тех, кто заразил это место своим ядом, но *она* была здесь.

Я, наконец, вернулся, чтобы ее забрать.

Остановив машину прямо у входа, я посмотрел на ведущую к главным дверям лестницу. Перед моим мысленным взором исчезли, обнажив дорогое лакированное дерево, сорняки, обвивающие большие дубовые двери, через которые меня тащили, когда

я был ребенком. Бронзовая ручка сбросила с себя рыжевато-бурую ржавчину, снова заблестев на солнце. Заросли травы на газоне исчезли, оставив после себя лишь акры ухоженной земли, а в мертвой и пожухлой цветочной изгороди, обрамляющей дом, проступили новые цвета — насыщенные красные и желтые — разогнав тернии темноты и ночи. В моем сознании поместье Эрншоу снова предстало передо мной в своем первозданном виде.

И я тоже снова вернулся туда. В ту ночь, когда меня увезли. Забрали от моей любимой ... моей Куколки...моего дуновения ветра, моих парусов... моей души...

***

Дверь распахнулась. Из нее вышел мистер Эрншоу в сопровождении "дядей", которые волокли меня за собой. Когда они протащили меня по ступеням и швырнули в ожидающий у дома фургон, я так сильно стиснул зубы, что казалось, они вот-вот раскрошатся.

Как только меня бросили в багажник, фургон тронулся с места. Я сидел в темноте, колотя окровавленными кулаками по стенам и пытаюсь найти выход.

— Куколка! — кричал я. — КУКОЛКА!

Я кричал снова и снова. Кричал до тех пор, пока не сорвал голос. У меня подкосились ноги, и я проигнорировал пронзившую меня боль, которая напомнила мне о том, что они со мной сделали. Один за другим, месяц за месяцем. Никаких поблажек. Никаких передышек. Только они позади меня, кряхтя и задыхаясь, вонзаясь в меня, прижимаясь грудью к моей спине.

Что они теперь сделали с Куколкой. Моей Куколкой. Её глаза... её глаза, когда этот жирный хрен привел ее в комнату. Она едва стояла на ногах, по бедрам текла кровь. Заплаканная, бледная... загубленная.

Моя хрупкая живая кукла сломалась.

Я ещё раз прокрутил в голове то, как вонзил нож для писем в шею дяде Эрику, ему в грудь, в живот. Вспомнил кровь, которая брызнула мне на кожу — горячая, свежая, с сильным металлическим запахом. Её вкус, когда она попала мне в рот, ее терпкий букет, раскрывшийся у меня на языке — вкус его смерти. Вкус моего победного убийства. И почувствовав, как у меня под пальцами замедляется его пульс. Увидев, как угасает в его глазах жизнь. Я ощутил, как во мне запульсировала неведомая сила.

Я это сделал.

Я вырвал из него жизнь. Своими руками.

Ради Куколки. Ради моей Куколки.

Мы так долго ехали, что я уснул. Когда я проснулся, на улице было еще темно. Мужчина, одетый во всё черное, рывком вытащил меня из фургона и поволок к высокой водонапорной башне. Она была белой, но на ней не имелось никаких обозначений. Я огляделся: вокруг не было ничего, кроме бескрайних полей. Мужчина притащил меня к основанию башни и открыл дверь. Он толкнул меня вперед. Споткнувшись, я влетел в башню и увидел уходящую под землю лестницу.

Схватив меня сзади за шею, мужчина пихнул меня дальше. В кромешной темноте я спускался всё ниже и ниже, пока не оказался у железной двери. Звякнули засовы, раздался скрежет металла, затем открылась дверь, и меня втокнули внутрь. Я распахнул глаза. Передо мной предстали бесчисленные ряды клеток. Потом из темноты показался человек. Старик. Встретившись с ним взглядом, я тут же предупредительно поджал губы. Он мне улыбнулся.

Я представил себе его смерть. Пущенная ему в рот пуля, вышибла бы ему мозг, разворотив всю заднюю часть его тупой башки. Грубо. Кровожадно. Жестоко.

— Ты связался с не теми людьми, парень, — произнёс он и покачал головой. — Здесь долгие годы тусовалось много разных отморозков; некоторые из них были подростками, но ты, пожалуй, один из самых молодых за всю историю.

Мужчина позади меня рассмеялся и потер рукой мне по спине. Я дернулся вперед и, развернувшись, пристально уставился на этого козла. Я ненавидел прикосновения.

— Многим моим людям понравится, что ты так молод.

Я повернулся к старику и смерил его свирепым взглядом.

— Ох, да вы только посмотрите на это! Наш маленький садист-убийца в ярости, — он положил руку на сердце. — Позвольте представиться. Я главный надзиратель этого заведения. Земли забытых. Места, о котором не знает даже правительство. Никакой полиции. Никакой Службы по защите детей. Только ты и я, и мои люди, и сто других извращенных больных ублюдков, которые связались не с теми людьми.

Он шагнул ко мне. Так близко, что я уловил в его дыхании запах сигарного дыма. От него пахло так же, как от мистера Эрншоу. Так же, как от дядей.

— Никто не придет тебе на помощь. Это твой новый дом. Секретный «Алькатрас», финансируемый одним процентом несметных богачей, которые щедро платят мне за то, чтобы удалить...из своей жизни...ненужные проблемы, — он пожал плечами. — Богатые люди, знаешь ли. Они любят совершать преступления, но не любят разгребать последствия. И вот тут-то в дело вступаем мы. Санитарная служба, если угодно.

Надзиратель посмотрел на стоящего у меня за спиной мужчину.

— Единственная камера, где ещё осталось место, это пятьдесят вторая.

— Это разумно? — произнёс охранник. — Не думаю, что нам следует сажать к ним кого-то ещё. Они и без третьего нам как кость в горле. Не хочу, чтобы они стали ещё опаснее.

Надзиратель помолчал.

— Вижу, к чему ты клонишь. С такими сокамерниками охранникам будет труднозато заполучить его для своих утех, — он неопределённо взмахнул рукой. — Но у нас нет выбора. Его привезли в последнюю минуту. Придется это сделать. В любом случае, он всего лишь ребенок. Чем он может нам навредить?

Охранник раздражённо запыхтел и толкнул меня вперед. Он провел меня вверх по нескольким лестницам. На каждом новом этаже я видел клетки с тремя или четырьмя мужчинами. Некоторые из них лизали решетки. Некоторые указывали на меня, угрожая убить. Я не чувствовал страха. Я прикончил бы любого из них, кто бы ко мне приблизился.

Одного больного ублюдка вслед за другим больным ублюдком.

Мы остановились у одной из клеток, и охранник достал из кобуры пистолет. Он направил его в темноту камеры и быстро открыл дверь. Я не двинулся с места, тогда он толкнул меня внутрь и, с лязгом захлопнув решетку, тут же отшатнулся. Сжав кулаки, я развернулся и увидел, как он спускается по ступенькам.

И тут я почувствовал, что сзади за мной кто-то наблюдает, и по телу пробежала дрожь.

— И кто это тут у нас? — раздался из угла комнаты низкий голос.

Я услышал шорох и понял, что в другом углу пошевелился кто-то еще. Я был окружен.

— Судя по его одежде, маленький Дэппер Дэн. Брюки, рубашка и жилет. Всё черное. Довольно изыскано для кого-то столь юного...впечатляет. (Прим. Дэппер Дэн — модная легенда Гарлема 1980-х. Прошел длинный путь от гангстера до законодателя мод в хип-хоп-среде)

Прищурившись, я взгляделся в темноту. На задней стене тусклым светом горела одинокая лампочка, но тот, кто находился здесь со мной, был окутан тьмой. Потом я

заметил слева от себя белый проблеск. Там кто-то стоял. Но я сохранил самообладание, сжал кулаки и приготовился к бою.

— Взгляни на это, Генри. Маленький Дэппер Дэн готов со мной сразиться.

— Хорошо. Ему здесь такой задор совсем не помешает, — произнёс справа от меня более грубый голос.

Раздался звук шагов по каменному полу, и на свет вышел человек. Мужчина с длинными светлыми волосами до плеч. Он был одет в черные брюки и белую рубашку — и то, и другое выглядело жутко грязным. Он оказался довольно молодым. Может, лет двадцати. Он положил руку на грудь и театрально поклонился.

— Меня зовут Чепел, — он выпрямился, потом улыбнулся. Мужчина был красивым и говорил с акцентом, которого я никогда раньше не слышал. Он казался богатым, таким, будто у него имелись деньги...утончённым.

— Добро пожаловать в Водонапорную башню. Хранительницу всего темного. Вроде ящика с трофеями самого чокнутого коллекционера преисподней, — он улыбнулся ещё шире. — Я, что говорится, своего рода Потрошитель.

Нахмутив лоб, я попытался сообразить, что он имеет в виду.

— Сложновато для твоего понимания? — произнёс он и кивнул. — Ты слишком молод. Возможно, тебе еще не приходилось слышать истории о таких людях, как я.

Он подошел еще ближе.

— У меня, скажем так, нездоровая одержимость ночными бабочками, и мне нравится разделять их самыми аппетитными способами.

Я нервно сглотнул, но не позволил себе отвести от него глаза. Он рассмеялся и застегнул у себя на рубашке золотые запонки.

— Я адвокат по профессии. Можно сказать, нечто вроде молодого дарования. Окончил престижный университет Лиги плюща, намного раньше своих сверстников. Но, увы, уже два года сижу здесь, — Чепел посмотрел в дальний угол и дёрнул головой. Когда тот, кто там находился, так и не пошевелился, он закатил глаза. — Генри, у нас гость. Необходимо представиться. Этого требует соответствующий этикет.

Чепел взглянул на меня и покачал головой.

— Янки, сам понимаешь. Никаких манер, в отличие от моего южного воспитания.

Какое-то время из темного угла не доносилось ни звука, но потом там кто-то зашевелился. На свет вышел высокий, хорошо сложенный, шатен. У него тоже были длинные волосы, только каштановые. И я никогда раньше не видел таких светлых карих глаз, как у него. Они казались почти золотыми. На вид он был примерно того же возраста, что и Чепел. Может, немного помладше. Но гораздо старше меня.

— Это Генри, — пояснил Чепел.

Генри зыркнул на меня, но ничего не сказал. Только откинул с лица волосы.

— Итак, Генри у нас доктор, — Чепел постучал себе по голове. — Человеческих душ. Психолог.

Он засмеялся.

— Весьма иронично, не правда ли?

Только я задумался, что же такого натворил Генри, чтобы здесь оказаться, как Чепел добавил:

— Генри в жизни не сделал ничего плохого. Он невиновен.

Внезапно Генри закрыл глаза, стиснул зубы, и у него из груди вырвался натуженный звук. Его длинные волосы упали ему на лицо. Плечи подались вперед, и при этом движении мышцы на шее и плечах вздулись. От перемены в своем облике он показался мне огромным. Больше и страшнее, чем раньше.

Когда Генри открыл глаза, он снова взглянул на меня. Но на этот раз он был совершенно другим. Его глаза сузились, взгляд напрягся. Ноздри раздувались, а ладони сжались в кулаки.

— А это Хайд, — сказал Чепел. — И вот он уже...не столь невинен. Скажем так, он любит смотреть, как под его умелой рукой... умирают люди.

— Я тоже люблю на это смотреть, — произнёс я.

Чепел удивлённо улыбнулся.

— Превосходно! — подмигнул он.

— Хотя намного сильнее я люблю их убивать, — добавил я.

Хайд выпрямился, и у него на губах мелькнул проблеск ухмылки.

— Генри и Хайд — два разных человека, живущих в одном теле, — пояснил Чепел. — И один всегда борется за то, чтобы доминировать над другими. Говоря медицинскими терминами, диссоциативное расстройство личности. Генри — профессионал. Человек консервативных взглядов. Тихий. Замкнутый. Ну, а Хайд... совсем наоборот.

— Что это за место? — спросил я, оглядываясь вокруг. Меня не волновало, что это за люди. Мне просто нужно было отсюда выбраться. Я должен был вернуться к моей Куколке.

— Место, куда нас отправили те, кто хотел от нас избавиться, — Чепел склонил голову набок. — Но ты так молод, что разжжёт моё любопытство. Сколько тебе лет, Дэппер Дэн?

— Двенадцать, — ответил я.

Чепел удивлённо вскинул брови. Он посмотрел на мои руки и улыбнулся.

— На твоих руках кровь? В буквальном смысле? Юный Дэппер Дэн..., — он неодобрительно поцокал языком, потом рассмеялся.

— Они причинили боль Куколке. Они к ней притронулись. Сделали с ней то же, что и со мной. Её глаза..., — я почувствовал, как у меня задрожали руки. — Они довели ее до слёз. Ее папа. Ее дяди... из-за них у нее текла кровь...

Почувствовав, что сейчас взорвусь от ярости, я замолчал.

— Тогда я бы сказал, что учинённое тобой кровопролитие вполне оправдано, — заметил Чепел, и улыбка исчезла с его лица.

— Мне нужно к ней вернуться. Я должен ее спасти. Не дать им еще больше ей навредить. Меня не будет рядом, чтобы ее защитить. Она совсем одна. Она..., — подумав о Куколке, я покачал головой. — Она слишком хрупкая. Она не сможет справиться с тем, что они с ней сделают. Я это знаю. Она... она...они ее сломают. Не только физически, но и морально. Она... другая. Слишком нежная для этого мира.

Я повернулся к решетчатой двери и потряс за металлические прутья. Дверь не двигалась.

— У каждого из нас есть люди, к которым нам необходимо вернуться; будь то мечь, защита или привязанность, но мы должны дождаться подходящего момента, — проговорил Чепел. — Я только сейчас понял, что мы так и не узнали твоего имени.

Я не обернулся. Я неотрывно смотрел на винтовую лестницу, ведущую обратно к главному надзирателю и его закрытой железной двери. Двери, которая открывала путь во внешний мир. — Кролик. Меня зовут Кролик. Белый Кролик.

— Ну, Кролик, — шагнув ко мне, сказал Чепел. — Все мы планируем когда-нибудь отсюда выбраться. И однажды это произойдет. А пока мы ждем. Ты очень скоро поймешь, что единственное, чем мы занимаемся в этой башне, это ждем. Мы строим планы и вынашиваем замыслы. Мы планируем день, когда снова увидим солнце и отомстим тем, кто думал, что сможет убрать нас подальше от глаз.

***

ТРИ МЕСЯЦА НАЗАД...

Охранники так и не приблизились к нашей двери.

Одиннадцать лет. Одиннадцать лет я ждал. Конечно же, я слышал охранников. Слышал, как они заходили в камеры к другим заключенным. Трахали их. Пытали. Делали с ними всё, что хотели.

Но только не в нашу.

Хайд и Чепел об этом позаботились.

За год до моего прибытия Хайду и Чепелу почти удалось сбежать. Хайд вырвал глотку охраннику, когда тот подошел слишком близко к решетке. Охранник оказался слишком самоуверенным. Он насмеялся над живущим в Генри монстром. Пока этот монстр не вырвался на свободу и не прикончил его на месте.

— Большие мы не просчитаемся, — сказал мне Чепел вскоре после того, как я приехал туда много лет назад. — Когда представится следующая возможность, у нас всё получится.

Поэтому, когда появился новый охранник... охранник, который не мог оторвать глаз от привлекательной внешности Чепела, такая возможность замаячила у Чепела перед глазами.

Здесь улыбка.

Там подмигивание.

И охранник подходил всё ближе.

Как муха к его липкой ловушке.

Я повертел в руке иглу, ту, самую, которой Чепел наносил мне татуировки. Иглу от шприца, что бросили ко мне в камеру, когда меня чуть не убила инфекция. Инфекция была очень тяжелой, но я не мог позволить себе умереть. Мне нужно было вернуться к Кукоке.

— Почему они мне помогают? — спросил я Чепела, стиснув зубы и вонзив иглу себе в ногу.

— Те люди, которые заплатили кругленькую сумму за то, чтобы нас сюда засунуть, не хотят нашей смерти. Наказание — это для живых, Дэппер Дэн. Целая жизнь, проведённая в сырой, темной камере. Большинству из нас рано или поздно хотелось умереть. Это легче, чем терпеть всё это день за днем.

Мой взгляд замер.

— Мне не хотелось умереть, — отрывисто сказал я, когда мое тело прошиб холодный озноб. — Я не умру, пока снова не увижу Куколку.

Ко мне подсел Генри и, чтобы мне стало теплее, набросил на меня свою рубашку.

— Именно это и отличает тебя от других. Тебя и Чепела, — невесело рассмеялся он. — И Хайда. Мне ничего бы так ни хотелось, как положить конец своим страданиям. Я с удовольствием приму тот покой, что принесет с собой смерть. Но живущий во мне мистер Хайд этого не допустит...

Я сидел в темноте. У меня в кармане покоилась нарисованная мною колода карт. Всех, кроме одной. Той, на которой было изображение моей Куколки. Той, которую вытатуировал у меня на спине Чепел. Ее совершенный образ и подобие. Картина, благодаря которой она продолжала жить у меня в сознании, когда дни в Водонапорной башне становилась все длиннее и темнее.

Я поднял глаза и увидел, как мимо нашей камеры уже третий раз за последние тридцать минут прошел новый охранник. Чепел к тому времени уже поднялся и поджидал его. Он снял рубашку, обнажив торс и грудь. Едва охранник увидел Чепела, глаза его вспыхнули. Чепел медленно подошел к решетке и провёл ладонью по груди. Затем рука скользнула ниже к его члену. Сидящий рядом со мной Хайд давился от смеха, когда от такого зрелища охранник чуть не рухнул на пол.

Охранник удалился, и Чепел сел рядом со мной, ожидая его возвращения. Каждый день он повышал градус своего соблазнения.

— Он тебе нравится? — спросил я Чепела, чуть прищурив глаза. Я был в огромном долгу перед ним, Генри и Хайдом. Из-за страха перед ними охранники так ни разу меня и

не тронули. Чепел обучил меня математике, литературе и искусству. И как художник, у которого вместо холста и рабочих инструментов были лишь заточенные камни и стены, он научил меня всему, что знал. Генри подготовил меня к тому, в каком состоянии я могу обнаружить Куколку.

Хайд научил меня убивать.

Теперь мне нужно было всего лишь воплотить это в жизнь.

Чепел повернул ко мне голову.

— Он молодой и сравнительно приятный на вид, — он улыбнулся, а потом наклонился ко мне поближе. — Я могу по достоинству оценить мужское тело, Дрэппер Дэн, но боюсь, что член — это не для меня. Я питаю слабость к горячей, влажной киске шлюхи... и, конечно, к тому, как она потом умрет у меня в руках.

Он пожал плечами и откинулся на спину.

— Хотя, чтобы помочь нашему делу, я не прочь воспользоваться моими... чарами, которыми столь щедро наделил меня Бог, — он откинул назад свои длинные светлые волосы. — Я — квинтэссенция нарциссизма, Дэппер Дэн. Я не сомневаюсь, что моя несравненная внешность может покорить любого.

Он был прав.

Шли дни, и охранник подходил к решетке все ближе и ближе. В течении нескольких месяцев он тайком передал нам бумагу, картон, карандаши и ручки. Я создал свои карты. Чепел чернилами наносил мне татуировки.

И всё по просьбе Чепела. Все благодаря его стараниям по обольщению голодного до его члена охранника...

— Ты ведь не убьешь меня за то, что я к тебе прикасаюсь, а, Дэппер Дэн? — спросил он, нависнув над моей голой кожей с иглой и чернилами.

— Просто сделай это, — процедил я сквозь зубы. Когда его руки коснулись моей кожи, я подумал о Куколке. Только так я мог сдержаться и не наброситься на человека, который помог мне выжить и сделал так, что меня до сих пор не трогали...

Я проснулся от того, что что-то громко грохотало по металлу. Я резко поднялся, пытаюсь рассмотреть, что происходит. Чепел стоял голый у решетки... и держал охранника за горло. Чепел зажал ему рот рукой. Охранник изворачивался и вырывался, пытаюсь убежать. Я вскочил на ноги, но не успел пошевелиться, как к решетке бросился Хайд, держа в руках мою иглу. Он воткнул иглу охраннику в шею.

Пока Хайд держал охранника, Чепел снял у него с ремня ключи. Через несколько секунд дверь была открыта. Я смотрел, смотрел, бл*дь, на открытую дверь и сердце колотилось у меня в груди. Казалось, Чепел был потрясен не менее меня, когда приблизился к невидимой черте, отделяющей клетку от простирающейся за ней свободы.

Чепел оглянулся на меня, и у него на губах заиграла широкая улыбка.

Он переступил порог камеры и избавил охранника от ножа и пистолета. У того из шеи хлынула кровь и заструилась вниз по его телу. При виде крови у меня участилось дыхание. В отличие от большинства людей, кровь не вызвала у меня отвращения... у меня от нее напрягался член.

Я подошел к льющейся крови так, словно меня притягивало к ней магнитом. Из глаз охранника начала медленно утекать жизнь, и Хайд оглянулся на меня. Я больше не обращал внимания на открытую дверь и тоже сфокусировался на кровоточащей ране на шее у охранника.

Хайд улыбнулся, показав все свои зубы.

— Прикончи его, — приказал он. Когда он поворачивал голову, у него похрустывала шея. — Обратись к тьме, что живет у тебя внутри. Вспомни всё то, чему я тебя научил... и воспользуйся, наконец, этим.

Неожиданно у меня перед лицом возник нож. Я поднял глаза. Все еще голый Чепел протягивал мне клинок охранника.

— Нам нужно вести себя тихо, — прошептал он. — Лучше не сообщать другим охранникам о том, что мы на свободе. Внезапность будет иметь определяющее значение, Дэппер Дэн.

Я взял у него нож.

Я пристально взгляделся в глаза охраннику.

И вонзил лезвие прямо ему в сердце.

Я повернул нож, горячая кровь залила мои покрытые татуировками руки.

— Я хочу ещё, — прохрипел я, вынув лезвие, только когда глаза охранника застыли в вечном сне.

— Тогда нам стоит продолжить, — сказал Чепел и привёл в готовность пистолет. Придерживая иглу, Хайд опустил охранника на пол. И мы двинулись вперед. Одного за другим мы прикончили охранников, всех до единого.

Мы остановились у двери, которая вела к лестнице, ставшей олицетворением нашей свободы. Мы глядели на эту чертову дверь в гробовом молчании. В конце концов, Чепел сунул в замок ключ и отпер его. Обернувшись, он взял все собранные им ключи и бросил их в остальные камеры. Под нарастающий звук открывающихся дверей мы мчались вверх по лестнице, по которой нас привели сюда так много лет назад.

Ворвавшись в темную ночь, я судорожно вдохнул. Свежий воздух обжёг мне легкие. Хайд встал рядом со мной, и краем глаза я заметил, как его руки сжались в кулаки. Он бросился в направлении дома.

— Надзиратель, — произнёс Чепел и последовал за Хайдом.

Почувствовав, как клокочет по венам моя кровь, во мне закипел адреналин, и я тоже побежал. Ворвавшись в дом, я услышал наверху крики. Чепел добрался до спальни буквально за секунду до меня.

Надзиратель и его жена лежали в постели; из ран, что нанес им Хайд, сочилась кровь. Хайд запыхался и тяжело дышал, его глаза загорелись жаждой крови.

Чепел подошел к шкафу и достал оттуда рубашку и штаны. Одевшись, он произнёс:

— Нам нужны деньги и машина. Я достану ключи от автомобиля, а вы двое поищите наличные. Не может быть, чтобы этот ублюдок относил все, что ему платили, в банк.

Тридцать минут спустя мы уже сидели в грузовике, который вел Чепел. Хайд расположился на переднем сиденье, а я сзади, окруженный сумками, набитыми деньгами главного надзирателя. Я глядел в окно на то, как мы пересекали границы штатов, направляясь в один из секретных домов Чепела. Я размышлял о Куколке и плане, который придумал с помощью Чепела и Хайда.

В течение следующих нескольких месяцев я планировал свое возвращение, собирая информацию, необходимую для того, чтобы все прошло без помех. Хайд учил меня убивать. Чепел работал со мной над деталями моего плана. Я купил одежду. Подготовил оружие. Побеседовал с продажным частным сыщиком, которого Чепел знал еще до водонапорной башины.

Через три месяца я был готов.

Готов вернуться за моей девочкой.

Готов провести ее по кроличьей норе.

Готов убивать вместе с ней.

5 глава

Хитэн
Кролик

Я достал коробку из багажника и остановился у подножия каменной лестницы, ведущей к парадному входу. Пальцы обхватили кроличью голову на моей трости, я стиснул зубы и сжал челюсти.

«Куколка, — напомнил я себе. — Ты здесь ради Куколки».

Хрустнув шеей и прищурившись, я посмотрел на входную дверь и сделал первый шаг. С каждым шагом я всё яростнее ощущал запах сигарного дыма. Улавливал их дыхание у меня над ухом. Но я не останавливался. Я шёл дальше, хотя слышал их кряхтенье, их смех... чувствовал, как они раскачивались надо мной взад-вперед.

— Ты готов забрать свою милую? — спросил меня Чепел несколько дней назад.

— Мою Куколку, — бросил я в ответ.

— Твою маленькую милую Куколку, — он улыбнулся и как всегда склонил голову. *— Тогда, юный Дэппер Дэн, передавай ей от меня горячий привет и наилучшие пожелания.*

Он лениво улыбнулся.

— И пусть дьявол всецело будет на вашей стороне...

— Милую Куколку, — тихим шепотом повторил я, глядя на высокие окна её комнаты. Я повернул дверную ручку, старое дерево с громким скрипом поддалось. Мне в лицо ударил поток теплого воздуха. Воздух был наполнен густой, затхлой пылью. Я шагнул в прихожую, и от тусклого света моим глазам сразу же стало легче. После того как я столько времени прожил в темноте, мои глаза никак не могли привыкнуть к свету. Я посмотрел налево и увидел, что вся мебель в комнате завешена белыми простынями. В первой гостиной было то же самое. Все накрыто тканью. Спрятано, будто их никогда и не существовало. Будто у этого конченного адского дома не было секретов и криков, мечущихся в его стенах, словно в ловушке, пульсирующих каждый раз, когда кто-нибудь проходил мимо. Не было отголосков детского плача и боли.

И он не содрогался от разврата.

Нахмутив брови, я опустил глаза на лежащую на трости руку. Она дрожала. Я зашипел и склонил в сторону голову, удивившись редкому проявлению эмоций. Я никогда ничего не чувствовал. Ничего, кроме желания прикончить и погубить тех, кто погубил нас.

Но теперь у меня была Куколка... и воспоминания об этом проклятом месте. Тени, которые подкрадывались ко мне по ночам, заставляя меня заново переживать то чувство осквернения. Демоны прошлого, которые вынуждали меня вновь и вновь проигрывать каждое мгновение, каждый прозвучавший у меня над ухом вздох, каждый сантиметр мокрой от пота кожи, скользящей по моему телу.

Послышавшийся сверху шум быстро вернул меня к реальности. Я крепче обхватил коробку и направился к лестнице. Один шаг, два, три... Я не отводил взгляда от следующего этажа. Я провел ладонью по кроличьей голове, нащупав пальцем защелку, которая, если понадобится, выпустит на волю затаившийся в ней ад.

Когда я добрался до верхней ступеньки, мне в глаза бросились старые и затхлые ковры, поблекшие пурпурно-золотые стены и отслоившиеся обои; справа от меня я уловил отдаленный стук шагов, удаляющихся вниз по лестнице. Зажмурившись, я прислушался к звукам, затем распахнул глаза и поджал губы.

Я знал, чьи это шаги.

Я пошел вперед, к двери, которая стала своеобразным маяком для всего, чем я, в сущности, являлся. Остановившись перед закрытой комнатой, я уставился на деревянное полотно двери.

«Глупый Кролик, — пронёсся у меня в голове голос из прошлого. Легкая улыбка, смеющиеся голубые глаза, пронзительный смех и игривый укор. — Ты мой самый любимый человек на всем белом свете, Кролик. Надеюсь, ты об этом знаешь».

А затем...

«Я люблю тебя...», — три слова, которые мне не говорил никто, кроме Куколки.

«Я люблю тебя...»

Я сунул трость подмышку и вошел в комнату. Когда я переступил знакомый порог, у меня перехватило дыхание. Однако меня не встретил там ни аромат роз, ни музыка восьмидесятых. Ни розовый проигрыватель. Ни чайный набор, ни звонкий смех.

Комната была совершенно мертвой.

Безжизненной.

Уперев конец трости в пол, я посмотрел налево. Из-за угла до меня донёсся звук лёгкого дыхания. Я попытался сделать шаг, но мое сердце зашлось в бешеном ритме, и я замер на месте как вкопанный. Чувствуя, как раздуваются мои ноздри, я закрыл глаза и попытался втянуть в грудь побольше воздуха. Со мной никогда такого не случалось, ничто никогда не вызывало во мне такой реакции. Ни разу за все одиннадцать лет. Ни тогда, когда я оказался запертым в темноте. Ни после нашего освобождения — кровавого, свирепого, мрачного. И уж тем более не тогда, когда мой нож вонзался в сердца охранников, и я видел, как у них в глазах угасает жизнь, от чего моим сознанием овладело чистое очарование отнятой у кого-то жизни.

Но это была Куколка. Единственный человек, на которого мне было не насрать.

Я понятия не имел, в каком состоянии ее найду. Помутился ли ее зыбкий разум или нет. Разбито ли ее хрупкое сердце. Никакой надежды на избавление.

Я понятия не имел, можно ли ещё спасти то единственное, что являлось смыслом моей жизни. Только представив, через какой ад вынудили ее пройти в мое отсутствие эти конченные садисты, я задрожал от неудержимого гнева. Но у меня в голове раздались слова Чепела:

«...Обрушивай свой гнев лишь на тех, кто это заслужил. Пусть он копится у тебя в сердце, как вода в колодце... и тогда устрой тем, кто лишил тебя свободы, крошечный ад».

Превозмогая свою ярость, я открыл глаза, сделал глубокий вздох и бесшумно завернул за угол... Я остановился. Там на стуле сидела она. Я втянул в себя воздух и услышал, как он застучал у меня в ушах. Ее волосы. Ее волосы были убраны назад в длинную косу. Вплетенные в нее ленты ниспадали ей на спину прямо к пояснице. И она была одета в черное. Её руки скрывали длинные, мешковатые рукава.

Грёбанный черный. Куколка не создана для черного. Только для цветного. Синего, белого, золотого и треклятого розового.

Я не спеша прошёл по периметру комнаты, пока не оказался перед ней. В сердце разверзлась пропасть, и я с трудом подавил громкий рык, когда увидел, как она свернулась на сиденье, укрыв плотным одеялом свои худенькие ноги и безжизненно глядя в окно. Окно, которое выходило на некогда ухоженные газоны, но теперь там не осталось ничего, кроме высоченных сорняков и пышно разросшихся деревьев. Я взглянул туда, куда она смотрела, на то, что так безраздельно завладело ее вниманием.

Мое сердце в один миг разорвалось, две его кровоточащие части оттолкнулись друг от друга, пытаюсь спастись от нахлынувшей на меня ярости, боли и всепоглощающей тьмы.

Она смотрела туда, где мы с ней играли в детстве. Где много лет назад она увидела, как я разорвал на куски разноцветную бабочку. Я встал напротив нее, но она не подняла свои голубые глаза, просто смотрела сквозь меня невидящим взглядом, словно меня там вообще не было. Я присел на корточки и заглянул ей в лицо. Фарфоровая кожа. Полные губы. Чёртова совершенство.

Но в ней не осталось жизни.

Мне никогда раньше не доводилось испытывать страх, но я предположил, что безобразная разрастающаяся дыра, которую я явственно ощущал у себя в животе, была как раз чем-то вроде этого. Гнетущее чувство, что Куколка ушла туда, откуда не было выхода, став пленницей собственного разума.

Разрушенная хрупкость.

— Милая Куколка, — хрипло произнес я сорвавшимся голосом.

Двадцать один. Ей исполнился двадцать один год, и она была намного прекраснее, чем я когда-либо мог себе представить. Само совершенство. Моя живая кукла.

Ей на лицо упала прядь волос. Я сжимал и разжимал пальцы, стараясь заставить себя к ней прикоснуться. Но не мог. Кроме Чепела, который наносил мне татуировки, ко мне много лет никто не прикасался; впрочем, как и я сам. Я уже не помнил, как это делается. Я не выносил человеческого воздействия. Мне было отвратительно унижительное чувство прикосновения.

Я... я... я не мог.

Не успел я открыть рот, чтобы снова обратиться к Куколке, как вдруг позади нее раздался громкий вздох. Сжав в руке трость, я выпрямился, и увидел знакомое постаревшее лицо. Разрастающаяся дыра быстро сменилась темным удовольствием, когда я заметил, как в один миг она стала бледной, словно бумага.

— Боже правый, — прошептала она, когда я пригладил руками свой черный галстук и жилет.

Я пристально уставился на эту суку. Небрежно опираясь на трость, я произнёс:

— Думаю, скорее Люцифер, — я кивнул головой в ее сторону. — Во всяком случае, для Вас.

Миссис Дженкинс нервно сглотнула и попыталась выскользнуть из комнаты.

— А-а, — цокнул я и покачал головой. Она тут же застыла, не сводя с меня глаз.

— Хит...Хитэн Джеймс... это... это невозможно..., — запинаясь, пробормотала она и ощущала меня взглядом. Каждый сантиметр моего тела.

— Кролик.

Услышав моё замечание, сука вздрогнула.

— Я — Кролик. Грёбанный Белый Кролик. Поэтому никогда, бл*дь, больше не произносите при мне это мужланское имя.

Она ещё больше побледнела, и перевела взгляд на сидевшую на стуле Куколку. Куколка по-прежнему не двигалась. Я перехватил рукой захваченную из машины коробку, и уже собирался протянуть ее миссис Дженкинс, как она вдруг спросила:

— Как Вы здесь оказались?

Я бросил коробку через всю комнату. Она приземлилась прямо у ее ног.

— Оденьте ее.

— Ч-что? — спросила миссис Дженкинс.

Я указал жестом на коробку у ее ног.

— Оденьте ее. Это не просьба.

Дрожа всем телом, Миссис Дженкинс взяла коробку и подошла туда, где сидела Куколка. Куколка на нее тоже не взглянула. Миссис Дженкинс сняла с коробки крышку и снова ахнула.

Она вскинула на меня свои старые глаза в густой сетке морщин.

— Нет...

Не успела она закончить свою мысль, как я сунул руку в карман и вытащил оттуда нож. Я провел плоской частью лезвия по своей щеке. Медленно. Сдержанно. Наблюдая за тем, как она испуганным взглядом следит за каждым моим движением.

— Вам лучше сделать так, как я прошу, миссис Дженкинс. Похоже, уровень моего терпения и великодушия по отношению к Вам достиг рекордно низкого уровня.

Она сглотнула и трясущимися от ужаса руками, вытащила из коробки синее платье, черный пояс и черно-белые полосатые гольфы. За ними последовали черные ботильоны и черный ободок, украшенный черным шелковым бантом.

Миссис Дженкинс выпрямилась.

— С того дня, как Вы уехали, она больше не надевала эти платья. Она... она теперь совсем другой человек. Она уже не одержима этой книгой...

Я отчетливо вспомнил тот самый день, о котором она упомянула. Кровь на Куколкиных полосатых гольфах, сползших до самых щиколоток, кровь на отделке ее нового взрослого синего платья...

— Я вернулся, сука, — выплюнул я. — Куколка снова будет ходить в цветном. Она опять станет моей Куколкой, а не этим уёбищем, которое вы все из нее сделали, когда разрушили ее невинный разум.

Я направил нож старухе в лицо.

— Оденьте ее. И побыстрее.

Миссис Дженкинс протянулась своей дряхлой рукой к Куколке. Мне пришлось собрать в кулак последние крупницы самообладания, чтобы не броситься вперед и не переломать эти старые кости. В нескольких местах, с наслаждением смакуя каждый без исключения хруст.

Миссис Дженкинс помогла Куколке подняться и повела ее в примыкающую к спальне уборную. Без единого намека на какую-либо осознанность Куколка последовала за своей няней. Подол коснулся пола, черное платье ниспадало вдоль ее стройной фигурки. Куколка была маленькой. Может, метр пятьдесят или около того.

Маленькой, но совсем взрослой.

Едва за ней закрылась дверь, у меня чуть не остановилось сердце при мысли о том, как она будет выглядеть, когда оттуда выйдет. Потом я подумал о ее мертвых глазах и понял, что Генри был прав. Понял, что случилось именно то, чего я больше всего боялся. Я молился лишь о том, чтобы мудрый совет Генри сработал.

— *Если ее травмировали так сильно, как ты говоришь, если ее сознание такое хрупкое и незрелое, как ты думаешь, — сказал Генри, — она может оказаться совсем не тем человеком, которого ты когда-то знал.*

— *Что ты имеешь в виду?*

— *Вероятно, вытеснение в подсознание; когда я работал психологом, то занимался в основном пациентами с вытесненными эмоциями. Вследствие серьезного насилия или психологической травмы неуверенные в себе эксцентричные личности, вроде Куколки, могут закрыться. Человек с неокрепшим разумом ищет утешение аналогично тому, как прячется от страха под кроватью испуганный ребенок. Но ее убежище будет не под кроватью, не под одеялом или в шкафу, а в глубинах ее сознания. Возможно, Куколка укрылась за метафорической ментальной дверью — полное молчание и уход от реальной жизни. Отыщи уникальный код ее режима защиты. Возможно, чтобы как-то справиться, она позаимствовала другую личность. Новая личность, которую, по ее мнению, никак не затронули и не осквернили. Та, что сможет существовать в этом мире, поскольку она сама не может.*

— *Как ты? — спросил я. — Как ты с Хайдом?*

При одном упоминании о другой, скрывающейся в его разуме сущности, лицо Генри омрачилось.

— *Хайд и я... это единичный случай. Давай не будем об этом, — он подался вперед. — Если ты обнаружишь, что твоя Куколка ушла в себя, чтобы спрятаться от этого мира, ты можешь попытаться выманить ее оттуда хорошо знакомыми, но, самое главное, безопасными вещами. Вещами, которые она любила, обожала, которые ей нравились. Вещами для нее исключительно безопасными. Прежде всего, вещами, которые, с ее точки зрения, являются частью ее мира.*

Я запоминал каждый совет, что давал мне Генри.

— *Это может и не сработать. Потревоженный некогда разум некоторых людей потерян для нас уже навсегда, их темницы невосприимчивы к воздействию. Но если такой шанс есть, именно так ты сможешь вернуть свою любимую из того убежища, что находится у нее в подсознании. С помощью вещей, которые она любила.*

Я стоял, прислонившись к стене и положив руку на трость; из воспоминаний меня выдернула открывшаяся дверь уборной. Это должно сработать. Она обязана вернуться.

Мне ни за что не проделать такое в одиночку.

Миссис Дженкинс вывела Куколку из уборной. Как только появилась Куколка, я отстранился от стены и почувствовал, как мои губы растягиваются в знакомом, давно забытом подобии улыбки.

Куколка.

Моя милая Куколка... ну, почти.

Миссис Дженкинс снова усадила ее на стул.

— Ее волосы, — сказал я, указав на ободок, который всё еще держала в руках миссис Дженкинс.

Миссис Дженкинс подошла к облупившемуся туалетному столику, которым явно давно никто не пользовался. Она вытащила расческу, и через несколько минут Куколкин ободок был на своём месте. Я медленно приблизился к Куколке и присел на корточки, чтобы хорошенько ее разглядеть.

— Теперь розовую помаду и духи. Духи и помаду её мамы, — приказал я, с каждой минутой всё отчётливее ощущая возвращение хорошо знакомого мне образа Куколки.

— К-кролик, — запинаясь, произнесла миссис Дженкинс.

— Я Вас не спрашивал, — рявкнул я.

Миссис Дженкинс нервно открыла выдвижной ящик туалетного столика. И вдруг мое внимание привлекло что-то розовое, лежащее на комод в другом конце комнаты. Проигрыватель, который она так любила. Я прошел через комнату, сдул с него пыль и нажал на кнопку воспроизведения. Из динамиков с шумом зазвучала песня, под которую всегда танцевала Куколка.

Ее любимая песня.

Я оглянулся и, когда мой взгляд упал на Куколку, почувствовал, как моя холодная кровь нагревается до точки кипения. Розовые губы... Я закрыл глаза. Аромат роз распространился по воздуху, почти играючи разогнав оставшуюся темноту Водонапорной башни, которая еще удерживалась в моём сознании.

Я открыл глаза. Комнату наполнила музыка. И тут я заметил у Куколки проблеск движения, и у меня дёрнулась щека. Лежащий у нее на бедре палец слегка приподнялся. Это было такое неуловимое движение, едва заметное, но реальное.

Она все еще там.

Я знал это. Чувствовал. Я всегда понимал ее без слов, а она меня.

Миссис Дженкинс шарахнулась от меня прочь, и я снова присел перед Куколкой.

— Милая, — прошептал я и поднял руку. Не прикасаясь к ней, я проследовал пальцем по каждому сантиметру ее идеального лица, по длинным светлым волосам и вниз к ее руке. Моя ладонь отчаянно зависла в воздухе, неспособная почувствовать жар крови, пульсирующей под ее бледной кожей.

Но тут я остановился. Я просто замер, увидев ее голые предплечья.

Меня захлестнула волна такого бешенства и ненависти, какого я никогда раньше не испытывал.

Шрамы.

Шрам за шрамом испещряли ее некогда идеальные плечи. Рельефные белые рубцы. Я встал, отходя от Куколки и излучая ярость, которая грозила вот-вот из меня выплеснуться.

Миссис Дженкинс видела, что именно вызвало мой гнев, и попыталась от меня к двери. Она ударилась спиной о деревянную панель и, пока отчаянно искала пальцами

дверную ручку, у нее из груди вырвались едва уловимые испуганные звуки. Я шел вперед, медленно заполняя ее пространство.

— Он... он узнает, что Вы освободились, — предупредила она, белки ее глаз заблестели от страха. Я чувствовал его затхлый запах, заполняющий спертый воздух между нами.

— Он не узнает, — я поднял нож и провел тупой стороной лезвия по ее морщинистой щеке. Когда холодная сталь коснулась ее тонкой кожи, у Миссис Дженкинс перехватило дыхание.

— Скажите мне, — произнёс я, наблюдая, как струящийся из окна свет отражается от матовой поверхности стального клинка. — Вам это нравилось?

Ее дыхание стало прерывистым.

— Вам нравилось отводить детей в логово к волкам? Нравились их крики? Вид крови и спермы, стекающей по их маленьким ножкам, когда они, шатаясь, брели назад в кабинет, только чтобы их отымел следующий, затем следующий, затем следующий, ночь за ночью, год за годом? — я склонился к ее лицу до тех пор, пока кончик моего носа не оказался всего в миллиметрах от ее щеки. — Вам нравилось одевать мою Куколку в ее любимое платье, а затем преподносить, словно блестящую фарфоровую игрушку, ее ебанутому папаше? Ее дядям? Накачанную наркотиками и неспособную дать им отпор?

— П-пожалуйста, — умоляла миссис Дженкинс.

— Должно быть, Вам заплатили кучу денег, чтобы Вы могли подобным образом принести в жертву свою подопечную, — я опустил нож к пульсирующей вене миссис Дженкинс и, приблизившись губами к ее уху, остановился. — Мне всегда было интересно, на что будет похожа Ваша кровь, когда она хлынет из главной вены. Побежит вниз по груди и запачкает Вам одежду.

Миссис Дженкинс снова заскулила. Я отпрянул назад, изобразив на лице удивление.

— О, вы все и впрямь лелеяли мысль о том, что будете спокойно жить дальше? — я разочарованно покачал головой. — Никто из вас не останется в живых, миссис Дженкинс. Каждого из вас ждет самая мучительная расплата. За меня и за мою Куколку, за мою Страну Чудес... И тогда Ваша кровь вместе с кровью всех остальных польется реками покаяния, просачиваясь сквозь щели деревянных полов в домах всего моего Штата одинокой звезды.

Я придвинулся к ней, мое лицо застыло всего в сантиметре от ее лица.

— Ммм.... Я уже чую её запах. Чувствую её вкус. Смакуя тепло, с которым она разольется на моем языке, — я закусил нижнюю губу и застонал. — От одной мысли об этом у меня встаёт член.

— Вы всегда были сущим злом, дитя мое. Вы отравляли воздух с того самого момента, как Ваша мать привезла Вас к воротам этого дома.

Я слегка отстранился.

— Возможно, Вы и правы, — я холодно улыбнулся. — Я всегда питал слабость к темноте.

Я пожал плечами.

— И к смерти...к такой сладкой, грязной, возвышенной смерти.

Быстрым движением руки я полоснул лезвием по ее горлу и, когда миссис Дженкинс схватилась за шею, сделал шаг назад. Кровь потекла у нее между пальцами, миссис Дженкинс в ужасе уставилась на меня и, издав булькающий звук, стала захлёбываться у меня на глазах.

Склонив набок голову, я с восхищением за ней наблюдал. Она стояла на трясущихся ногах, пока у нее, наконец, не подкосились колени, и она не рухнула на пол. Я присел рядом с ней, внимательно глядя на тело, из которого утекает жизнь. Она смотрела на меня, заглянув мне в глаза.

Я ни на секунду не отвел взгляд.

Она задыхалась. Захлёбывалась. Затем, издав последний хлюпающий хрип, она затихла. Руки упали вдоль тела, глаза застыли в мёртвом взгляде.

Я вздохнул и вытер об ее одежду лезвие своего ножа.

— Всё как я и думал... сплошное разочарование.

Поднявшись на ноги, я сунул руку в карман жилета и вытащил карты.

— Дама червей, — объявил я, проведя пальцем по собственноручно сделанной карте.

С одной стороны на меня неотрывно взидало нарисованное карандашом лицо миссис Дженкинс — ее точная копия. С отвращением скривив губы, я одним движением запястья швырнул карту в воздух, и она приземлилась на окровавленную грудь миссис Дженкинс.

— Одна готова, осталось ещё шесть.

Я вернулся к Куколке, которая всё также сидела на стуле. Проигрыватель по-прежнему играл любимые мелодии ее мамы. Я взглянул на ее пальцы и снова увидел, как они дернулись.

Вне всякого сомнения, она была там.

Наклонившись вперед, я приблизился губами к её уху.

— Куколка, милая, я вернулся, чтобы тебя забрать, — моё сознание заполнил исходящий от нее аромат роз, и я закрыл глаза. — Как и обещал.

Я сделал глубокий вдох.

— Нас ждут приключения, дорогая. Твой Белый Кролик пришел сюда, чтобы отвести тебя в Страну Чудес. Я нашёл в этом доме кроличью нору. В детстве мы столько лет безуспешно пытались ее разыскать. Но я нашел её, милая. И совсем скоро мы отправимся вниз по кроличьей норе.

Я закрыл глаза и вспомнил те дни...

— *Сегодня мы обыщем восточное крыло, Кролик, — Куколка вытащила из переброшенной через плечо розовой сумочки нарисованную от руки карту и положила ее на пол. — Мы начнем отсюда и пройдем по всем комнатам, обыскивая каждый уголок, каждый закуток, каждую щель и каждую шатающую половицу.*

Крайне взволнованная, она мне улыбнулась.

— *Сегодня тот самый день, Кролик. Я это чувствую!* — сказала она, как говорила всякий раз, когда мы обыскивали дом, а потом расстраивалась, так ничего и не обнаружив.

После безуспешных поисков она всегда обнимала меня за пояс, прижималась ко мне и говорила:

— *Кролик, дорога в Страну Чудес точно здесь. Я это знаю... и однажды мы ее найдем. Найдём её и убежим. Ты и я, Кролик. И у нас начнется самое увлекательное приключение. Я просто это знаю...*

Куколка чуть дёрнула головой, пробудив меня от воспоминаний. И я улыбнулся, когда отошел назад, и увидел, что голубые глаза оторвались от окна и встретились с моим взглядом. В них ещё не было никаких признаков жизни. Ни малейших реальных проявлений того, что моя любимая со мной, но, тем не менее, она пошевелилась.

Она меня слышала.

Появилась хоть какая-то надежда.

— Я скоро вернусь, милая.

Я побежал к своей машине, вынул из багажника всё необходимое и помчался обратно по лестнице. Откинув ковер в конце коридора, я начал выпиливать пилой дыру в половицах. На это у меня ушел час. Затем я зашел в комнату миссис Дженкинс. Как и следовало ожидать, под матрасом у нее оказался тайник с деньгами: сотни и сотни тысяч долларов. И всё за обслуживание этих хищников. Деньги, которые она не могла положить в банк из боязни, что ей придется давать объяснения относительно источника полученных средств. Зло невидимкой таится в темноте.

Оставив у выпиленного отверстия принесенный из машины трос, я вернулся к Куколке. Я сложил в сумку ее помаду и духи. Положил к ним ее любимую книгу, проигрыватель и то, что осталось от старой куклы, которую она так обожала, и отнёс всё это к себе в машину. Через несколько минут я снова стоял перед ней. Я поднял ее вместе со стулом и, переступив через ещё не остывший труп миссис Дженкинс, вышел из комнаты. Я поставил рядом с дырой стул с сидящей в нем Куколкой и обвязал ее тросом вокруг пояса. Другой конец веревки я бросил через проделанное в полу отверстие на нижний этаж, именно туда, куда мне было нужно. Повернувшись к Куколке, я заметил, что ее рука сжата в кулак. Все это время она ее не разжимала. Заглянув в опущенные глаза Куколки, я наклонился и осторожно разжал ее пальцы.

Я порывисто выдохнул, увидев у нее в ладони знакомый блеск металла.

— Тик так, — машинально прошептал я, когда у меня перед глазами возникли мои старые карманные часы. Я с трудом сглотнул вставший в горле комок и вдруг заметил, что едва уловимое дыхание Куколки стало шумным и учащенным. Она снова смотрела на меня. Я взял у нее из руки часы и, привычным жестом приблизив их к уху, постучал по циферблату.

— Мы опоздаем, милая Куколка. Мы опоздаем.

Она повернулась ко мне, слегка склонив голову.

— Спускайся за мной в кроличью нору, Алиса.

Я побежал вниз по лестнице туда, где болтался конец веревки, и ухватился за нее. Этажом выше, на краю проделанной мною дыры, балансировал Куколкин стул. Я неотрывно смотрел на нее, мою застывшую ожившую куклу... как вдруг она взглянула вниз. И лишь на мгновение, на ничтожную долю секунды, я разглядел ее в глубине этих голубых глаз. Девочку, которая стала всей моей жизнью.

«Куколка».

Я осторожно дернул за веревку, и ее хрупкая фигурка, упав вперед, стремительно полетела в дыру и в мои объятья. Деревянный стул упал на пол, и у него отломились ножки. Прижав ее к груди, я поморщился. Ощущая ее близость, я с усилием втягивал носом воздух. Моё сознание приказывало мне ее бросить. Оттолкнуть ее прочь.

Она была совсем близко. Так тесно прижималась ко мне. Она уткнулась лицом мне в шею, и я почувствовал у себя на коже ее теплое дыхание. По спине пробежала такая сильная дрожь, что я с трудом подавил шипение. Я дышал, преодолая мучительное напряжение, вызванное ее прикосновением.

«Кролик, это Куколка. Она не представляет угрозы. Она — твой мир».

Она была легкой, как пушинка. Меня окутал ее аромат.

Розы.

Розы.

Розы.

Затем она пошевелилась...

Я стоял, не шелохнувшись. Куколка откинула назад голову, и я увидел ее лицо. Когда она моргнула, у меня в груди сжалось сердце. Один раз, второй, третий, словно просыпаясь от глубокого сна. Ее некогда бледные щеки приобрели розовый оттенок. Она надула губки точно так же, как делала когда-то в детстве.

Ее глаза пробежали по комнате и, оглядевшись вокруг, скользнули к дыре, из которой она только что упала. Из груди у нее раздался тихий вздох, затем она медленно повернулась ко мне. Я затаил дыхание, когда она взглянула на меня своими голубыми глазами — уже не безжизненными, а ясными.

Она потеряла веки, прогоняя сон, потом опустила руку, и ее рот приоткрылся, став похожим на маленькую букву "о". Не отводя от меня взгляда, она сглотнула, а затем сухо прошептала:

— Кро...Кролик?

Когда это имя слетело у нее с губ, я закрыл глаза. Ее охрипший голос был таким же сладким и мягким, как раньше.

Но ее протяжный техасский акцент исчез. Его место занял акцент, с которым она разговаривала во время своих "чаепитий". Английский. Моя Куколка вернулась ко мне с безупречным английским акцентом.

— Милая Куколка, — произнёс я низким, резким и срывающимся голосом.

Она застыла, и ее рот растянулся в широкой улыбке, на потрескавшихся губах заблестела розовая помада.

— Кролик, — снова проговорила она все еще надтреснутым голосом. — Мой Кролик. Мой глупый Кролик. Вернулся за мной.

Не успела она произнести эти слова, как улыбка исчезла у нее с лица с такой же стремительностью, с какой она только что упала из выпиленной мною дыры.

— Что такое, милая? — спросил я, крепче прижав ее к себе. Мне хотелось провести рукой по ее волосам. Хотелось поцеловать ее в голову, как в детстве. Но... но я просто... не мог. Одно то, что я держал ее в объятьях, уже причиняло мне нечеловеческую боль.

Но ради нее я готов терпеть эту боль.

— Я была заперта, Кролик, — сказала Куколка, снова становясь центром моего внимания. Ей всегда удавалось управлять каждой клеткой моего тела, просто своим голосом, прикосновением...дыханием.

На ее глаза навернулись слёзы, чтобы их сдержать, она похлопала длинными темными ресницами. Это не сработало.

— Я была заперта, Кролик. В комнате, полной дверей, и никак не могла выйти, — у нее сбилось дыхание. Она покачала головой и закрыла глаза. — В той комнате было так много дверей, и так темно. Я дёргала за все ручки, но ничего не открывалось.

Пауза.

— А потом та дверь, через которую мне пришлось выбираться, оказалась слишком маленькой, а я — слишком большой, — она открыла глаза и устремила на меня свой взгляд. — Я застряла, Кролик. Надолго.

У нее задрожала нижняя губа, выворачивая на хрен мне всё сердце и вытягивая из моей души черноту.

Свет. Она всегда была единственным светом, который туда когда-либо проникал.

— Я ждала тебя, Кролик. Очень-очень долго, — она задрожала, по ее испещренной шрамами коже пробежали мурашки. — Мне было так холодно и темно... но я ждала, как ты и велел, забившись в угол комнаты. Было холодно и сыро, и меня очень пугали доносящиеся снаружи звуки, но я старалась оставаться сильной. Сильной ради тебя.

Она икнула.

— Тик-так, Кролик. Тик-так, тик-так, тик-так, тик-так. Пока ты за мной не вернулся, я слышала только это нескончаемое тиканье часов. Из-за этого мне с каждым днём становилось без тебя все грустнее и грустнее.

По ее щеке пробежала слеза. Протянув руку, я поймал слезу пальцем. А потом, как в детстве, слизнул ее языком.

У нее был тот же самый вкус.

Куколка оглядела комнату и, широко распахнув глаза, замерла у меня в руках, сообразив, что она по-прежнему в том же самом гребаном адском доме, из которого никуда не убегала.

— Мы всё ещё здесь, — в тоне ее голоса засквозили нотки полнейшего ужаса. — Мы все ещё в этой комнате, Кролик. Здесь так много дверей. И я слишком высокая.

Ее грудь вздымалась и опадала в такт неровному дыханию.

Ее книга. Ее любимая история. Алиса стала слишком большой и не смогла выйти из дверей комнаты. Куколка думала, что с ней то же самое. Она слишком высокая, чтобы выбраться из этого проклятого дома.

— Если ты обнаружишь, что твоя Куколка ушла в себя, чтобы спрятаться от этого мира, ты можешь попытаться выманить ее оттуда хорошо знакомыми, но, самое главное, безопасными вещами. Вещами, которые она любила, обожала, которые ей нравились. Вещами для нее исключительно безопасными. Прежде всего, вещами, которые, с ее точки зрения, являются частью ее мира.

У меня в голове снова пронеслись слова Генри. Я поставил Куколку перед собой. Она была слишком худенькой, но все равно чертовски красивой. Не отрывая глаз от моего лица, она сделала отчаянный, но все же маленький шаг назад. Наклонилась ко мне, но не дотронулась... как будто ей тоже было невыносимо ко мне прикасаться.

Они с ней это сделали.

С нами.

Сунув руку в карман жилета, я вытащил оттуда маленький стеклянный пузырёк... такой же, как и в ее любимой книге. На пузырьке с голубой жидкостью была этикетка с надписью «Выпей меня». Я привязал к его горлышку черную ленту, сделав тем самым своеобразное ожерелье.

— Кролик? Это... это то, о чем я думаю? — она широко раскрыла голубые глаза, они были такого же поразительного цвета, что и налитая во флакон жидкость.

Сахарная вода, окрашенная в синий цвет.

— От этого ты станешь меньше, милая. Так ты сможешь выйти отсюда и, наконец, последовать за мной... в Страну Чудес. Превозмогая себя, я дотронулся до ее волос. Они были похожи на золотой шелк. — У нас впереди удивительное приключение, и я должен вытащить тебя из этой полной дверей комнаты.

— Да, — сказала она и рассмеялась тем смехом, который уже одиннадцать лет нескончаемым эхом повторялся у меня в голове. На губах заиграла ослепительная улыбка.

Она потянулась к пузырьку.

— Всего один глоток. Это может снова нам понадобится во время нашего приключения, — произнёс я.

— Хорошо, — на одном дыхании прошептала она и взяла пузырек в ладонь. Глядя на мое импровизированное ожерелье, как на самую драгоценную в мире вещь, она аккуратно вынула пробку и поднесла к губам волшебное снадобье. Сделав крошечный глоток, она снова заткнула пузырек пробкой и надела ленту себе на шею.

Неожиданно она раскинула руки в стороны, и в затхлой, пустой комнате раздался потрясённый вздох.

— Это сработало, Кролик! — она уставилась на свои ноги. — Я уменьшаюсь! Ты видишь? Я, и правда, уменьшаюсь!

Я улыбнулся, глядя на свою девочку и на ее счастливое выражение лица. Я скрестил на груди руки и позволил звукам ее смеха заполнить мой слух, моё сознание и мои вены.

— Вижу, милая. Я только тебя и вижу.

Через несколько секунд Куколка подняла голову, и ее глаза возбужденно вспыхнули.

— Дверь! — она резко повернулась в сторону главного входа.

Она бросилась вперед, ее длинные стройные ноги застучали по деревянным половицам. Протянув руку, она дернула за ручку. Дверь открылась, и Куколка резко отшатнулась, когда в мрачную прихожую проник солнечный свет. Я отошел назад и увидел, как ее руки взметнулись ко рту. От хлынувшего в комнату яркого света я вздрогнул, но, не обратив внимания на режущую боль в глазах, наблюдал за тем, как она несмело перешагивает за порог дома.

Затем она обернулась и взглянула на мою руку. Она посмотрела на карманные часы у меня в ладони и, черт возьми, улыбнулась. Я медленно шагнул вперед и остановился позади нее, в сантиметре от ее спины. Я жадно вдохнул ее запах и поднес к уху часы. С покрасневшими от волнения щеками и затаив дыхание, она ждала... и ждала... и ждала... Затем... я постучал по часам.

— Мы опоздаем, милая, — произнёс я и тяжело задышал, когда ее глаза стали огромными, словно две большие Луны. — Тик-так.

Я проскользнул мимо нее, выбежал из дома и спустился к своему Мустангу. Позади я услышал взволнованный, залиvistый смех и отчётливый стук каблуков сбегавшей по лестнице Куколки. Распахнув перед ней пассажирскую дверь, я усадил ее в машину и сел на свое место со стороны водителя.

Я надел солнцезащитные очки и завёл двигатель.

Услышав, как захлопнулась пассажирская дверь, я взглянул на сидящую рядом со мной девушку.

— Готова отправиться в Страну Чудес, дорогая?

— Страна Чудес, — с благоговением прошептала Куколка. — Мне кажется, я ещё никогда не выходила за пределы этих ворот, так ведь, Кролик? Последний барьер на пути в Страну Чудес.

— Да.

— И сразу за ними начнётся Страна Чудес?

— Страна Чудес и наше приключение, дорогая. Наше большое приключение, которое мы так отчаянно ждали все эти годы.

Куколка прижала к коленям свои тонкие руки и сделала глубокий вдох.

— Я готова, — она одарила меня такой лучезарной улыбкой, которую не могли бы омрачить даже одиннадцать лет ада. — Готова к тому, что нас ждёт в Стране Чудес.

Когда ее слова коснулись моих ушей, кровь стремительным потоком побежала по моим венам. Отъезжая от дома, который стал для нас обоих олицетворением зла и темноты, я подумал о предстоящем путешествии. Подумал о крови, которую мы прольем, сердцах, которые остановим, и жизнях, которые отнимем. И все это время, пока я представлял себе, как моя Куколка перерезает горла, как вместе со мной рассекает плоть, как ее отравленная кровь, взывает к нашему возмездию, у меня с губ не сходила зыбкая тень улыбки.

Куколка убивает, смех срывается с ее розовых губ, а ее хрупкие руки окрашивает малиновая кровь...

... Ни в одном из миров я не мог бы представить себе ничего более прекрасного.

6 глава

Эллис

Куколка

Зажмурившись от яркого солнца, я откинула назад голову и уставилась в небо. Оно было таким голубым. Таким ярким — я никогда раньше не видела таких насыщенных цветов. Запертая в полной дверей комнате, я обитала в мире полумрака. Длинные тени угрожающе танцевали на стенах, протягивая свои щупальца к углу комнаты, в который я забилась от страха, что они ко мне прикоснутся. Я интуитивно знала, что если они до меня дотянутся, то все потеряно. Кролик никогда меня не найдет. Поэтому, чтобы как-то от них защититься, я закрыла глаза и жила в темноте.

В ночи. В бесконечной ночи.

В кроличьей норе было так светло. Столько ярких красок, словно весь мир окунулся в лучи разноцветной радуги. Я провела руками по своему платью. Мое синее платье, такое яркое и красивое.

Самое красивое платье, какое я только видела.

Откинув назад голову, я наблюдала за тем, как плывут по небу пухлые, пушистые белые облака, и чувствовала, как мое сердце наполняется безумным восторгом.

Оно билось так быстро.

Я опустила голову и посмотрела в окно на длинную дорогу. Под нами шуршали по асфальту шины автомобиля.

Потом я взглянула на Кролика.

Дыхание застыло у меня в груди. Он смотрел прямо на дорогу, одной рукой обхватив руль, а другой — опираясь на дверь машины. Крыша автомобиля была опущена, и ветер проносился над нами, словно невесомое покрывало из перьев. В отличие от остального мира, Кролик не лучился яркими красками. Он был весь окутан во тьму.... за исключением его глаз.

Две серебряные сферы... прямо как две Луны.

На указательном пальце левой руки, он носил странный наперсток. Он был золотым и блестел на солнце. Как ни странно, он не затуплялся на конце, как обычный наперсток, а заострялся, словно коготь. Я понятия не имела, зачем он его носил.

Кролик повернул голову, и эти серебряные глаза устремились на меня.

— Милая, ты в порядке?

От звука его голоса я вздрогнула. Он стал более глубоким, не таким, как раньше. Грубее и ниже. Я почувствовала, как мои щеки вспыхнули румянцем. Он приподнял бровь.

— У тебя другой голос, — сказала я. — Он стал ниже.

Я скользнула по нему взглядом. Сам он тоже стал больше, выше и крепче. Его одежда осталась почти такой же, но рукава рубашки были закатаны до локтей, а кожу украшали рисунки. Черные и серые часы. Каждый сантиметр его кожи — от рук и до самой шеи — покрывали изображения всевозможных часов. На щеке, рядом с левым глазом, находился ещё один черный рисунок.

Пика из колоды карт.

— Ты выглядишь иначе, — я постучала пальцем по своей голове. — Здесь, я запомнила тебя другим.

Взглянув на его волосы, я улыбнулась.

— Но твои волосы остались прежними... и глаза. Я никогда не забуду эти глаза, — я улыбнулась и прошептала. — *Мой* Кролик.

Я не знала, услышал ли он это, или мой шепот унёс в небо ветер.

Какое-то время он молчал, потом решил:

— Ты тоже всё та же. Но другая. Взрослая, — он провёл зубами по нижней губе, и втянул носом воздух. — Как ожившая кукла.

Его губы дрогнули. Рука сжала руль.

— Моя маленькая Куколка, совсем взрослая.

Отчего-то голос Кролика стал резче, чем минуту назад. Совсем растерявшись, я уже собиралась спросить его, почему, когда он вдруг остановил машину и глубоко вздохнул.

— Посмотри вперед, милая.

Он жестом указал на лобовое стекло.

Я последила за его рукой и посмотрела прямо перед собой. Мое сердце припустилось вскачь. Мы остановились у ворот. Они были сломаны и открыты, и я не могла не сосредоточить своё внимание на тянущейся за ними дороге.

— Страна Чудес, — прошептала я.

— Ты готова?

Я опустила голову и потерела сложенные на коленях пальцы.

— Я...я никогда раньше не выходила за пределы этих ворот, Кролик. Я никогда не была в Стране Чудес.

— Я был, — произнёс он.

Я подняла глаза, чтобы заглянуть ему в лицо. Он смотрел сквозь лобовое стекло, затем медленно повернулся ко мне.

— Там всё по-другому, и временами тебе будет страшно, но я пришёл, чтобы отвести тебя туда, Куколка, — он поднёс к лицу карманные часы. — Это моя основная обязанность, не забыла? Я здесь, чтобы стать для тебя проводником в этом приключении.

Он снова убрал часы в карман.

— Ты мне веришь?

Не успела я всмотреться в эти серебряные глаза, как уже знала ответ. Улыбнувшись, я покачала головой и засмеялась.

— Глупый Кролик. Конечно же, верю.

— Тогда вперёд, — сказал Кролик. — Нам много куда нужно съездить и много с кем повидаться. Мы должны исполнить то, что предназначено нам судьбой.

Я глубоко вдохнула и откинулась на сиденье.

— Я готова, Кролик, — подняв руку, я сжала в ладони висевший у меня на шее пузырёк. — Готова увидеть этот новый мир.

Кролик повел машину вперед, и, когда мы промчались мимо сломанных ворот, я затаила дыхание. Я оглянулась на дом, который долгое время оставался моей темницей. Я нахмурилась, вспомнив свою подругу, которая жила где-то за пределами комнаты со множеством дверей. Иногда я с ней разговаривала. Она находилась по другую сторону одной из дверей, но это была не очень хорошая дверь. Не та, что ведет в хорошую Страну Чудес. Это была плохая дверь, за которой ей причиняли боль. Мне бы не хотелось когда-нибудь оказаться в той Стране Чудес.

Я надеялась, что с ней всё хорошо. Надеялась, что однажды она выйдет оттуда и уйдет от людей, которые причинили ей зло.

— Ты в порядке, милая? — поинтересовался Кролик.

Я повернула голову вперед и почувствовала, как ветер ударил меня по щекам. Подняв руку, я поняла, что мои щеки мокрые от слез.

— Куколка? — Кролик резко остановил машину.

Я огляделась. Вокруг нас раскинулись ярко-зеленые поля. Они были безумно красивыми.

— Почему ты плачешь? — спросил Кролик.

Я повернулась к нему лицом и увидела, как он сжал челюсти.

— Я..., — я шмыгнула носом и смахнула со щеки еще одну слезу. — Кролик, у меня в этом доме был друг. И я только что поняла, что больше никогда с этим другом не увижусь. Если я уеду... она останется совсем одна.

— Друг? — проговорил Кролик. Казалось, его глаза потемнели.
— Эдди? — сквозь стиснутые зубы процедил он. — Эдди, мать его, Смит? *Это* твой друг?

— Эдди? — растерянно спросила я. — Я не знаю никакого Эдди.

— Не знаешь? — Кролик откинулся на спинку сиденья, и его темные брови поползли к переносице. — Ты не знаешь Эдди?

— Нет, — я покачала головой. — А должна?

Он помолчал. Затем произнёс:

— Нет... это не имеет значения, — он отвернулся. Потом снова посмотрев мне в лицо, сказал. — Тогда кто?

Он все еще казался напряженным и немного сбитым с толку.

Мое сердце сжалось от грусти.

— Ее звали Эллис.

Кролик замер. Его кожа сделалась белой, как мел.

— Эллис? — полупшепотом произнёс он.

Я кивнула и, вспомнив ее тихий испуганный голос, едва сдержала слезы.

— Она... она оказалась запертой за одной из дверей. Иногда она со мной разговаривала, — у меня задрожала нижняя губа. — Ей очень тяжело пришлось, Кролик. В ее доме было несколько мужчин, которые... причиняли ей боль. Они причинили ей очень много боли.

У Кролика из горла вырвался сдавленный звук, будто ему тоже было больно.

— Ей было так одиноко. Она часто плакала, — я шмыгнула носом. — Разговаривая с ней, я пыталась сделать так, чтобы ей стало лучше, но ничего не помогало. Однажды она перестала подходить к двери. Я... я не знаю, что с ней случилось. Я больше о ней ничего не слышала.

Я сморгнула слезы и посмотрела на Кролика. Казалось, он был ошеломлён. Я поняла, что он тоже переживал за мою подругу.

— Думаешь, с Эллис всё хорошо? — прошептала я, звук моего голоса застрял у меня в горле. — Если она все еще там, за дверью, мне не хочется оставлять ее одну. Она одна, обьятая страхом и напуганная теми мужчинами, которые приходят за ней каждую ночь.

Кролик откашлялся и опустил глаза. Когда через несколько секунд он вновь взглянул на меня, то сказал:

— Эллис... Твоя подруга... Думаю, с ней все будет хорошо. Со временем.

Облегченно вздохнув, я кивнула. Кролик знал Страну Чудес. Он знал, будет она в порядке или нет. Я посмотрела на него.

— У Эллис тоже был друг. Совсем как ты у меня. Она мне о нем рассказывала. Его звали Хитэн.

С губ Кролика сорвался хриплый стон, и я в страхе нахмурилась.

— Кролик тебе что, больно?

Он тяжело вздохнул и ударил рукой по рулю.

— Кролик?

— Что случилось с...Хитэном? — тон его голоса был напряженным. Он снова говорил, стиснув зубы.

— Его от нее увезли, и она больше никогда его не видела. Рассказывая мне о нем, она всегда плакала. Она ждала, что он вернется. Но он не возвращался, и с каждым днём она становилась все грустнее и грустнее. Ее голос становился всё тише и тише, пока совсем не стих, — я проглотила подступивший к горлу комок. — Она сказала мне, что любит его... и что те злые люди ему тоже причинили много боли, а затем отослали его прочь. Она осталась совсем одна. Без надежды и без Хитэна.

Кролик уставился на окружающие нас поля.

— Они такие зеленые. Деревья, — заметила я.

Кролик кивнул. Какое-то время он молчал. В конце концов, он обернулся, и мне показалось, что он... чем-то расстроен? Я привыкла, что он выглядит злым и печальным, но не расстроенным.

— Кролик...? — начала было я, но он, не дав мне договорить, завел машину.

— Мы опоздаем, — надтреснутым голосом произнёс он, затем поднёс к уху карманные часы и постучал по металлу. Я увидела, что у него дрожит рука, и нахмурилась. Но ничего не сказала, потому что иногда у меня тоже дрожали руки.

Посмотрев вперед, я сказала:

— Я готова, — потом сделала медленный, глубокий вдох. — Готова к нашему приключению в Стране Чудес.

***

Я никогда не видела ничего подобного. Вдоль дорог были разбросаны высокие деревья, а мимо нас проносились машины всех форм и размеров — жители Страны Чудес спешили по своим делам. Затаив дыхание, я следила за тем, как мы проезжали мимо зданий и ярких огней. Мы так долго мчались мимо полей, слившихся в одно сплошное желто-зеленое пятно, что я уже не различала, где они заканчиваются.

Ветер играл моими волосами, трепал мои локоны. Время от времени Кролик отрывался от дороги и глядел на меня. Я улыбалась, но он все еще казался озадаченным, словно я была какой-то головоломкой, которую он пытался разгадать. Я понятия не имела, почему, но не спрашивала, потому что оказалась слишком увлечена чудесным зрелищем.

Прошло столько времени, что уже начало садиться солнце. Как только оно коснулось горизонта, Кролик свернул с проселочной дороги и выехал на грунтовую дорожку. Над нами нависли раскидистые ветви деревьев, образовав тем самым что-то вроде туннеля. Откинувшись назад, я подставила лицо пробивающимся сквозь листья последним лучам солнца. Когда я подняла голову, то увидела впереди здание. Перед нами стоял деревянный дом.

Кролик остановил машину. Из дома не доносилось ни звука. Никаких криков или плача. Все было так... тихо.

Руки Кролика соскользнули с руля, и, не глядя на меня, он произнес:

— Здесь мы остановимся на ближайшие несколько дней.

Я подалась вперед и посмотрела в окно.

— Это твой дом?

Он покачал головой.

— Первая остановка в нашем приключении.

Я повернулась к нему и обнаружила на себе взгляд его серебряных глаз.

— Нам придётся сделать много остановок.

Мое сердце затрепетало от нервного волнения.

— И это номер один..., — прошептала я больше себе, чем Кролику.

Кролик открыл дверь. Я все еще завороченно смотрела на окружающий нас лес, как вдруг моя дверь тоже распахнулась. Кролик стоял, держа в руке украшенную кроличьей головой трость, и ждал, когда я выйду из машины. Я с трудом сдержала подступившую к горлу нервозность и вышла. Под моими ногами хрустнула земля.

— Сюда, — Кролик протянул руку по направлению к дому. Я пошла следом за ним, оглядываясь вокруг в поисках людей. Словно прочитав мои мысли, Кролик сказал:

— Сейчас здесь только мы с тобой. Когда наше приключение начнется по-настоящему, мы встретимся со многими людьми.

— А оно еще не началось?

Кролик подвел меня к деревянной двери и остановился. Сильнее сжав набалдашник своей трости, он повернулся ко мне и произнёс:

— Уже скоро, милая. Перед тем, как отправиться в путь, мы должны подготовиться, — он открыл дверь. — Но сперва ... чай.

У меня перехватило дыхание. За порогом меня ждал стол, накрытый для самого идеального чаепития, какое вообще можно было представить.

— Кролик! — ахнула я.

Прижав руки ко рту, я шагнула в дом и далее в волшебную комнату. Проходя мимо Кролика, я взглянула вверх и увидела, что он за мной наблюдает. Я скользнула к длинному столу, расположенному в центре обшитой деревянными панелями комнаты, и, увидев выставленное на нем угощение, восхищенно распахнула глаза. Стол был накрыт белой скатертью. Вокруг него располагались высокие стулья — а точнее восемь — и перед каждым стулом стояла тарелка, чашка и блюдце. Я провела рукой по ткани и улыбнулась, заметив в центре стола блюда, накрытые серебряными крышками. Я обернулась, чтобы взглянуть на Кролика, но он куда-то исчез. Снова повернувшись к столу, я сняла крышку с первого блюда, чтобы посмотреть, что под ней такое. У меня потекли слюнки, когда я обнаружила там клубничные пирожные. Улыбнувшись от нахлынувшего на меня волнения, я подскочила к следующему блюду. Бисквитный торт «Виктория». Сходя с ума от желания увидеть все угощения, я принялась снимать все крышки подряд — сэндвичи с огурцом, Бэйквэлский пирог, торт Баттенберг, морковный торт... так много тортов! Все самые лучшие деликатесы Англии.

Мои любимые.

Позади меня скрипнула половица, и, развернувшись, я увидела, что в комнату снова вошел Кролик. Я открыла было рот, чтобы спросить его, откуда все это взялось, но потом заметила то, что он держал в руках.

— Чай? — спросила я, когда Кролик водрузил на стол серебряный поднос, на котором стояли чайник, кувшин с молоком и сахарница. Я подошла ближе и, глубоко вдохнув, закрыла глаза.

— «Эрл Грей», — прошептала я, почувствовав запах моего самого любимого на свете чая.

— Для моей маленькой Куколки только «Эрл Грей», — подтвердил Кролик и выдвинул для меня стул.

Я села, и Кролик подвинул его обратно к столу. Он занял место через пару стульев от меня и жестом указал на еду.

— Угощайся... В конце концов, это чаепитие в твою честь.

Радостно рассмеявшись, я потянулась вперед и старательно отобрала себе разные пирожные и сэндвичи. Заполнив ими всю тарелку, я взяла чайник и налила себе чаю. Кролик наблюдал за мной со странным выражением на лице. Уголок его рта слегка приподнялся, и его глаза стали...нежными. Его глаза никогда не были нежными, всегда суровыми и настороженными, но теперь, когда он смотрел на меня, они казались почти ласковыми.

Я сглотнула, не понимая, что это за странное ощущение появилось у меня в животе. Я прижала свободную руку к животу, чтобы унять неясное чувство покалывания.

— Чая? — едва слышно предложила я.

Не произнеся ни слова, Кролик кивнул. Когда я подошла к нему и наполнила его чашку дымящейся жидкостью, его взгляд стал более напряженным. Приблизив к нему руку, я почувствовала, как он застыл на месте. Наши руки разделял лишь жалкий клочок воздуха. Пока он смотрел, как я наливаю ему чай, его дыхание становилось всё более затруднённым.

Но мы не соприкасались.

Откашлявшись, я поставила чайник на поднос и направилась на свое место. Но не успела я сделать и шага, как у меня в голове всплыло воспоминание. Обо мне и Кролике. Прикосновение губ. Все мое тело напряглось.

Я услышала у себя за спиной сбивчивое дыхание Кролика. По телу пронеслись мурашки, пробежав у меня по рукам и до задней части шеи. Чтобы избавиться от навязчивого образа, я помотала головой и снова села.

Подняв глаза, я обнаружила, что Кролик пристально за мной наблюдает. Я поднесла к губам чашку. Кролик сделал то же самое, но не успел край чашки коснуться его рта, как я воскликнула:

— Кролик!

Он замер.

— Твой мизинец! — с укором сказала я. Затем опустила на стол чашку и покачала головой. — Глупый, нельзя пить чай, не оттопырив мизинец!

Кролик выдохнул, затем склонил голову.

— Ты права, милая. И как я мог забыть?

Он приподнял мизинец и, не сводя с меня глаз, сделал глоток чая. Вздёрнув бровь, он поставил чашку на блюдце. И я не удержалась. Я засмеялась. Еще немного посмеявшись, я тоже сделала глоток.

— Ммм, — я опустила на блюдце свою чашку.

Я съела клубничное пирожное, а затем сказала:

— Мое первое чаепитие в Стране Чудес, Кролик. Я ждала этого момента всю свою жизнь!

— Знаю, милая.

Я обвела взглядом пустые стулья.

— К нам еще кто-нибудь присоединится? Безумный Шляпник? Соня? Или, может, Мартовский Заяц?

Откинувшись на спинку стула, Кролик сжал стоявшую рядом трость. Ему на левый глаз лениво упала прядь черных волос, оставив на виду только вытатуированную пику. Он даже не попытался ее убрать.

— Дорогая, Страна Чудес не такая, какой кажется.

Я нахмурилась.

— Нет?

Он покачал головой.

— Не все в ней... хорошие.

— Ничего не понимаю, — я сделала еще один глоток чая.

Кролик наклонился вперед и посмотрел мне прямо в глаза. Он хотел было что-то сказать, но потом отвернулся. Он сжал губы и повернулся ко мне.

— Меня не случайно послали за тобой, — Кролик потянулся в карман и вытащил колоду игральных карт.

У меня округлились глаза. Он покрутил колоду в руках.

— Милая Куколка, — произнёс он. Затем положил карты на стол.

Я впилась в него взглядом. Кролик втянул носом воздух.

— Я..., — он поджал губы и пробежал языком по зубам. — Меня послали за тобой, потому что Страна Чудес в большой беде.

У меня перехватило дыхание.

— В беде? — прошептала я, почувствовав, как мое сердце наполняет страх.

Он медленно кивнул и подался вперед. Он остановился, и мне стало интересно, почему. Щека Кролика дернулась, а потом он сказал:

— Твоя подруга...Эллис..., — он замолчал.

Мое сердце перестало биться. Из моей руки выскользнул сэндвич с джемом и плюхнулся мне на тарелку. Кролик внимательно за мной наблюдал. Я ничего не ответила.

— Она... потерялась, — хриплым голосом проговорил он. — Она... в беде...здесь в Стране Чудес.

Я опустила взгляд на свою руку. Она дрожала. Мои глаза закрылись, и грудь пронзил осколок боли. Заслонив собой светлую комнату, меня окутала чернота, и я

оказалась в комнате со множеством дверей. Я присела в углу, закрыла глаза и прижалась к стене. Затем я услышал тихий голос из-за страшной двери, той самой, которую мне никогда не хотелось открывать:

— Помоги... мне... Хитэн... Помоги мне...

Когда я открыла глаза, то задыхалась. Комната расплывалась у меня перед глазами, и я почувствовала, что по моим щекам текут слёзы.

— Эллис..., — прошептала я. — Попала в беду здесь? В Стране Чудес?

Кролик кивнул, и слегка прищурился. У меня из груди вырвалось сдавленное рыдание, и мне стало нехорошо. Кролик придвинул свой стул поближе к моему. Я затаила дыхание в ожидании того, что он скажет.

— Милая Куколка, — он замолчал и подвигал губами. — Друг Эллис... Хитэн.

Я затихла.

— Он... это он послал меня за тобой.

— Ты его знаешь? — потрясённо спросила я. И этот Хитэн знает меня? Откуда?

Кролик кивнул и откинулся на стуле. Он сделал еще один глоток чая и взял со стола колоду карт. Он снова повертел ее в руках, и я, как зачарованная, смотрела на то, как коробка танцует у него в пальцах.

— Хитэн, — Кролик процедил это имя сквозь стиснутые зубы, так, словно ему было невыносимо его произносить. — Он сейчас... далеко. И попросил меня ему помочь.

— Ты его знаешь? — снова спросила я, все еще пребывая в шоке.

Кролик ещё раз кивнул. Его лицо опять стало бледным, и прежде чем я успела спросить, откуда, он сказал:

— Он хочет снова увидеть свою девочку. Он хочет вернуть свою Эллис, — Кролик кашлянул. — Он хочет ее освободить. Освободить ее из того ужасного места, в котором она находилась на протяжении долгих лет. От плохих людей, которые ее схватили... от людей, которые мучили ее и вынудили бесследно исчезнуть, заперев за дверь, за которой ты ее нашла.

— Как? — прошептала я.

«Как ее можно спасти?».

Кролик постучал картами по столу и открыл коробку. Карты высыпались на стол рубашками вверх. (*Прим. Рубашка — обратная сторона игровой карты*) Я в замешательстве прищурила глаза.

— Здесь всего пять карт, — сказала я.

— Их было шесть. Одна уже сыграна.

Я не поняла, что он имеет в виду. Кролик провел пальцами по красным рубашкам карт.

— Эллис нужен защитник, милая. Храбрый боец, способный найти ее и спасти.

Мое сердце забилось сильнее. Я покачала головой.

— Я не могу... Я не знаю, как нужно сражаться...

— Именно поэтому Хитэн послал к тебе меня. Я тебя научу. Я поеду с тобой в твоё путешествие. Я буду тебя направлять. В конце концов, я Белый Кролик, — он достал из жилета карманные часы и провел пальцем по стеклу. — Хитэн знал, что вы с Эллис знакомы. Он... он знал, что она тебе доверяет. Ты...

Кролик глубоко вздохнул.

— Он знал, что ты ее друг, — он покачал головой. — Никто более тебя не заслуживает того, чтобы привлечь к ответу тех, кто повинен в ее страданиях.

Я опустила взгляд на забытые пирожные у меня на тарелке. На когда-то горячий чай, который теперь совсем остыл.

— И... и если нам удастся ее спасти, — я взглянула вверх. — Серебряные глаза внимательно наблюдали за мной. — Эллис станет свободной? С ней снова всё будет в порядке?

Кролик тяжело сглотнул.

— Мы на это надеемся... Надежда есть всегда, — Кролик провел пальцем по первой карте и перевернул ее. На ней карандашом был нарисован мужчина. — Гусеница.

Лицо Кролика вытянулось, и его серебряные глаза наполнились гневом.

— Он первый, — Кролик перевернул вторую, третью, четвертую, пятую карту. — Чеширский Кот, Траляля и Труляля, Бармаглот, и, наконец... Король Червей.

— Король Червей? Не Дама?

— О Даме уже позаботились, — быстро произнёс он и откинулся на спинку стула. Он глядел на меня... в ожидании.

Я закрыла глаза и тут же оказалась в полной дверей комнате, в которой был слышен плач Эллис. Отголоски ее криков проникали мне в самые кости, и моё сердце сжалось от горя. Меня охватил пронизывающий холод. Я напряглась, услышав, что плач Эллис становится все громче и громче... Внезапно он стих, чтобы прекратиться навсегда.

— Я это сделаю, — произнесла я, медленно открыв глаза. — Только не знаю как.

Угол губ Кролика дёрнулся вверх. Не улыбка, а лишь намёк на ее приближение. Обещание.

Он поднялся, взяв в руки трость.

— Идём со мной, — он прошел через дверь в конце комнаты. Я проследовала за ним по коридору и вышла через задний вход. Мы пересекли двор и направились к помещению позади дома. Кролик открыл дверь, его покрытые рисунками руки напряглись, пока он придерживал ее для меня. Я вошла внутрь, и на меня обрушилась волна ледяного воздуха. Я вскрикнула и потеряла руки, а потом почувствовала, как сзади ко мне приблизился Кролик. Я снова вздрогнула, но на этот раз от того, что моей шеи коснулось его теплое дыхание. Он стоял у меня за спиной, оказывая на меня непонятное давление.

Мне хотелось, чтобы он остался рядом... но в то же время мне хотелось, чтобы он держался подальше.

В ожидании, когда он заговорит, я закрыла глаза. Прошло несколько секунд, затем он хрипло произнёс:

— Чтобы стать настоящим защитником, моя маленькая Куколка, ты должна научиться побеждать плохих людей, — он помолчал. — Ты должна научиться убивать, милая. Убивать, убивать и убивать.

При этих словах я быстро вдохнула носом воздух.

— Кровь, понимаешь? — продолжал он. Его ладонь скользнула по моей руке, но все время держалась от нее на расстоянии сантиметра. Как будто он пробовал ко мне прикоснуться, но не позволял себе этого сделать. — Кровь... это удивительная вещь. То, как она пахнет, когда она только что из вены. Как она струёй вырывается наружу, когда ты испарываешь плоть в нужном месте.

Он зашипел сквозь стиснутые зубы, от его дыхания взметнулась вверх прядь моих волос. Я закрыла глаза и стиснула бедра, почувствовав странное томление у себя в животе и между ног.

— Это ни с чем несравнимое зрелище, — он приблизился ещё на шаг. Его дыхание коснулось моего затылка. — Чувствовать, как своими собственными руками лишаешь кого-то жизни... плохих, плохих людей, которых необходимо повывёргивать с этой земли, словно блох, которыми они и являются...это...вкус божественного могущества.

Моя грудь вздымалась от тяжелого дыхания. Его слова пробудили во мне желание...потребность, которую я никогда раньше не испытывала.

— Ты рождена для этого, маленькая Куколка.

Я резко втянула воздух, когда Кролик смахнул с моего плеча белокурый завиток. Он стоял так близко, что я слышала биение его сердца. Оно колотилось, словно заведённое.

— Ты рождена, чтобы стать моей опорой в Стране Чудес, — его дыхание становилось всё интенсивнее, пока я не поняла, что его губы оказались всего в сантиметре от моего уха.

— Рождена убивать вместе со мной, — он сделал еще два глубоких вдоха. — Идём.

Кролик обошел меня и двинулся направо. Я последовала за ним. Словно его голос — мой господин.

Повернув за угол, я обнаружила его стоящим за длинным столом, на котором было разложено ...

— Оружие, — сказал он, когда я остановилась и уставилась на него.

— Подойди, — снова приказал он.

Я снова подчинилась.

Я подошла к столу и увидела ножи, тесаки и пистолеты. Кролик оперся на трость и свободной рукой взял со стола большой нож. Лезвие было украшено филигранными узорами. От такой красоты у меня округлились глаза.

— Кое-что я приготовил специально для тебя, — произнёс он. — Это первое.

Кролик протянул мне нож с рукояткой из слоновой кости, и я взяла его в руки.

— Он просто великолепен! — проговорила я и почувствовала, как мои губы растягиваются в улыбке.

Я покрутила ножом в воздухе и подумала об Эллис. Подумала о плохих людях, нарисованных на тех картах, что лежали в кармане у Кролика. Подумала о том, что эти плохие люди сделали с моей подругой. О том, что, по ее словам, они делали с ней каждую ночь с тех пор, как она была ещё маленькой девочкой. У меня внутри всё сжалось, когда я подумала о каждом из изображенных на картах мужчин... Когда я представила, как кровь течёт по их лицам, их грудным клеткам и разливается по полу.

«Это вкус божественного могущества»

— Я его беру, — прошептала я и взглянула на Кролика. Он провел рукой по черным волосам и медленно кивнул. Я увидела во взгляде его серебряных глаз торжество.

«Ты рождена убивать вместе со мной...».

Кролик потянулся к чему-то еще, к чему-то, что находилось вне поля моего зрения. Когда он повернулся, я увидела у него в руке проблеск синего цвета... того же синего оттенка, что и мое платье.

— Кролик? — я шагнула вперед и положила свой нож на стол, чтобы лучше рассмотреть то, что он держал в руках.

— Кролик..., — тихо проговорила я, поглощенная видом зажатого у него в ладони пистолета.

Синий пистолет с выгравированной сбоку надписью. Я попыталась ее прочесть. Но смогла разобрать только некоторые буквы и лишь одно слово. Я провела кончиком пальца по начертанным на нем словам.

— Что на нем написано?

— Он был сделан специально для тебя, — Кролик подошел ближе. От моей просьбы тон его голоса смягчился. Я не умела толком ни читать, ни писать. Никогда не умела.

Я вдохнула его запах и на мгновение перестала дышать. Я посмотрела на стоящего надо мной Кролика. Он был таким высоким. Я заглянула в его серебряные глаза и нервно сглотнула, оттого что у меня снова возникло это странное чувство в животе и между ног.

— Он такой же синий, как твоё платье, — низким голосом проговорил он.

Я согласно кивнула. Наши пальцы почти соприкасались на гладкой поверхности пистолета, но когда между ними оставалось уже меньше миллиметра, он одёрнул руку.

Он тоже не любил, когда к нему прикасались.

Прямо как я.

— Здесь написано «Время пить чай».

Мои глаза скользнули к надписи, а затем снова взметнулись к его лицу. Глубоко в груди забурлил смех и сорвался у меня с губ. Когда Кролик вложил мне в руку пистолет, я рассмеялась от абсолютного восторга и крепко сжала его в ладони. Я потянулась за подаренным им ножом, взяв в руки мое новенькое оружие.

— Время пить чай! — воскликнула я, закружившись на месте. — Время пить чай, время пить чай, время пить чай!

Я танцевала вокруг Кролика, пока совсем не выдохлась и не охрипла от смеха.

Я резко остановилась и, отступив назад, вскинула нож с пистолетом вверх, в жесте, как мне казалось, свойственном всем защитникам. Кролик смотрел на меня широко распахнутыми глазами, его грудь поднималась и опадала от тяжелого дыхания. Я расставила пошире ноги и приподняла подбородок. Мне хотелось казаться сильной.

— Это наша Страна Чудес, милая. И мы не можем оставить в живых всех этих нехороших мужчин. Пока все они не будут уничтожены... Эллис грозит опасность, — он повернул голову. — Ты ведь не хочешь этого, правда, маленькая Куколка?

— Нет, — я крепче сжала нож и пистолет. Затем, глядя Кролику прямо в глаза, я сказала:

— Научи меня, Кролик. Покажи мне, как уничтожить нехороших мужчин, которые причинили боль моей подруге Эллис. Научи меня пускать им кровь, так, чтобы она стекала по их лицам к ногам и разливалась по полу ...

— Научи меня убивать. Покажи мне, как убить их всех.

7 глава

Куколка

— Сюда.

Кролик шагнул назад к деревянной двери, и я последовала за ним. Он повернул ручку. В комнату тут же ворвался поток ледяного воздуха, ещё холоднее, чем раньше, и обжег мне кожу. Я задрожала, но Кролик похоже, ничего не почувствовал. Он повернул ко мне голову.

— Идём вниз, — сказал он и стал спускаться по лестнице, отстукивая тростью каждую ступеньку.

Я последовала за ним — последовала за моим Кроликом, за моим проводником. Когда мы спустились вниз, я удивлённо распахнула глаза и крепче сжала в руках нож с пистолетом.

— Свиньи? — произнесла я, глядя в морозильную комнату на множество свиных туш, подвешенных на странных крючках вниз головой.

— Кожа и плоть свиней наиболее близки к человеческим. Здесь ты станешь учиться, — он пожал плечами, опершись обеими руками на трость. — Когда будешь готова, мы перейдем к следующей части нашего путешествия.

— К убийству?

Кролик медленно кивнул. Он наклонился вперед и приблизил ко мне своё лицо.

— К самой лучшей части... самой увлекательной из тех, что ты только можешь себе представить.

Мое сердце заколотилось от волнения. Я оглядела комнату. Обернувшись, я увидела, что Кролик за мной наблюдает. Я скользнула взглядом по его одежде и трости.

— А где твоё оружие?

У Кролика приподнялся уголок рта. В мгновение ока он крутанул в руке трость. Во время этого движения, такого стремительного, что я даже ничего не заметила, он разломил трость надвое. Нижняя ее часть оказалась у него в левой руке, а верхняя — с кроличьей головой — в правой. Выставив руки перед собой, он ринулся к ближайшим свиным тушам. Я поняла, что низ трости стал клинком лишь после того, как Кролик вонзил его в живот висевшей слева от него свиньи, распоров его надвое. Не успела я хоть что-то сказать, как из той части трости, что была у него в правой руке, раздался громкий выстрел. Я смотрела как бесчисленные вереницы пуль, пуля за пулей, рассекали насквозь свинью справа от него. По полу и стенам комнаты разлетались куски плоти.

Кролик повернулся и поднял на меня глаза, его черные волосы растрепались от устроенного им представления.

— Вот мое оружие, милая, — произнёс он, соединив обратно две части shaft. Взмахнув тростью, он упер ее в пол и опять расположил ладони на кроличьей голове.

Я оторопела, и мои губы приоткрылись.

— Я бы никогда не догадалась..., — прошептала я, пытаясь рассмотреть трость. Я подняла на него глаза. — Я тоже так хочу.

В серебряных глазах Кролика что-то блеснуло.

Он отошел в сторону, уступив место рядом с собой.

— Тогда, прошу, — он кивнул на пустое пространство справа от него.

Не обращая внимания на холод, я подошла к нему, простучав каблуками по каменному полу. Я откинула назад голову и посмотрела на свиней. Они висели на длинных серебряных крюках.

— Этот дом принадлежит моему... другу, — он произнёс это слово так, будто это был вопрос. — Чепелу. У него такие секретные места по всему Югу.

— Он подвешивает на этих крюках свиней?

Кролик небрежно махнул рукой.

— Нет. Не свиней.

— Кролик? — спросила я. — А где мы сейчас в Стране Чудес?

— Ещё только в самом начале, маленькая Куколка. Плохие люди не знают, что мы придем. Мы в безопасности.

Я сделала глубокий вдох.

— Теперь..., — произнёс Кролик и встал рядом со мной.

Так же как и раньше, моё сердце сразу же забилось быстрее. Я крепче сжала оружие.

— Сначала нож, — скомандовал Кролик. — Подними руку.

Я сделала, как он велел.

— Теперь всади его в свинью.

Я отвела руку назад и, рванувшись вперед, проткнула лезвием живот первой свиньи. Мой нож проскользнул в него как в масло.

— У меня получилось, Кролик! У меня получилось! — воскликнула я.

— Почувствуй это, — приказал он.

— Что?

— Протолкни нож туда-сюда. Почувствуй, каково это — резать плоть.

Я скользнула ножом туда-обратно, и тут его кончик наткнулся на что-то твердое. Я вгоняла нож все сильнее и сильнее, пока это что-то не треснуло. Я резко повернулась к Кролику.

— Твоя первая кость, — кивнул он. — Успешно сломана. Будь с ними внимательна, когда мы приступим к нашим убийствам.

Я кивнула и вытащила нож. Я снова воткнула его в свинью. И снова, и снова, пока на странном крючке не остались одни ошмётки свиной туши. У меня со лба стекал пот. Я смахнула с лица волосы предплечьем и обернулась. Кролик внимательно за мной наблюдал, его зрачки расширились. Что-то в том, как он на меня смотрел — пристально... может, с гордостью — пробудило во мне странные чувства.

— Кролик, ну как, хорошо? — с трудом переводя дыхание, выдохнула я.

Пальцы Кролика крепко сжали набалдашник трости. Он переступил с ноги на ногу, притянув к себе трость. Как будто что-то прятал. Кожа у него покраснелась, на шее задвигался кадык.

— Тебе понравилось? — хрипло спросил он.

Я оглянулась на валяющиеся на полу куски истерзанной плоти и почувствовала, как резко участился мой пульс.

— Да, — улыбнулась я.

Это была *широченная* улыбка.

Ни на секунду не отводя от меня глаз, Кролик приблизился. Он встал прямо передо мной. Он откинул назад голову, и прежде чем снова взглянуть на меня, крепко сжал зубы и зашипел.

— Рождена убивать, — объявил он низким, скрежещущим голосом. — Убивать вместе со мной.

Он оторвал от трости одну руку и попытался дотронуться до моего лица, но в последнюю минуту сжал пальцы в кулак и со сдавленным рычанием отдернул ладонь.

— Кровожадная. Маленькая Куколка. Моя защитница Страны Чудес.

— Я хочу большего, — произнесла я, закрыв глаза и представив себе ощущение от прикосновения его пальцев к моему лицу. Представив, как он меня хвалит. Ласкает меня. Говорит мне, что я его хорошая маленькая Куколка.

— Научи меня большему, — взмолилась я.

Я открыла глаза. Кролик ослабил на себе черный галстук, обнажив еще больше вытатуированных у него на шее рисунков. Часы, часы, и ещё больше часов. Расстегнув воротник черной рубашки, он сунул галстук в задний карман, однако к жилету не притронулся, оставив его в прежнем виде.

— Пистолет, — скомандовал он.

Я подняла вверх свой пистолет. Кролик окинул взглядом свиные туши.

— Вот эта, — он указал на ту, что висела в глубине комнаты, и встал у меня за спиной.

Я закрыла глаза, его близость буквально завораживала меня.

— Подними пистолет.

Я сделала, как он сказал, и заметила, что у меня немного дрожат руки.

— Отбрось страх, — произнес он, его губы находились в доле сантиметра от моего уха.

Я сосредоточилась на том, что он сказал, и мысленно представила себе Эллис. Кролик порывисто дышал, и теплый воздух его дыхания согревал мне лицо. Его пальцы тронули пистолет там, где его не касались мои ладони.

— Предохранитель, — он перещелкнул сверху на пистолете белый рычажок.

— Спусковой крючок, — проговорил он, скользнув рукой над синей защелкой, на которой лежал мой палец. — Теперь нажимай.

Я сделала, как он сказал, в комнате прогремел громкий выстрел, и меня оттолкнуло назад. Я невольно вскрикнула, увидев, как в свиную тушу впиалась пуля.

— Есть, — сказал Кролик прямо мне в ухо.

Я застыла, а когда увидела, что сделала, рассмеялась.

— Есть! — я бросилась вперед и посмотрела на пулевое отверстие. Резко повернувшись к Кролику, я подняла пистолет и пропела:

— Время пить чай!

Кролик гордо кивнул, и по моим венам пронеслась волна чего-то волнующего. Чего-то пьянящего. Чего-то такого, что... вызывает мгновенное привыкание...

— Ещё раз, — проговорила я и, простучав каблуками по каменному полу, вернулась к Кролику.

Он сделал шаг назад, уступив мне место. Я снова подняла пистолет. Всадив нож в одну свинью, я пустила несмелую пулю в тушу другой.

— Ещё раз, — произнёс позади меня Кролик.

Я даже не обернулась. Просто резала и стреляла. Снова и снова, пока у меня не заболели руки.

Раскрасневшись и тяжело дыша, я опустила оружие, все еще борясь с неодолимым желанием снова пустить его в ход. Ощущая острую необходимость почувствовать, как покоряются моему лезвию плоть и мышцы, как пули моего пистолета разрывают кожу, хрящи и кости, я повернулась к Кролику, который ни на секунду не сводил с меня глаз.

— Вместе.

У Кролика раздулись ноздри, и я кивнула головой на пустое место рядом со мной. Его губы изогнулись в темной ухмылке, затем он обнажил лезвие своей трости и, приподняв набалдашник, трансформировал другую её часть в пистолет. Он подошел ко мне и, взглянув на меня, сказал:

— Тик-так.

Весело смеясь, я колола. Я палила. Он вспарывал. Он стрелял.

Бок о бок.

Множа вокруг груды истерзанной плоти.

Снова и снова, пока у нас не закончились все патроны.

Когда в комнате прозвучал отголосок последней пули, я повернулась к Кролику, мы оба тяжело дышали, но испытывали небывалый подъем энергии. Он уже смотрел на меня. Подняв свой нож — теперь уже весь залитый кровью — я поднесла его к глазам и внимательно поглядела на тончайшую сталь.

— Мне нравится, — произнесла я, чувствуя, как в груди бешено колотится сердце.

— Лезвие? — хриплым голосом спросил Кролик.

Улыбнувшись, я вскинула брови.

— Его применение, — проговорила я.

Темно-красный завиток стремительно скользнул вниз по рукоятке.

— Вид крови.

Капля упала мне на платье.

— Хотя ее цвет совсем не подходит к моему красивому платью, — сказала я и надула губки, поняв, что теперь мое платье безнадежно испорчено. Мое самое любимое платье.

— Не волнуйся, милая, — заверил меня Кролик. — У меня для тебя еще куча платьев. И все этой модели. Твоей любимой.

— Глупый Кролик, — прошептала я, чувствуя, как грудь переполняется теплом.

— На сегодня хватит. У нас еще будет время потренироваться, — он повернулся и жестом предложил мне подняться по лестнице.

Я не выпускала из рук своего оружия. Мне вообще не хотелось с ним расставаться. Поднимаясь по лестнице, я смотрела на свой пистолет.

— Время пить чай, — с каждым новым шагом пела я про себя. — Время пить чай.

Когда мы поднялись наверх, я увидела, что небо за окнами потемнело. Сзади ко мне подошел Кролик.

— Пора в ванну и спать, маленькая Куколка, — мягко сказал он.

Я хотела возразить, что совсем не устала, но по его глазам я поняла, что он не шутит. Мне захотелось подчиниться.

— Хорошо.

Он отвёл меня в дом и проводил в спальню. Там стояла большая кровать, застеленная белым кружевным покрывалом. На кровати лежала белая ночная рубашка. Кролик исчез в соседней комнате. По доносящимся оттуда звукам бегущей воды я догадалась, что, скорее всего, это ванная. Я бродила по комнате, пока не оказалась у шкафа. Открыв дверь, я увидела там бесчисленное множество моих любимых синих платьев и улыбнулась от удовольствия. В верхних ящиках были аккуратно сложены черно-белые гольфы, а на обитой бархатом полке лежала уйма черных ободков. И, наконец, в самом низу шкафа стояли пять пар ботильонов.

— Прими ванну, милая.

Я выглянула за дверь шкафа и увидела с другой стороны Кролика. Поморгав, я посмотрела на него, и на какое-то мгновение у меня остановилось дыхание. У него покраснелись щёки, и в ярком свете спальни мне было хорошо видно его лицо.

Мой Кролик был очень красивым.

Он медленно приближался, пока не прислонился грудью к деревянной двери шкафа. Сглотнув, я прижалась к ней с другой стороны. Как будто мы соприкоснулись. Чем плотнее я прижималась к деревянной поверхности, тем тяжелее становилось мое дыхание. У Кролика тоже. И он ни на секунду не отрывал взгляда от моих глаз.

В конце концов, он проговорил:

— Иди, прими ванну, милая. А когда ты выйдешь, у меня будет для тебя несколько сюрпризов.

— Хорошо, — сказала я и, сделав над собой усилие, отошла от двери.

По пути в ванну я взяла с кровати ночную рубашку.

— Ты ведь сможешь помыться сама, да, дорогая? — спросил Кролик, когда я приблизилась к двери ванной. У него раздувались ноздри, и потемнели глаза.

Покачивая головой, я тихонько рассмеялась.

— Глупый Кролик! Ну конечно, смогу.

Я никак не могла отделаться от мысли, что это его огорчило.

В ванной я разделась и погрузилась в теплую воду с ароматной пеной. Я откинула назад голову и подумала о Кролике. Вспомнила, как он смотрел на меня своими серебряными глазами. Как говорил со мной своим низким, глубоким голосом. И как он сражался рядом со мной, с потрясающей лёгкостью орудуя своей тростью. Я невольно сжала бедра, и у меня между ног вдруг возникло такое невероятное напряжение, что я

просунула руку к интимным частям моего тела, чтобы хоть как-то его облегчить. Я задохнулась, почувствовав, как по телу моментально пронеслась горячая волна. Я одёрнула руку и села, недоумевая, что это было.

Но когда я вновь подумала о Кролике — о том, как он за мной наблюдал, как он смотрел на меня, с какой заботой ко мне относился — это ощущение опять вернулось. У меня нестерпимо горели щеки. Я не знала, чем это было вызвано — температурой воды в ванне или моими мыслями о Кролике.

Странное ощущение у меня между ног не исчезло.

Я закрыла глаза и скользнула в воду. Моя рука опустилась к животу и легла между бедер. Кончиками пальцев я пробежала по ноющей плоти и сдавленно застонала, почувствовав, что мучительное напряжение немного ослабло. Я продолжила движения, думая о Кролике. Вспоминая татуировки у него на коже — часы. Огромное количество часов... Мои губы приоткрылись, и я снова застонала, представив себе, как мы сражались с ним бок о бок. То, как он посмотрел мне в глаза, когда я вспоролла своим ножом свиную тушу. Как он подошел ко мне, когда мы закончили. Подошёл так близко, что я почувствовала у себя на лице его дыхание. Как будто он хотел ко мне прикоснуться.

Пальцы быстрее задвигались у меня между ног, от возросшего там напряжения моя спина выгнулась. Невероятно захватывающее чувство наполнило каждый сантиметр моей кожи; ступни резко дёрнулись вверх, выплеснув воду из ванны.

— Кролик..., — прошептала я, боясь утратить это ощущение, и тихо застонала, когда в животе начало пробуждаться нечто более значительное. С губ срывались слабые звуки, а пальцы двигались в лихорадочном поиске того, чего я даже не могла описать. А затем моя спина выгнулась, голова откинулась назад, рот приоткрылся, и все мое тело накрыло волной чистого света. Дыхание стало прерывистым. Кожа покраснела, из груди вырвался протяжный крик, и от меня осталось одно лишь ощущение.

Когда гребень волны достиг пика, и меня начало отпускать, я успокоилась. У меня дрогнули веки, и я распахнула глаза, с плеском уронив ноги в воду. Я медленно вздохнула и уставилась в потолок.

Я пребывала в шоке и полном изумлении. Я тяжело сглотнула. Подняв руку, я посмотрела на свои пальцы, недоумевая, что только что ими сотворила. Опустив руку, я услышала за дверью ванной комнаты какой-то скрип. Я быстро вымылась, потом вылезла из ванны и хорошенько вытерлась полотенцем.

Я надела ночную рубашку и расчесала свои длинные волосы. Затем взглянула в зеркало и, вполне довольная тем, как я выгляжу, открыла дверь в спальню.

И тут же остановилась и забыла, как дышать, увидев, что Кролик лежит на полу, без рубашки, и делает скручивания, ритмично поднимая вверх корпус. Должно быть, он слышал, как я вошла, поскольку замер, приподняв над полом верхнюю часть тела с напряженным брюшным прессом, и встретился со мной взглядом.

Я скользнула глазами по его телу и нервно сглотнула. У него были крепкие мышцы. Не слишком массивные, но совершенно лишенные жира. А на его коже нельзя было различить ни сантиметра пустого пространства. Татуировки плотно покрывали его руки, грудь, торс и шею.

Мне... они понравились.

Часы, часы и снова часы.

«Тик-так, тик-так, тик-так, тик-так».

Не говоря ни слова, Кролик поднялся на ноги, его кожа блестела от пота. На нем были темные пижамные штаны. Когда он встал, мой взгляд скользнул к его паху. Внизу виднелась внушительная выпуклость, слишком заметная под тонким материалом. Кролик шевельнул рукой, и мои глаза взметнулись к его лицу. Он смотрел на меня, у него покраснели щеки и приоткрылись губы. Его дыхание казалось таким же прерывистым, как и у меня.

Но я не понимала, что происходит.

Он неожиданно повернулся, и при виде его спины у меня с губ сорвался шумный вздох. Я потрясенно прижала руку ко рту, а плечи Кролика напряглись. Его шея замерла, затем он медленно оглянулся на меня.

— Кролик..., — пробормотала я и отвела ладонь ото рта. С трудом переставляя ноги, я двинулась вперед, снова сосредоточив все свое внимание на его спине.

Татуировка... На татуировке, что украшала его спину, была...

— Я, — прошептала я, остановившись всего в миллиметре от спины Кролика.

Я машинально подняла руку, но не коснулась его кожи. Не коснулась ни хорошо знакомых мне голубых глаз, ни длинных светлых волос, ни розовых губ, накрашенных губной помадой, без которой их почти не было видно.

— Кролик, — произнесла я и, держа руку в сантиметре от его кожи, провела пальцами по каждой частичке своего лица...вплоть до самых плеч, на которых виднелось синее платье.

Как у Алисы.

Как у меня.

Кролик отвернулся и уронил голову вперед, продемонстрировав мне лишь концы черных волос и изображение больших карманных часов, украшавшее заднюю часть его шеи.

— Я думал только о тебе, — едва слышно прошептал он. — Я знал, что должен приехать и забрать тебя. Найти тебя и спасти.

— Спасти меня..., — повторила я. — Из комнаты со множеством дверей?

Кролик снова напрягся и развернулся ко мне. Из-за его внушительного роста мне пришлось задрать голову, чтобы посмотреть ему в лицо. Я вдохнула его запах, моё сознание наполнил мускусный аромат. Глядя на его великолепное тело, я заметила, как дёрнулись мышцы его груди. У него покраснелись щеки.

— Да, — наконец, ответил он.

Кролик поднял было руку, но сжал ее в кулак и снова опустил вниз.

— Там, где меня удерживали, я видел только твое лицо... Видел только голубые глаза. Эти светлые волосы... Эти розовые губы.

Я подняла пальцы ко рту и провела ими по губам.

— Ты была пророчеством. Тебе было суждено прийти в Страну Чудес и победить всех нехороших людей, заканчивая Королем Червей.

— Ты нанёс себе на кожу моё изображение, чтобы не забывать о своей главной задаче. Провести меня через это испытание и победить Короля с его людьми, — понимающе сказала я.

Кролик секунду помедлил, затем кивнул.

— Именно так, — его губы дёрнулись вверх. — И вот я тебя нашел. Моя маленькая защитница.

Я улыбнулась, мне понравилось, как это звучит.

— Мой проводник, — предложила я в ответ.

Какое-то время мы молчали. Просто смотрели друг другу в глаза. Затем мой взгляд устремился к его телу, как будто его тянуло туда какой-то невидимой силой. Мне захотелось провести пальцем по его животу. Мой взгляд скользнул ниже.

Захотелось провести рукой по выпуклости у него в паху.

Я снова ощутила покалыванье у себя между ног, и вспыхнула, вспомнив, что я почувствовала, когда трогала себя там.

— Куколка, — прорычал Кролик, и мои глаза взметнулись к его лицу.

Когда я взглянула вниз, то увидела, что выпуклость у него в штанах увеличилась. Я распахнула глаза. Кролик зашипел, провёл руками по волосам и попятился назад.

Он отвернулся, сжав руки в кулаки. Он остановился у стены и прислонился лбом к кирпичной кладке. Я слышала его тяжелое дыхание, слышала, как он шептал себе под нос:

— Тик-так, тик-так, тик-так.

Я застыла на месте и не двигалась. Кролик сделал шаг назад и, не глядя на меня, выскочил из комнаты.

Я посмотрела ему вслед. Мое сердце сжималось от отчаянья, пока Кролик не вернулся, держа в руках какую-то коробку. Он положил ее на кровать.

Закрыв глаза, он помедлил и втянул носом воздух. Потом его глаза открылись и устремились прямо на меня. Я не могла произнести ни слова, пытаюсь понять, в чём дело, и что в этой коробке...

— Подарки... для тебя, — на последнем слове его голос оборвался, но он отошел в сторону и сделал знак рукой, чтобы я взглянула.

Я посмотрела на него повнимательней, и увидела, как при взгляде на меня всё, что его беспокоило, испарилось. Его плечи расслабились, и я улыбнулась, когда он снова указал жестом на коробку.

— Еще подарки? — спросила я, и мое сердце наполнилось радостным предвкушением. — Но я ведь уже получила пистолет, нож и чаепитие!

Я посмотрела на него с лёгкой улыбкой.

— Ты меня балуешь.

— Ты заслуживаешь того, чтобы тебя баловали, — немедленно произнёс он.

Покачивая головой, я сказала:

— Глупый Кролик.

Я подошла к коробке и, открыв ее, почувствовала, как учащенно забилося моё сердце. Когда я увидела, что там внутри, через меня будто бы прошёл электрический разряд, и я попятилась назад. Мой взгляд метнулся к Кролику.

— Мои любимые вещи..., — прошептала я.

У меня внутри появилось ощущение приятной легкости. Оно нарастало и нарастало, пока с губ не сорвался весёлый смех. Я бросилась вперед и открыла коробку полностью. Сунув туда руку, я наткнулась на что-то холодное... твёрдое. Я вытащила это из коробки, и передо мной возникло знакомое лицо.

— Алиса! — потрясённо произнесла я. Я внимательно разглядывала свою старую куклу с фарфоровым лицом.

— Все, что от нее осталось — это голова и несколько прядей волос. У неё треснуло лицо, и мне так и не удалось отыскать ее туловище, но я решил, что тебе все равно захочется увидеть свою старую подругу.

Я подняла голову Алисы за оставшиеся пряди желтых волос. И улыбнулась. Улыбнулась так широко, что думала, у меня треснет лицо.

— Я люблю ее..., — прошептала я, глядя на свою любимую игрушку. — Может она и сломана, и у нее не хватает каких-то частей, но я по-прежнему ее люблю.

У Кролика из груди вырвался тихий звук. Подняв на него глаза, я увидела, что он стал грустным. Мне тоже стало грустно. Всё ещё держа за волосы треснувшую голову Алисы, я шагнула к Кролику и заглянула в его серебряные глаза.

— Все в порядке, Кролик. Может Алиса и сломана, но я все равно ее люблю, — я улыбнулась. — Теперь я буду о ней заботиться.

Кролик кивнул, но мне показалось, что он всё равно остался грустным.

— Там есть еще кое-что, — сказал он, наклонив голову к коробке.

Не выпуская из рук Алисину голову, я кинулась к коробке, заглянула внутрь и...

— Нет! — воскликнула я, и у меня бешено забился пульс.

Как можно осторожнее я уложила Алису на кровать, и вытащила из коробки следующий сюрприз. Взяв в руки розовый пластик, я почувствовала себя невероятно счастливой.

— Мой проигрыватель, — проговорила я, глядя на прилепленные к динамикам наклейки в виде сердечек. — Кролик...

— Открой, — сказал он, скрестив на груди руки и внимательно наблюдая за мной.

Я нажала на кнопку извлечения... и внутри оказалась кассета. Я вытащила её оттуда.

— Не-е-ет, — медленно прошептала я.

Я взглянула на подошедшего ко мне Кролика. Он провел пальцами по белой полоске, что была на кассете. Спереди на ней виднелась какая-то надпись.

— Сборник Куколкиных песен, — сказал он, пробежав рукой по буквам.

Я не могла прочесть их все.

— Сборник моих песен?

Внезапно я почувствовала, как у меня сжалось сердце. Я закрыла глаза. У меня в голове возник образ симпатичной женщины со светлыми волосами и доброй улыбкой. У нее в руке была чашка, и она пила чай.

«Только «Эрл Грей», — прошептала она. — И ничего больше»

Потом мы с ней танцевали. Танцевали, взявшись за руки, под песни на этой кассете... в особенности под одну из них.

Открыв глаза, я торопливо вставила кассету в проигрыватель и нажала на кнопку воспроизведения. В динамиках заиграла эта песня... та самая, что звучала у меня в голове. Песня, под которую я больше всего любила танцевать.

— Кролик, — проворковала я, когда он отступил назад и сел на край кровати.

Я прошла мимо него и поставила проигрыватель на тумбочку. Я крепко взяла Алису за волосы. Другой рукой я сжала край ночной рубашки, и позволила музыке заполнить мой слух. Закрыв глаза, я начала кружиться. Мои губы растянулись в улыбке, и я запела слова из песни. Отпустив ночную рубашку, я подняла вверх руку и открыла глаза. Я взяла Алису за голову и, вытянув вперед руки, закружила ее по комнате.

Я подняла голову. Кролик наблюдал за мной, и у него блестели глаза. Как всегда, когда он на меня смотрел. Не отрывая взгляда от его глаз, я повела плечом в его сторону и стала танцевать для него. Кролик всегда любил, когда я танцевала для него.

Ни для кого другого. Однажды он запретил мне танцевать для кого-то ещё, но я никак не могла вспомнить, кто это был.

Только для него.

Танец Куколки для Кролика.

Поэтому я танцевала и танцевала, пока у меня не устали ноги. Из динамиков одна за другой звучали песни, все мои любимые. Когда кассета закончилась, и её нужно было перевернуть, Кролик поднялся на ноги. Он подошёл ко мне, мои волосы уже практически высохли и теперь упали мне на лицо.

— На сегодня достаточно, моя маленькая Куколка. Твое хрупкое тело устало, и ему нужен отдых, — произнёс он и погладил рукой треснувшее лицо Алисы.

На мгновение мне захотелось, чтобы он погладил и моё.

— Пора спать. У нас впереди трудная неделя. Тебе нужно научиться сражаться с плохими людьми. Придётся потрудиться.

— Но ведь у нас найдётся время для танцев? — широко зевнув, спросила я.

Прижав к себе Алису, я последовала за Кроликом к кровати. Он откинул одеяло, и я забралась в постель. Затем он хорошенько меня укрыл.

Он наклонился к моему лицу.

— Время для танцев всегда найдётся, — заверил он тихим, но грубым голосом. — Для танцев время есть всегда.

Я улыбнулась его словам и почувствовала, как они согревают мне сердце.

— Спокойной ночи, — прошептал он, а затем отошел в угол и уселся на пол.

Он оперся спиной о жесткую стену и поднял глаза на меня. Я села на кровати, в замешательстве поднимая брови.

— Ты что, не будешь спать в постели?

Кролик покачал головой. Рассердившись на то, что он собирается спать на полу, я потянулась к противоположной стороне кровати и откинула одеяло. Потом снова взглянула на Кролика.

— Залезай.

Было видно, что Кролик вот-вот откажется. Я закатила глаза.

— Когда мы были маленькими, то всегда спали с тобой в одной кровати. Мы лучшие друзья; мы можем снова так сделать.

Я терпеливо ждала, когда он встанет с пола. Наконец, он лёг на кровать. Я накрыла нас одеялом и положила голову на подушку. Он сделал то же самое. Сначала он казался напряженным, но потом расслабился.

— Глупый Кролик, — прошептала я, услышав, что его дыхание стало глубоким и размеренным, как у меня.

Пока я думала о предстоящей неделе, у меня начали тяжелеть веки. Мне не терпелось вернуться в подвал и пустить в ход своё новое оружие. Мне хотелось стать самым лучшим защитником Страны Чудес, каким только можно быть. Я думала о Кролике, о том, каким счастьем светились его серебряные глаза, когда он смотрел на то, как я вонзала нож в свиную тушу и всаживала в нее пули. Мне хотелось, чтобы он мною гордился. Мне хотелось убить нехороших людей, из-за которых наш мир стал таким опасным.

Потом я подумала об Эллис, запертой за той дверью во тьме Страны Чудес. И в первую очередь мне захотелось уничтожить плохих людей ради нее. Я больше не хотела, чтобы она плакала. Я хотела, чтобы она оказалась на свободе и в безопасности.

— Я справлюсь, Эллис, — прошептала я, засыпая. — Я и Кролик, мы тебя освободим.

8 глава

ГУСЕНИЦА

Кролик

Неделю спустя...

Ветер трепал наши волосы, я тем временем краем глаза наблюдал, как она прицеливается из своего пистолета.

— Время пить чай, — сказала она, направив пистолет в лобовое стекло.

— Время пить чай, — уже другим тоном объявила она. И рассержено тряхнула головой.

— Милая? — спросил я.

Она уронила руки, и синий пистолет оказался у нее на коленях.

Она чуть выпятила нижнюю губу. Её губы были накрашены ее любимой ярко-розовой помадой, которая теперь лежала у нее в кармане. Ветер развеивал ее густые белокурые локоны, и только черный ободок с трудом удерживал их в некоем подобии порядка. На ней было новое синее платье, черно-белые полосатые чулки до бедер и начищенные до блеска ботильоны.

Восхитительно.

— Я ещё не решила, что сказать Гусенице, когда мы до него доберемся. Не знаю, как выразить то, что я хочу сказать.

Она взглянула на меня и опустила плечи. Ее палец пробежал по выгравированным у нее на пистолете словам.

— Перед тем, как его застрелить, я хочу сказать «Время пить чай», потому что так написано на моем пистолете, и, мне кажется, это отлично звучит. Потому что я *люблю* чай, — произнесла она, и ее лицо помрачнело. — Но только «Эрл Грей», и ничего больше.

Я напрягся. Она часто говорила это, когда мы были детьми. И ужасно злилась, если кто-нибудь поблизости пытался выпить что-нибудь, кроме «Эрл Грея», не говоря уже о том, чтобы предложить это ей. А если бы кто-то посмел выпить «Дарджилинг», у нее совсем сносило крышу.

— Потренируйся на мне, — подсказал я, и ее лицо просияло.

Куколка развернулась на своем сиденье и направила пистолет мне в лицо. Я ухмыльнулся.

— Время пить *чай*, — произнесла она. — *Время* пить чай.

Сказав это пятью разными способами, она спросила:

— Ну?

— Номер один, милая. Просто идеально.

— Да! — победно пропела она, и снова развернулась к окну.

— Время пить чай, — сказала она и попыталась принять угрожающий вид. У нее не особенно получилось. Для этого она была слишком красива. Порочный ангел... совращенный мною, посланником самого дьявола.

Идеальная пара.

Мы промчались мимо знака «Амарилло», и Куколка опустила пистолет. (*Примм. Амарилло — город на юге США, расположенный в северной части штата Техас*) Едва мы въехали в город, я почувствовал, как у меня в венах закипает кровь, и начинают дергаться мышцы. Мой нос наполнился ароматом гашиша, хотя его здесь и не было. Одной только мысли об этом козле хватило, чтобы я ощутил его запах, услышал у себя за спиной его кряхтение. Я взглянул на Куколку. Напевая себе под нос, она теперь расчесывала потрепанные волосы на голове своей старой куклы. Мне стало интересно, что делал с ней этот жирный хрен, пока меня не было. Сквозь года до меня еще доносилось эхо его слов, сказанных той ночью.

«Я хочу их обоих. Я хочу их двоих одновременно».

Дядя Лестер, этот жирный кусок дерьма, любил насиловать детей парами, пол значения не имел. Ну, скоро желание этой скотины исполнится.

Через некоторое время мы добрались до тайного убежища Гусеницы. Гусеница получил имя этого персонажа Страны Чудес из-за особого пристрастия к гашишу, который он курил через свой драгоценный кальян.

Всю прошлую неделю Куколка усердно тренировалась. И это было восхитительное зрелище. С удивительной меткостью она поражала цель, с нескрываемой злостью кромсала свою жертву.

Убийственное совершенство.

Я никогда в жизни не заводился так как, когда наблюдал за ее тренировками. Я не знал, как сдержусь, увидев, как она убивает по-настоящему.

Особенно этого гребаного педофила, и любых других тварей, которых он нанял для своей защиты.

— Кролик, долго ещё? — спросила с пассажирского сиденья Куколка.

Я увидел впереди нужный поворот и выехал на неприметную грунтовую дорогу.

— Уже совсем скоро, — произнёс я и достал из жилета карманные часы.

Пока мы двигались по дороге, я провел пальцем по циферблату. Увидев вдалеке дом, я остановил Мустанг в зарослях деревьев и заглушил двигатель.

Куколка выпрямилась на сиденье, у нее загорелись глаза, и участилось дыхание.

— Кролик, это здесь? — она указала на виднеющуюся впереди терракотовую крышу. — Здесь живёт Гусеница?

— Да, — сквозь стиснутые зубы процедил я.

Я почувствовал, как мною овладевает желание убивать. Я взглянул на Куколку. Она смотрела на дом. Я вновь подумал о том, какую боль причинил ей этот ублюдок. Какую боль он причинил мне. И мне страшно захотелось, чтобы эта тварь умерла... в диких муках.

Я закрыл глаза и мысленно представил себе всё то, что узнал о «дяде Лестере», пока наводил обо всех о них справки в доме Чепела.

— Они все рассеялись по всему Техасу, — сказал Чепел, после того как получил информацию от нанятого им частного детектива.

Как сообщил мне Чепел, он был не обычным сыщиком. А тем, кто работал на него годами. Не совсем... законными методами.

Дядя Лестер сбежал в Амарилло после того как заговорил один из детей, над которыми они издевались. Эти разговоры дошли до людей, с которыми «дяди» и мистер Эрншоу совсем не хотели связываться. Какой-то их коррумпированный друг-полицейский, как мог, замял обвинение. Разделившись, они сбежали, прячась от тех, кто мог узнать правду и начать копать...

Еще ни один из этих скотов не прекратил свою мерзкую «побочную» деятельность. У них было дохрена денег. У них имелось много знакомых с похожими пристрастиями. Они по-прежнему могли делать все, что угодно и с кем угодно.

Пока я не сбежал из Водонапорной башни и не привел в действие свой план по разрушению их идиллических жизней. Я и моя маленькая Куколка. Призраки из их прошлого, о которых они даже не подозревали.

Их наихудшие кошмары, ставшие реальностью.

— Ты готова, милая? — спросил я.

Куколка кивнула, крепко сжав синий пистолет.

Я вышел из машины и достал из багажника трость. Я поправил галстук, распрямил рукава рубашки и надел пиджак. Застегнув пуговицы, я повернулся и увидел, что Куколка внимательно на меня смотрит.

— Такой красивый.

Услышав от нее эти слова, я с трудом подавил рычание. Когда она подошла ко мне, я невольно залюбовался тем, как она была одета.

Само совершенство... пока не заметил у нее на руках шрамы. Шрамы от ран, которые она наносила себе сама в минуты самого глубокого отчаянья. Из-за этих уродов. Из-за уроды, живущего в этом чертовом доме с терракотовой крышей.

— Возьми свой нож, милая, — произнёс я и отошел от багажника.

Куколка вытащила его из-за пояса. Она крепко сжала рукоятку и заглянула мне в глаза.

— Я готова, — заявила она и для убедительности кивнула.

Она была маленькой, но в тот момент казалась настоящей воительницей. Защитницей Страны Чудес.

— Держись рядом со мной, — сказал я, когда мы зашагали в ногу.

Я провел ее сквозь заросли деревьев. Собранный по Гусенице информация показала, что он нанял охрану. Телохранителей, которые защищали бы его ото всех, кому захочется отомстить за учиненное над ними в детстве насилие.

Я был счастлив лишить их жизни. Их *всех*. Мне было все равно, кого убивать. Всегда.

Пока мы шли по высокой траве, Куколка тихо напевала себе под нос. Это была ее любимая песня. И она напевала её так, словно ей вообще не о чем волноваться. Я посмотрел на нее сверху вниз. Она подняла глаза.

А потом она улыбнулась.

Ее ярко-розовые губы резко выделялись на фоне бледной кожи и голубых глаз. У моей Алисы в Стране Чудес вот-вот начнётся настоящее приключение. Когда заросли деревьев кончились, я вытянул руку, преградив ей путь.

В доме было тихо.

Я указал на входную дверь.

— Мы пройдем через неё.

При мысли о скором убийстве, я почувствовал в теле знакомый прилив адреналина.

— Прямо через дверь, — повторила Куколка, согласно кивнув.

Я почти ухмыльнулся от того выражения, которое приняло ее лицо — воплощение полной и нестигаемой решимости. Я сделал глубокий вдох и выпрямился. Глядя на Куколку, я достал из кармана часы, поднёс их к уху и произнёс:

— Тик-так.

У нее загорелись глаза. Она подняла пистолет и погладила выгравированную на стволе надпись.

— Время пить чай.

У меня напрягся член, и во мне с ещё большей силой запульсировало стремление убивать. Меня всегда возбуждали три вещи: кровь, смерть и Куколка.

А ещё лучше... Куколка, *несущая смерть*.

Выбравшись из зарослей травы и деревьев и держа в руках оружие, мы подошли к входной двери. Я оглядел территорию, ожидая появления первого охранника. Когда мы подошли к двери, никто так и не объявился. Я молча повернул ручку. Дверь была заперта. Я почувствовал на себе взгляд Куколки, ждущей указаний для дальнейших действий. Я отступил назад и с силой ударил ногой по замку. Дверь распахнулась. Я быстро выпрямился, и уже собрался было ворваться в дом, как вдруг у меня на пути встала Куколка. Она оглянулась на меня и сказала:

— Сначала дамы.

Черт, эта девушка просто нечто.

Куколка помчалась вперед, сбоку нож, а справа, в вытянутой руке — пистолет. Я неотступно следовал за ней, готовый защитить ее от любого, кто встанет у нас на пути. Мы прошли уже половину коридора, как вдруг я услышал скрип половиц. Из-за угла выбежал охранник, одетый во всё черное. Я поднял трость и, отделив лезвие от пистолета,

приготовился стрелять. Но не успел я и глазом моргнуть, как Куколка вскинула вверх пушку и, стуча каблуками по деревянному полу, бросилась вперед. Когда я увидел, как охранник направил на нее пистолет, мне стало нечем дышать. Но едва он коснулся курка, как Куколка выкрикнула «Время пить чай!» и пустила пулю ему в грудь.

Охранник опустился на пол и рухнул на спину. Из раны у него хлынула кровь, а глаза перестали моргать.

Мёртв.

Один готов.

Куколка остановилась, внимательно оглядев труп. У нее с губ сорвался вздох, и она резко повернула ко мне голову. Её грудь поднималась и опускалась от частого дыхания.

— Я сделала это! — отрывистый смешок. — Кролик! Я убила одного! Я убила одного из плохих людей!

— Конечно, милая.

Ее спина распрямилась от гордости. Затем глаза ее потемнели, зрачки расширились.

— Я хочу больше, — потребовала она и огляделась вокруг. — Я хочу больше крови.

Она сорвалась с места и рванула вперед, я последовал за ней. Куколка поднялась на лестницу. Через секунду на лестницу выскочил другой охранник и, выстрелив первым, побежал вниз по ступенькам. Его пуля посвистела мимо Куколки, отбив штукатурку от красной стены лестничного пролёта. Куколка сделала ответный выстрел, снова крикнув «Время пить чай!» и ранив охранника в ногу. Но я увидел, как он поднял пистолет... целясь ей в голову. Прежде чем он заметил, как я поднимаюсь у нее за спиной, я спустил курок на кроличьей голове. Пуля врезалась ему в лоб, прикончив его на месте.

Тело охранника свалилось с лестницы. Куколка подбежала к его безжизненному трупу и резко развернулась ко мне. Держа в руках оружие, она ударила ими по бедрам, и недовольно выпятила нижнюю губу.

— Кролик! — с укором произнесла она. — Это я хотела его убить!

Я с трудом сдержал улыбку.

— Прошу прощения, милая, — сказал я и остановился перед ней.

Она раздраженно выдохнула.

— Следующий будет твой. Обещаю.

Куколка пнула ногой труп, но, в конце концов, опустила руки и смерила меня гневным взглядом.

— Отлично.

Она подошла ближе. Брызги крови запачкали воротник ее платья. Я никогда в своей гребаной жизни не заводился так, как сейчас. Она ткнула кончиком лезвия мне в грудь.

— И ещё я хочу Гусеницу.

Нет, не так. Вот теперь я возбудился, как никогда в своей жизни. Этот, мать его, повелительный, требовательный тон голоса...

Я поклонился, лезвие сильнее уткнулось мне в грудь.

— Как пожелает дама.

— Хорошо! — пропела она, и ее внезапная суровость исчезла без следа.

— Итак, — сказала она, взметнувшись вверх через две ступеньки. — Кто следующий?

Я знал, что с этой смены у нас остался еще один охранник. И он будет охранять Гусеницу. Последнее препятствие, отделяющее нас от основной цели нашего визита. Мы искали и здесь, и там, но никого не нашли.

Пока не обнаружили служебную лестницу.

— Здесь, — сказал я.

Куколка сразу же протиснулась мимо меня. Я побежал за ней по ступенькам. Не успел я подняться наверх, как в стену лестничного пролёта влетела пуля. У меня замерло сердце, в единственном желании, чтобы она не задела Куколку, но тут я услышал, как Куколка неодобрительно цокнула языком, и увидел, как она вонзила нож в мощную грудь

охранника. Когда он рухнул на стену, медленно сползая вниз и оставляя кровавые разводы на белой штукатурке, Куколка вытащила у него из раны свой клинок.

— Дрянной мальчишка!

Она оставила кровь стекать с украшенного филигранными узорами лезвия и уставилась на дверь. Я присоединился к ней. Я знал, что за запах она почувствовала — я тоже его чувствовал.

Гашиш.

— Гусеница, — тихим шепотом произнесла Куколка.

— Гусеница, — повторил я. — Я подберусь к нему первым.

Куколка уже повернулась, чтобы со мной поспорить, но я поднял руку, остановив ее на полуслове.

— Я свяжу его, чтобы он не мог двигаться.

Я протянул руку и провёл пальцами по крови на лезвии ее ножа, вверх-вниз, вверх-вниз... поглаживая. Её щеки вспыхнули, когда моя ладонь почти коснулась ее ладони. Я поднес палец ко рту и слизал с него кровь, затем провёл зубами по нижней губе и закрыл глаза. Когда я снова их открыл, Куколка смотрела на меня с неприкрытым голодом в глазах. Я наклонился и, приблизившись губами к самому ее уху, произнёс:

— И тогда он весь твой.

Куколка застонала, от чего мой и без того твердый член дернулся. Я толкнул плечом дверь. Она поддалась, и я без промедления ворвался в комнату. Я пошел на запах табака, который привел меня к большому столу. Откуда-то из-за него раздался пистолетный выстрел, но прицел был слабым, и ему не хватало меткости. Я посмотрел вниз... и там был он.

Меня охватила ярость.

Гусеница сидел в углу, дрожа всем своим жирным телом, рядом с ним стоял его кальян. Его голова была опущена, глаза закрыты... пока они, наконец, не открылись и не уставились прямо на меня. Я дал ему хорошенько меня рассмотреть. Я дал ему время понять, кто перед ним стоит.

Я ждал — *тик-так* — ждал — *тик-так* — ждал — *тик...* пока...

— Хитэн...

Он в изумлении потряс головой, и у него задрожал двойной подбородок. Губы приоткрылись, обнажив его прокуренные желтые зубы.

— Это невозможно... тебя упекли за решетку.

Я наклонился и отшвырнул ногой пистолет, который он выронил после своего убогого выстрела.

— В этом и заключается вся прелесть тюрьмы, полной убийц-психопатов, — я обнажил свою трость, и у горла Гусеницы зависло зубчатое лезвие. — Мы можем подстроить побег и убить тех, кто по глупости держал нас всех в плену.

Он побледнел.

— О-он...он узнает, что ты сбежал. Он узнает.

Я наклонил голову, не отрывая взгляда от его насмерть перепуганных глаз.

— Я на это и рассчитываю.

— Кролик? — донёсся из дверного проема голос Куколки. — Ты его уже связал?

Лицо Гусеницы еще больше побледнело.

— Мне скучно. Я хочу повеселиться!

— Уже иду, дорогая, — я улыбнулся, поймав на себе застывший взгляд Гусеницы.

— Со мной приехала моя Куколка. Ты ведь помнишь ее, не так ли?

Мое лицо стало жёстким.

— Вставай, мать твою.

Гусеница замотал головой. Я надавил кончиком клинка ему на плечо. Он вскрикнул. Я улыбнулся.

— Я не прошу. Я *настаиваю*.

Гусеница вскрикнул от боли, но поспешно встал на ноги. Тыча ножом ему в плечо, я, словно на поводке, вывел его из-за стола и ударом ноги подкатил к нему офисное кресло. Я надавил на клинок сильнее, и он сел. Я достал из кармана клейкую ленту и стал привязывать его к креслу.

Закончив, я увидел в дверях проблеск синего цвета.

— Кролик... Я же сказала, мне *скучно!*

Гусеница повернул голову к двери.

— Эллис, — пробормотал он, и голубые глаза Куколки метнулись к нему.

Как только он произнес это имя, она гневно поджала губы. Она вскинула вверх свой окровавленный нож и с разъяренным видом ринулась к нему. Куколка скользнула по его щеке плоской стороной лезвия. У него на лице осталась кровь — не его, кровь охранника.

— Не смей произносить ее имя! — прошипела она.

Гусеница снова обернулся к ней, его брови двинулись к переносице.

— *Ее* имя...? — он посмотрел на меня.

Как будто я, бл*дь, ему сейчас помогу. Все прояснить.

Нихрена.

— Да. *Ее* имя.

Куколка прищурилась и встала прямо перед ним. Она провела по его потной щеке дулом своего пистолета.

— Ты притронулся к ней, хотя не должен был этого делать, — она покачала головой, щелкнув языком. — Против ее воли.

Гусеница нервно сглотнул, и Куколка отступила назад. Она рассматривала его, обмотанного вокруг живота клейкой лентой и привязанного к креслу. Она качнула головой из стороны в сторону.

— Милая? — спросил я.

Куколка порывисто выдохнула и, понутив плечи, повернулась ко мне.

— Что случилось? — я расстегнул пиджак и скинул его с плеч.

Я закатал рукава и, взглянув на свои карманные часы, проверил, который час. До следующей смены охраны у нас было еще полно времени.

— Уже пора уходить?

Я покачал головой.

— Нет. У нас много времени.

Ее плечи снова упали.

— Они разбиты, — сказал Гусеница.

Мы с Куколкой повернулись к нему.

— Часы. Они сломаны. Они были сломаны тогда и сломаны сейчас. Ты грёбанный псих! И всегда им был, — он покачал головой. — И почему она разговаривает с английским акцентом? Она из Далласа!

Я взглянул на часы и увидел бегущие по кругу стрелки. Куколка тоже. Она пожала плечами и постучала себе по голове стволом пистолета.

— Он чокнутый! Они отлично работают.

Не обратив никакого внимания на его болтовню, я снова спросил:

— Что случилось?

Куколка ковырнула деревянный пол носком ботильона и вздохнула.

— Я думала, что когда приеду сюда, буду знать, что делать, — она подняла глаза и заглянула мне в лицо. — Но вот я здесь, и у меня богатый выбор. В моём распоряжении куча способов, как его убить, но я никак не могу остановиться на каком-то одном!

Она принялась мерить шагами комнату.

— Мне ударить его ножом? Застрелить? И то, и другое? — она в отчаянии подняла руки с зажатым в них оружием. — Мне делать это быстро или медленно?

Она остановилась, и ее лицо стало восхитительно печальным.

— Я так долго тренировалась, как мне лучше сказать «Время пить чай», что совсем об этом не подумала, — она выпятила нижнюю губу. — А надо было. Я не хочу всё испортить.

— Ты и не сможешь, — сказал я.

Услышав звук скрипнувшего по полу стула, Куколка развернулась. Он только немного пошевелился. Но когда я уже было собрался дать ей совет, она вдруг вскинула голову и взволнованно вздохнула. Она побежала в другой конец комнаты и остановилась перед старым граммофоном.

— Какой красивый! — с благоговением объявила она.

Положив пистолет на стол, она передвинула иглу, и граммофон с шумом и потрескиванием ожил. Как только заиграли первые такты, Куколка взвизгнула.

— «Мой мальчик леденец»! — воскликнула она и начала подпевать.

Она схватила голову своей куклы, которая была привязана за волосы к ее поясу и, держа в другой руке нож, закружила по комнате.

Я ухмыльнулся, глядя, как она танцует со своей куклой Алисой, подпевая каждое слово. Когда песня закончилась, Куколка вернулась к граммофону и включила ее заново.

— Ты просто сумасшедшая! — проговорил Гусеница, когда она протанцевала мимо него.

Куколка застыла на месте и резко развернулась к нему. Я затаил дыхание в ожидании ее реакции и уже приготовился смотреть, как она обрушит на него свой прекрасный гнев. Вместо этого она посмотрела прямо ему в лицо и сказала:

— А ты не знал? Все самые лучшие люди сумасшедшие!

Он потряс головой, но его слов было достаточно, чтобы Куколка перестала танцевать и сосредоточилась на своей главной задаче. Она рассматривала его связанную фигуру, словно он — головоломка, которую она пыталась решить. Я услышал, как она бормочет себе под нос:

— Я могла бы всадить нож ему в сердце. Или по очереди проткнуть ему ноги, а затем руки и грудь. Или лучше рассечь ему череп... Нет, там слишком много костей...

Я подошел к граммофону и расположил иглу так, чтобы песня повторялась снова и снова. Повернувшись, я заметил, что Гусеница высвободил одну руку из удерживающей его клейкой ленты. Не успел я среагировать, как он быстрым движением поднял руку и ударил Куколку по лицу. В считанные секунды я обнажил свою трость, готовый в любой момент вонзить лезвие ему в затылок, но вдруг Куколка резко развернулась. От пощёчины помада размазалась у нее по всей щеке. Я остановился, увидев у нее во взгляде нечто новое. Чистую ярость.

Тьму.

Жестокость.

Жажду убийства.

Куколка прикоснулась к щеке. Встретившись с ней взглядом, я схватил Гусеницу за руку и снова его связал. Она посмотрела в сторону... и увидела там свое лицо. Куколка подошла к висящему на стене зеркалу и всмотрелась в свое отражение.

Она повернулась ко мне и бросила:

— Он смазал мою помаду!

Казалось, внутри Куколки всё закипело, кожа у нее покраснелась, и ее буквально затрясло от гнева. Крепче сжав клинок, она бросилась на Гусеницу и всадила нож ему в плечо. С громкими криками она раз за разом вонзала лезвие всё в новые места — в плечи, в бедра... в живот. Запыхавшись, она отпрянула назад, ее глаза горели от удовольствия. Именно тогда я понял, что внутри моей Куколки сокрыты не только свет и невинность. В ней обитала и тьма. Глубоко в тени, ожидая своего часа, притаилась неведомая злая сила. Моя Куколка, безжалостная и жестокая. Жаждущая крови и убийств. Я сделал глубокий вдох. Она была моей ожившей куклой. Под маской её ангельского личика скрывалось живущее внутри нее зло.

Идеальная пара для моей испорченной души.

Гусеница начал захлёбываться кровью. Не сводя с него глаз, Куколка смотрела на то, как он пытается бороться с неминуемой смертью. Он плевался, кашлял, потом прошипел:

— Вы больные, — кашель, невнятное бормотание, отхаркивание, — Вы просто пара больных ублюдков.

Куколка замерла, потом посмотрела на меня.

— Больные ублюдки... Мы просто пара больных ублюдков! — проговорила она и, пока Гусеница корчился в предсмертных конвульсиях, принялась кружиться вокруг него в танце. — Больные ублюдки, больные ублюдки, мы — больные ублюдки!

Я встал позади него, и Куколка сделала круг и вокруг меня. Наблюдая за тем, как самое прекрасное создание, когда-либо украшавшее эту землю, так беззаботно улыбается, танцует и смеётся, я ухмыльнулся и, наклонившись, прошептал на ухо этой мерзкой твари:

— Ты как-то сказал, что заплатишь любую цену, лишь бы заполучить нас обоих.

Я всадил свой клинок ему в позвоночник, лишив его возможности ходить. Не то, чтобы у него был шанс выжить, чтобы снова ходить.

— Вот ты и получил нас обоих...

Глядя на то, как Куколка подпевает песне и, вертя в окровавленных руках голову своей куклы, пачкает жидкие желтые пряди того, что осталось от ее волос, я втянул воздух сквозь стиснутые зубы.

— Надеюсь, твои ожидания оправдались.

Он испустил последний вздох. Его голова упала вперед, и я понял, что он мёртв. Я почувствовал лишь удовлетворение.

Я выпрямился. Куколка перестала танцевать. Ее глаза вспыхнули.

— Его больше нет? Я его победила? — затаив дыхание, спросила она.

— Конечно, милая, — я обошел кресло и приблизился к ней.

У нее на щеке по-прежнему виднелся смазанный след губной помады, оставшийся от пощечины Гусеницы. Я прищурил глаза.

— Он сделал тебе больно.

Куколка поднесла руку к щеке. Ее лицо потемнело от гнева.

— Нет. Но он смазал мой любимый оттенок.

Она вытащила из кармана помаду и подошла к зеркалу. Куколка стёрла размазанную помаду и снова накрасила ею губы.

— Кролик? А кто такие больные ублюдки?

Я увидел у нее на лице замешательство.

— Люди, которые убивают плохих людей, — произнёс я, поднимая пиджак. — Люди вроде нас с тобой.

— Больные ублюдки, — повторила она.

Она взглянула на свою помаду, затем снова подняла голову, и я заметил азартный блеск в ее глазах. Она выкрутила помаду, подбежала к стене и начала писать. Затаив дыхание, я уставился на то, как ее неумелая рука пытается написать... пытается вывести по буквам. Розовая помада резко выделялась на белой стене. Когда она закончила, я выдохнул, и по моим губам скользнула улыбка.

— Вот! — она отскочила назад, чтобы полюбоваться своей работой. — Больные ублюдки!

Она гордо посмотрела на стену, но когда повернулась ко мне, я увидел на ее лице тревогу, даже страх.

— Так правильно, Кролик? Я правильно написала? — она взволнованно закусила нижнюю губу.

Я взглянул поверх ее головы и прочёл неаккуратную надпись. Вообще никакого образования, кроме того, чему я ее научил. Педагогическая запущенность, полное

пренебрежение ее абсолютным правом на обучение со стороны ее ублюдочного отца и шайки его друзей.

Но она все равно была самой яркой звездой на моем небосводе.

Я прочитал то, что она написала. Со стены ярким маяком сияло слово с ошибкой ...

«БОЛЬНЫЕ УБЛЮТКИ»

— Ну как, Кролик? Всё правильно? — спросила она слабым и взволнованным голосом.

Я подошел к ней. Она стояла, склонив голову и настороженно глядя на меня.

— Ты отлично справилась, милая. «Больные ублюдки». Это про нас написано твоей помадой. Твоим любимым оттенком, как всегда.

Куколка взглянула на свою помаду, теперь уже совершенно испорченную, и всхлипнула. Я сжимал и разжимал кулак, пока не нашел в себе силы и не коснулся пальцем ее подбородка. От этого прикосновения Куколка затаила дыхание и подняла на меня огромные голубые глаза.

— Мы купим тебе другую. Мы купим тебе всю чёртову косметику, какую ты только пожелаешь.

— Сейчас? — спросила она и, кажется, забыла, что я к ней прикасаюсь.

— Сейчас.

Куколка бросилась через всю комнату за пистолетом. Я направился к выходу. Но тут она остановилась и повернулась к труп Гусеницы. Куколка положила оружие на пол и побежала к его креслу. Ухватившись за спинку, она откатила Гусеницу к стене с надписью «Больные ублюдки» и посадила его прямо под ней. Затем она отступила назад, чтобы полюбоваться своей работой.

— Теперь все плохие люди будут знать, кто его убил, — она улыбнулась, и я увидел сверкнувшую сквозь красоту злобу. — И будут знать, кто придет и за ними. Больные ублюдки Страны Чудес.

Куколка подхватила оружие и выбежала за дверь, держа в руках пистолет, нож и голову своей куклы. Я бросил взгляд на комнату, на то, что сотворила в ней моя девочка, и почувствовал, как черная дыра у меня в груди начала затягиваться.

Заполняться черной, как ночь смолой, которая могла появиться только благодаря Куколке. Заполняться убедительным подтверждением того, что в детстве мы встретились не просто так.

Что она была создана исключительно для меня.

Такая же порочная, как и я сам, и вся в моей власти.

Моя Куколка.

Моя милая.

Моя вторая половинка в паре больных ублюдков.

Я достал из кармана колоду карт и развернул их веером. Отыскав нужную мне карту, я подошел к телу Гусеницы и, загипнотизированный застывшим у него на лице выражением смерти, поднял ее вверх. Я сравнил сходство моего рисунка с лицом этого мудака, с тем самым, что врезалось мне в сознание, словно острый нож. Они были совершенно похожи, но ничто не могло сравниться с истинным лицом этого хрена: мужчины с ненасытной тягой лапать и трахать детей.

Я прочистил горло и сплюнул на окровавленную щеку Гусеницы, глядя, как моя слюна сливается с только что пролитой кровью. Щелкнув пальцами, я бросил карту, и она упала ему на грудь.

Я улыбнулся, исполненный торжества от свершённого нами убийства.

Тройка червей была мертва.

***

— Это просто клад, — прошептала Куколка, оглядывая магазин.

Мой багажник был буквально битком набит наличными — щедрый подарок, обнаруженный в сейфе у Гусеницы.

Теперь всё это принадлежало нам, мизерная компенсация за те годы ада, которые выпали на долю Куколки. Эти наличные присоединились к деньгам, найденным в тайнике надзирателя и под матрасом миссис Дженкинс. У меня было столько денег, что я не знал, что с ними делать.

Мне показалось, что самым подходящим способом их просрать, будет потратить их на то, что больше всего любит Куколка.

Я оперся на трость и оглядел магазин, который настолько очаровал мою маленькую Куколку. От самого начала до конца в нем тянулись стойки с косметикой. Я взглянул на свою девочку и почувствовал, как мое холодное мертвое сердце наливается чем-то вроде тепла.

— Я никогда в жизни не видела ничего настолько прекрасного, — с благоговением проговорила она.

Куколка посмотрела на меня, похлопав своими длинными ресницами. В мотеле мы привели себя в порядок, а потом поехали прямо сюда.

— Могу я вам чем-нибудь помочь? — раздался откуда-то спереди женский голос.

Я сразу же двинулся к Куколке, чтобы защитить ее и убедиться, что никто до нас не доёбывается. Я пристально посмотрел на стоящую перед нами высокую стройную брюнетку, одетую во всё черное. Куколка ахнула и, не сводя глаз с лица женщины, подошла к ней поближе.

— Ваше лицо, — хрипло проговорила она с сильным аристократическим английским акцентом. — Я хочу так выглядеть. Как мне выглядеть так же, как Вы?

Брови женщины поползли к переносице, а затем ее взгляд скользнул сначала по Куколке, потом по мне. У нее округлились глаза.

— О, Господи! Вы косплееры? — произнесла она и, сделав шаг назад, внимательно оглядела Куколку. — Алиса в Стране Чудес, верно? Стимпанк? (*Прим. Косплэй — сокр. от англ. costume play — «костюмированная игра», процесс воплощения или одевания в различных книжных, кинематографических, игровых персонажей, либо исторических деятелей или социальных классов*)

Я понятия не имел, что за хрень она несёт, но встал еще ближе к Куколке, готовый в любой момент оттащить ее назад. Но при упоминании ее любимой книги, у Куколки загорелись глаза.

— Да, Алиса! Мы в Стране Чудес. У нас приключения.

Женщина рассмеялась, но не успела она вымолвить и слова, как Куколка достала из кармана тюбик испорченной помады.

— Мне нужна ещё такая. Эта вся кончилась.

Женщина взяла помаду и внимательно ее рассмотрела.

— Винтажная Шанель? — произнесла она и покачала головой. — Вам следует это сохранить. Один только тюбик будет стоить кучу денег. К счастью для Вас, такой оттенок по-прежнему существует, только у него новая формула и дизайн.

Она взмахнула рукой.

— Пойдёмте. Если Вы изображаете Алису, нам нужно сделать так, чтобы Вы выглядели соответствующе.

Куколка оглянулась на меня. Я кивнул, разрешая ей уйти. Женщина повела Куколку по магазину, наполняя корзину какой-то хернёй, о которой я понятия не имел. Но когда я увидел, как с каждой новой вещью Куколкина улыбка делается все шире и шире, мне стало все равно. Я ждал этого одиннадцать лет. Ее лицо. Ее тело. Расправа моей девочки была так чертовски прекрасна, словно у меня на глазах ожила одна из поэм Чепела. Симфония, мать ее, в движении — здесь взмах, там удар и целые потоки хлещущей на пол восхитительно теплой крови.

У смерти был запах.

Мне всегда казалось, что она пахнет розами, как Куколка.

И я не ошибся.

Когда мы шли по магазину, люди на нас пялились; пялились, пока не встречались взглядом со мной. Должно быть, они чувствовали, как сильно мне хотелось увидеть их бездыханные тела, потому что они быстро отворачивались, и большинство из них убегало из магазина, словно они кожей ощущали, что я хищник, отслеживающий свою жертву.

Я заплатил за косметику, Куколка прыгала позади меня от волнения.

— Видишь это, Алиса? — сказала она своей кукле, подняв ее к кассе. — Все эти красивые вещи для нас. Мы с тобой станем двумя самыми прекрасными девушками в Стране Чудес.

Когда она взяла у кассира сумку и повернулась ко мне, я почувствовал, как дёрнулся край моего рта.

— Давай вернёмся в номер? Мне очень хочется все это попробовать.

— Конечно, милая.

Перед нашим уходом кассир спросила:

— А где проходит косплей-фестиваль?

Я посмотрел на женщину безучастно. Куколка сделала то же самое. Кассир указала на сумку.

— Куда Вы накроетесь всей этой косметикой?

Куколка улыбнулась.

— На убийство...

Она со смущением взглянула на меня.

— Кто следующий, Кролик? Я не помню.

Она поморгала. Эти огромные голубые глаза и розовые губы. Я снова представил себе ее забрызганные алой кровью щеки и шею. От вызванных этими образами мыслей мне с трудом удалось сдержать громкий рык.

— Чеширский Кот.

У Куколки заблестели глаза, и она повернулась к кассиру.

— Значит, на убийство Чеширского Кота, — произнесла она и подняла сумку. — И теперь я буду выглядеть на все сто!

Куколка отвернулась, и я увидел, как кассир отчаянно пытается понять смысл того, что сказала Куколка.

«*Не-убийцы*», — подумал я. Какая же скукотища эта их обыденная жалкая жизнь.

— Кролик! — крикнула из дверей Куколка.

Я повернулся и увидел, что она стоит, скрестив на груди руки, и нетерпеливо постукивает ногой.

— Мы опоздаем! — на ее поджатых губах блеснула нахальная улыбка, а на щеках проступили ямочки. — Тик-так.

Не в силах сдержать смех, я направился к ней, качая головой от того, что она украла мои реплики.

— Глупый Кролик, — прошептала она, когда я подошел к ней.

Я постучал ей по ноге набалдашником своей трости — самое мягкое наказание.

Потом мы вернулись в отель, чтобы моя девочка могла накрасться как кукла.

***

Я наблюдал с кровати за тем, как она сидит в другом конце комнаты, за старым обшарпанным туалетным столиком и накладывает на себя всю купленную косметику. Заточивая лезвие своей трости, я неотрывно следил за ее отражением в зеркале. Как она красила свои веки синим, а ресницы — черным. Как благодаря какой-то жидкости, которую она нанесла на лицо, ее бледная кожа приобрела фарфоровый оттенок. Щеки стали румяными, а губы, конечно же, ярко-розовыми.

Она мурлыкала и подпевала песням, доносящимся из ее проигрывателя. Пританцовывая на стуле, она покачивала плечами, и при каждом движении у нее подпрыгивали длинные светлые завитки волос. И все это время, что я за ней наблюдал, я всё больше заводился. Когда она у меня на глазах превратилась в ожившую куклу, мой член стал таким твёрдым, что я до боли стиснул зубы.

Я всегда представлял ее такой. Рядом со мной. Одетую и покрашенную, совсем как кукла. Разделяющую мои пристрастия. Убивающую. Останавливающую сердца. И ей плевать на всех, кроме нас двоих.

Пока Куколка прикрепляла что-то к ресницам, я сунул свое лезвие обратно в шaft трости. Я поднялся, и она повернулась ко мне.

Я застыл. Как вкопанный. Сверху её глаза обрамляли густые, длинные ресницы, а нижние были стилизованы под «склеенные», от чего она стала выглядеть в точности как кукла. И только тот факт, что она дышала и моргала, напоминал мне о том, что она живая.

— Милая..., — я замолчал, не в силах вздохнуть.

Она пригладила ладонями платье, затем подняла руки и сделала реверанс. Она посмотрела на меня из-под своих накладных ресниц.

— Ну? Теперь я больше похожа на твою маленькую куколку, Кролик?

Я кивнул, не моргая. И, черт возьми, не дыша. Мне вдруг стало слишком жарко в этой рубашке, жилете и галстуке.

— Да, — прохрипел я, так сильно прикусив зубами губу, что в рот потекла кровь.

От этого я только больше завёлся.

Улыбка на лице Куколки сменилась серьезным выражением, во взгляде блеснул голод.

— Я сделала это для тебя, Кролик, — прошептала она и подошла ко мне поближе.

С каждым ее шагом сердце бешено колотилось у меня в груди.

Чем ближе она походила, тем сильнее я ощущал аромат роз. Она купила духи, которыми всегда пользовалась в детстве, те самые, что вначале принадлежали ее матери. Куколка остановилась прямо передо мной. Она протянула руку, и у меня напряглись все мышцы. От мысли, что она может ко мне прикоснуться, я резко втянул носом воздух. Я почувствовал привычную боль, которая возникала всякий раз, когда кто-то пытался ко мне притронуться. Боль под кожей, осквернённой крайне агрессивным воздействием мужчин, которые вообще не должны были к ней прикасаться. Мужчин, которые проникли в меня, отравив своей грязью.

Но затем она взяла в руку мой галстук и, вытащив его из жилета, пропустила сквозь пальцы. Она подняла на меня глаза, и я затаил дыхание, взглянув на ее прекрасное лицо. На ее макияж. На ожившую, стоящую передо мной Алису в Стране Чудес.

— Мне хочется быть красивой для тебя, Кролик. Но только для тебя, — она трижды моргнула ресницами. — Я хорошо выгляжу, Кролик? По-твоему, я красивая?

— Да, — надтреснутым голосом произнес я.

Куколка принялась наматывать мой галстук себе на руку с такой лёгкостью, с какой скручивала в узел и меня самого. Всегда.

— Я твоя прекрасная защитница? Твоя покрашенная защитница Страны Чудес? — Куколка наклонилась, заглянув мне за спину, словно могла видеть сквозь надетую на меня одежду. — Как то изображение у тебя на спине?

— Лучше.

Я с трудом поднял нетвёрдую руку и пропустил сквозь пальцы прядь ее длинных волос. Они были такими мягкими. Куколка порывисто вздохнула.

— Эта Куколка..., — она опустила глаза, и я ещё больше возбуждился, когда увидел, что она заметила мое желание.

Каждой частичкой моего тела мне безумно хотелось прижаться к ней, овладеть ею, поглотить ее целиком и погрузить в свою плоть. Она застонала. У меня мороз пробежал по коже. Я отшатнулся назад, на лице выступил ледяной пот.

— Кролик, — прошептала Куколка.

У неё задрожала нижняя губа. Покраснев, она обхватила ладонями свои груди.

— Я не могу избавиться от всех этих ощущений..., — произнесла она и, покачив головой, направилась к кровати... ко мне.

Наблюдая за ней, я почувствовал, как она превращается в мою добычу. Во мне пробудилась тьма. Я уставился на бешено колотящийся пульс у нее на шее. Мне стало интересно, что будет, если я разрежу кончиком своего наперстка одну из ее вен и пущу ей кровь. Не на главной артерии, а там, где я мог бы наблюдать за тем, как яркий красный цвет превращает ее бледную кожу в шедевр художника-садиста. Я представил, как жадно глотаю эту кровь. Затем, она вспарывает вену на моей шее и точно так же пьет из нее.

Соединяясь не только физически. Во всех отношениях.

Этот образ пронёсся у меня в голове, ноги ударились о кровать, и я прижал руку к своему члену. Моя голова коснулась подушки, и я закатил глаза.

— Кролик, — позвала она.

Я услышал в ее голосе отчаяние. Услышал, как замирает ее дыхание. Открыв глаза, я увидел, что она сидит напротив, на другом краю постели. Спинай она упиралась в перекладину у изножья кровати. Ее ноги были раздвинуты, рука под платьем.

— Куколка, — произнёс я и провел ладонью по напрягшемуся у меня в штанах члену.

— Я хочу прикоснуться к тебе, Кролик, — сказала она, царапнув по одеялу каблуком ботильона. — Мне хочется почувствовать, как ты делаешь это со мной своей рукой. Я хочу, чтобы ты пробудил во мне ту дрожь, которая сотрясает меня, когда я всего лишь представляю себе твое лицо. Я хочу почувствовать тебя.

С ее губ сорвался всхлип.

— Куколка хочет своего Кролика.

— Милая Куколка, — прорычал я и, поднявшись на кровати, уперся спиной в изголовье.

Мы сидели лицом к лицу, всего в нескольких шагах друг от друга. И тогда ее рука дёрнулась к верху платья. Не сводя с меня глаз, она начала распускать тесьму, стягивающую корсет платья, сантиметр за сантиметром обнажая свою белоснежную кожу...

Пока материал не разошелся у нее на талии, и лиф платья не распахнулся, обнажив ее груди. Белые груди, которые идеально поместились бы у меня в ладонях. Твердые розовые соски, почти такие же розовые, как помада у нее на губах, так и просились в рот.

— *С этим ничто не сравнится, Дэппер Дэн, — сказал мне Чепел однажды ночью, когда я спросил его о женщинах. — Их вкус, их ощущение, их груди в твоих ладонях...*

Он кивнул головой.

— *У тебя непременно это будет с твоей маленькой Куколкой. Однажды, когда плотина, которая удерживает в тебе воспоминания о прикосновениях твоих обидчиков, прорвётся, вы оба испытаете это друг с другом... и это будет нечто потрясающее. Синергия, Дэппер Дэн. Полная Синергия.*

Но эта плотина не прорвалась... пока.

Поэтому я наблюдал издали. Я смотрел, как Куколка свела ноги вместе и сняла трусики. По ее ногам скользнули белые, отделанные оборками трусики, которые я ей купил. Я зарычал, когда она снова широко раздвинула свои стройные, бледные ноги, согнув их в коленях и вонзив каблуки в лежащее между нами белое одеяло. Затем ее пальцы двинулись к подолу ее платья. Мой взгляд метался между скользким вверх по бедрам синим атласом и ее глазами, которые по-прежнему неотрывно глядели на меня. Ее губы поджались, зрачки расширились.

— Кролик, — прошептала она, задрав платье до пояса.

Я сглотнул, все еще глядя ей в лицо, пока у меня не осталось другого выбора, кроме как посмотреть вниз. При виде ее обнаженной киски, у меня из груди вырвался хриплый рык. Светлые волосы манили меня к себе, как магнит.

— Куколка, — прохрипел я.

Она опустила руку и провела по себе кончиками пальцев. Закатив глаза, она двигала пальцами туда-сюда. Медленно. Мучительно медленно.

Я не выдержал. Я больше не мог этого выносить, больше не мог удерживать свой член в штанах. Рывком расстегнув пуговицу, затем молнию, я полез в брюки и достал свой член. Обхватив рукой массивную эрекцию, я провел по ней вверх-вниз. Увидев, что пальцы Куколки замерли, я зашипел. Она за мной наблюдала. Не сводя с меня глаз, она смотрела, как я поднялся на колени. Я выпустил из руки член, но только чтобы снять жилет и рубашку. С голой грудью и расстегнутыми брюками, я приблизился к ней. Я стоял всего в шаге от нее. Стоял достаточно близко, чтобы увидеть, каким стеклянным стал ее взгляд, когда она вошла в себя пальцами. Достаточно близко, чтобы услышать, как она тихонько заплакала и прошептала:

— Шире, сука.

Когда я услышал, как с ее губ сорвался этот плач, этот отголосок прошлого Эллис, всё мое тело в один миг превратилось в кусок чертова гранита.

— Ты п**дец, какая тесная, маленькая сучка.

Она возвращалась из нашей Страны Чудес в поместье Эрншоу. В те годы, когда она осталась без меня. Без моей защиты.

Меня накрыло волной ярости, когда я увидел, как моя Куколка распадается на части, такая истерзанная тем, что сделали с ней эти твари. Что они сделали, пока я был заперт в их тюрьме. Ее глаза наполнились слезами, губы дрожали.

— Тебе ведь нравится, а, маленькая шлюшка? Тебе нравится, как я тебе вставляю? Ты, бл*дь, это обожаешь.

Когда по ее только что накрашенной щеке пробежала слеза, я запрокинул назад голову и закричал. Склонившись к ней, я заглянул ей в лицо и увидел, что взгляд ее больших голубых глаз стал потерянным... одиноким. Она была совсем одна. Потеряна в безнадежной изоляции своего прошлого.

Ее пальцы продолжали двигаться. Дрожащей рукой я скользнул ладонью по моему все еще твердому члену и выдохнул:

— Возьми его, мальчик...

Я сглотнул и, ритмично водя рукой по члену, исторг из себя слова, которые слышал каждый раз, когда закрывал глаза, когда пытался уснуть... каждый раз, когда делал грёбаный вдох:

— Возьми его, мальчик. Ты просто создан для этого. Ты мой. Эта задница моя.

Куколка плакала, слезы потоком текли у нее по щекам, скатываясь вниз по ее обнаженной упругой груди.

— Только взгляните на эту нежную, прелестную кожу, — произнесла она.

— Только взгляните на этот симпатичный зад, — вымолвил я в ответ.

— Ты чертовски тесная, маленькая шлюшка.

— Ты чертовски тесный, мой мальчик.

— Ты так плотно меня сжимаешь.

— Тебе это нравится. Возьми его.

— Быстрее, девочка.

— Быстрее, мальчик.

Дыхание участилось. Руки двигались всё быстрее. У нас обоих из глаз текли слёзы.

— Я сейчас кончу, девочка.

— Я сейчас кончу, мальчик.

Куколка замерла, она приподнялась над одеялом и, выгнув спину, уронила голову на спинку кровати. Ее пальцы все быстрее массировали киску, пока она, наконец, не

дёрнулась всем телом. От одного только взгляда на это я напрягся, а затем разрядился. Я рухнул вперед, моя рука упала на спинку кровати рядом с головой Куколки. Не в силах сдержать стон, я кончал и кончал; моя сперма выплеснулась на Куколкину киску и стекла на кровать.

Неотрывно глядя вниз на Куколку, я дрожащей рукой держался за изголовье кровати, у меня на лбу выступил пот. Она не сводила с меня своих огромных голубых глаз, весь ее макияж размазался от слез.

— Милая..., — проговорил я голосом грубым от напряжения.

От моих гребанных слез.

— Ты тоже? — спросила она, и в это мгновение со мной говорила не Куколка.

Это была Эллис. Со мной говорила моя девушка, моя лучшая подруга; после того, через что мы с ней прошли, моя потребность в ней сохранилась.

— Я тоже, — ответил я, видя в ее глазах боль и облегчение.

Боль от того, что я пережил от рук этих скотов. И облегчение. Облегчение от того, что она была не единственной. Был еще кто-то, кто разделил с ней ее боль.

Так же, как и она поделила со мной мою.

И, тем не менее, это осталось моей самой сокрушительной неудачей. Я оставил ее одну. Я позволил этим козлам — Королю Червей и его людям — ей навредить.

Переводя дух, мы неотрывно смотрели друг на друга. Затем, чтобы почувствовать хоть что-то, кроме засевшего в памяти прикосновения того, кто ранил меня больше всех, я протянул свободную руку и поднес ее к Куколкиной щеке. Куколка нервно сглотнула, а потом, после ее легкого кивка, я сделал над собой усилие и притронулся к коже ее щеки. Я стиснул зубы, она затаила дыхание.

У нее была такая нежная кожа.

— Милая..., — прошептал я и вдруг почувствовал у себя на пальце воду.

Я заглянул ей в глаза и увидел скатившуюся слезу. Но ее губы изогнулись в улыбке.

Ей понравилось.

Мне тоже.

Я поднял руку, слеза по-прежнему была у меня на пальце. Под пристальным взглядом Куколки я слизнул слезу с пальца. У слезы был ее вкус. Я проглотил её. Через несколько секунд Куколкино лицо озарила широкая улыбка. Она покачала головой.

— Глупый Кролик.

В то же мгновение весь тот лёд, что еще оставался в моих венах, растаял.

Сгорая от любопытства, какие чувства это во мне вызовет, я снова провёл по ее щеке тем же самым пальцем.

— Иди в ванную и готовься ко сну, — приказал я.

От моего прикосновения Куколка закрыла глаза.

— Хорошо, Кролик, — она слезла с кровати и пошла в ванную.

Пока она была в ванной, я лежал на кровати и смотрел в потолок. Я думал о следующем убийстве. Думал о следующем «дяде», которого мы уничтожим. О том самом, кто всецело держал меня под своим каблуком. О том, кто приходил за мной и входил в меня каждую ночь. Тот, кто осмелился назвать меня своим «мальчиком». О том, кто всегда улыбался. Улыбался мне так, словно я всю жизнь только и мечтал о том, чтобы он засунул в меня свой член.

Дядя Клайв. Чеширский Кот. Четверка червей.

Дверь ванной открылась, и оттуда вышла Куколка, умытая и одетая в белую ночную рубашку. Так она выглядела совсем юной. В любом случае она была прекрасна.

Куколка подошла к своей стороне кровати, и я, как и каждый вечер, откинул для нее одеяло. Она забралась внутрь, и я хорошенько ее укрыл, чтобы согреть. Когда я уже собрался откинуться на спину, как делал каждый вечер, Куколка спросила:

— Как думаешь... если такое вообще возможно... ты мог бы обнимать меня, пока я сплю?

Мои глаза распахнулись в тусклом свете стоящей рядом с кроватью лампы. Не шевелясь и не поворачиваясь, Куколка добавила:

— Как ты обнимал меня однажды, когда я спала, — она помолчала. — Кажется, я никогда не спала так хорошо, как тогда... Мне... мне понравилось, Кролик.

Я провёл рукой по волосам, затем перекатился на бок и скользнул ладонью под ее лежащими поверх одеяла руками. Я порывисто вздохнул, почувствовав вызванный этим действием дискомфорт, но и возникшее вместе с этим хорошо знакомое ощущение.

Никто кроме Куколки не пробуждал во мне подобного ощущения.

Куколка вздохнула.

— Кролик, помнишь фильм, который мы с тобой смотрели в детстве?

Я замер.

— «*Пиф-паф ой-ой-ой*»?

Мне пришлось напрячь память, чтобы вспомнить, о чем она говорит. Раньше она настаивала, чтобы я каждый вечер смотрел с ней кино. «Фильмы», как она их назвала, употребляя одно из тех британских словечек, которыми пополнила ее словарный запас ее «мами».

— В нем ещё была песня «Поистине восхитительный». Которую пела кукла. Я никогда не понимала, о чем эта песня. Но когда я ее слышала, то всегда думала, что она о кукле, которая хочет стать свободной, которая все время крутится и крутится, но никак не может выбраться из своей музыкальной шкатулки. Она застряла. Мне всегда становилось грустно от того, что никто ей не помогал. И поэтому она осталась там навсегда.

Услышав в ее голосе печальные нотки, я закрыл глаза. Куколка всегда была веселой. Никогда не грустила. Я, бл*дь, не мог слышать ее грустный голос. Вдруг я почувствовал что-то на своей руке, и тут же замер без движения. Это был ее палец. Кончик ее пальца, нежно кружил по тыльной стороне моей ладони, лежащей у нее на талии. Она отрывисто засмеялась, но смех тоже был грустным.

— Из-за ее макияжа ты говорил, что я совсем как та кукла на музыкальной шкатулке.

Пауза.

— Но теперь мне кажется, что я похожа на нее не только в этом.

Я понял, что она имела в виду. Она оказалась в ловушке, как и эта кукла. Застряла в своей комнате с множеством дверей, и никто не помог ей оттуда выбраться. Все, чего ей хотелось, это чтобы ее спасли. Освободили.

— Ей... кукле... Мне всегда казалось, что ей тоже хочется, чтобы ее поцеловали. Хочется, чтобы ее любили. Думаю, ей очень хотелось, чтобы ее возлюбленный вернулся оттуда, где бы он ни находился, и спас ее.

Кончик ее пальца перестал кружить по моей руке, затем я почувствовал, как она обхватила мою ладонь и крепко ее сжала.

— Она была заколдована, и только первый поцелуй любимого мог ее расколдовать.

Слушая ее, я стиснул челюсти. Я знал, что она говорит мне о том, как она жила, когда я уехал. Как она ждала моего возвращения.

Это она была той куклой. Ее слова сейчас не имели никакого отношения к этому проклятому фильму.

Моё возвращение слишком затянулось. Уже был нанесен непоправимый вред.

А потом она запела. Своим тихим, нежным голосом она запела эту песню. Ту самую, что в кино пела женщина, переодетая в куклу... и это, бл*дь, разбило мое черное сердце. С каждой спетой ею строчкой, она все сильнее и сильнее сжимала мне руку. И я слышал всю ее боль. Слышал, как она вырывалась у нее из груди через эту чертову песню. У меня перед глазами всё поплыло, я моргнул и вдруг понял, что у меня намокли щеки. Я поднес к лицу руку и почувствовал на пальцах слезы.

Я не плакал одиннадцать лет. В последний раз это произошло, когда меня оторвали от Куколки. И вот теперь, когда я вернул ее себе... но вернул уже разбитой на куски, с сердцем больше напоминающим хрупкое стекло.

Куколка допела песню, и комната погрузилась в тишину. Я крепко ее обнимал, а потом обнял еще крепче, когда сонным голосом она произнесла:

— Однажды мы поцелуемся, Кролик. Однажды мы поцелуемся, и тогда наше приключение станет просто невероятно идеальным...

Через некоторое время Куколкино дыхание стало ровным и глубоким.

Но я не мог заснуть. Час за часом я прокручивал в голове то, как она сидела передо мной, раздвинув ноги, и все те слова, что срывались у нее с губ. Слова ее грёбаных «дядей», в особенности одного из них, который говорил с ней, когда насиловал ее в детстве. Я подумал о ее чистом голосе, поющем ту песню. Я раздумывал над тем, чего ей хотелось, о чем она так долго мечтала.

Свобода.

Любовь.

Потом я подумал о предстоящих убийствах. Подумал о том, как мы прикончим каждого из них. Потому что всё то, что я планировал ранее, теперь уже казалось мне не достаточно мучительным. Не достаточно кровавым. Не достаточно жестоким.

Эти твари заслуживают гораздо большего. Они заслуживают всего, что только могут породить наши упоротые умы. И они все это получают. Они познают всю силу нашей мести, и они не будут этого ожидать.

Я закрыл глаза и улыбнулся.

Я улыбнулся всей той крови, что еще у нас впереди.

Кровавая бойня: любезно предоставлено Больными Ублюдками.

9 глава

*Эдди
Поместье Эрншоу
Даллас, Техас*

Я медленно подошел к двери. Старые петли были сорваны, а деревянная дверь разломана. Кто-то вышиб её ногой. Я полез в задний карман и вытащил пистолет. Перешагнув порог дома, я поправил шляпу, чтобы видеть весь коридор.

Как только я это сделал, мне в нос ударил мерзкий запах.

— Дерьмо! — прошипел я, прикрыв предплечьем нос и рот.

Я застыл без движения и прислушался. Ни звука. Стараясь передвигаться как можно тише, я проверил комнаты на первом этаже. В них пахло плесенью; мебель уже много лет была завешена простынями.

В них всё было в точности как раньше.

С замиранием сердца я подошел к подножию лестницы.

— Эллис..., — тихо произнес я.

Перескакивая через две ступеньки, я помчался вверх по лестнице. Чем ближе я подходил к той комнате, где она долгие годы пряталась от людей, тем сильнее становился гнилостный запах.

— Эллис! — выкрикнул я.

Приблизившись к двери, я почувствовал нарастающую волну страха. Комната была открыта. Из нее не доносилось ни звука.

Я прислонился к стене и поднял пистолет. Сделал глубокий вдох. Замерев от страха и всецело положившись на пройденный мною за последние месяцы интенсивный курс подготовки рейнджеров, я медленно прокрался в спальню — спальню Эллис. Прежде чем повернуть за угол и посмотреть на место, где она всегда сидела, я остановился и, кажется, перестал дышать. Я на секунду закрыл глаза, затем досчитал до пяти и повернулся в другую часть комнаты. Я замер. Стул Эллис исчез. На деревянном полу бесформенной кучей валялась темная одежда, которую она всегда носила ... а потом я почувствовал, как от лица у меня отхлынула кровь. Из темноты возле ванной высовывалась пара ног. Я сделал над собой усилие и неуверенными шагами двинулся вперед, пока не почувствовал что-то под ботинком. Я посмотрел вниз и увидел почти черную лужу запекшейся крови.

— Эллис, — прошептал я, ощущая, как всё у меня в груди рвется на части, и замер, когда вдруг из тени показалось тело старухи.

Поднявшись на цыпочки, я подходил все ближе и ближе, пока не увидел бледное, застывшее в смертельной маске лицо миссис Дженкинс. Казалось, будто она неподвижно смотрит в окно, у которого всегда сидела Эллис. Я присел, чтобы проверить пульс, и тут заметил у нее на горле глубокую рану. Рана была бледно-красной, кожа вспорота до мяса. Ее кожу и весь пол вокруг залила теперь уже засохшая и холодная кровь.

С бешено колотящимся сердцем я приступил к делу. Я прочесал весь дом.

— Эллис! — взревел я, держа перед собой пистолет и пытаюсь отыскать здесь хоть кого-нибудь живого. Где моя давняя лучшая подруга?

— Эллис!

Я промчался по служебным коридорам, по коридорам, о существовании которых я даже не подозревал. Чувствуя, как страх пробирает меня до мозга костей, я пробежал вверх по лестнице и по всем комнатам, пока вдруг не остановился.

Застыл, как вкопанный.

В деревянном полу, прямо передо мной, зияла дыра. Она была неровной с резкими краями, явно проделанная пилой.

«Какого черта ...?»

Я осторожно шагнул вперед и заглянул вниз. На полу этажом ниже лежала веревка, вокруг нее валялись деревянные обломки, остатки стула. Я пригляделся и тут же его узнал.

— Эллис, — тихо произнёс я, и широко распахнул глаза, когда понял, что здесь, судя по всему, произошло.

Кто-то ее увез.

— Эллис! — снова машинально позвал я и потянулся в карман за сотовым. Я позвонил человеку, чей номер стоял у меня третьим на быстром наборе.

— Дядя, — задыхаясь, прохрипел я, бегом возвращаясь в комнату Эллис к гниющему телу миссис Дженкинс. — Вам необходимо немедленно приехать в поместье Эрншоу. У нас тут похищение.

***

— Где Эрншоу? — спросил мой дядя, когда группа судмедэкспертов взяла из комнаты необходимые образцы, и люди из морга занялись телом миссис Дженкинс.

Сжав в свободной руке шляпу рейнджера, я провел ладонью по волосам.

— Уехал отсюда много лет назад. Долгие годы он вместе со своими деловыми партнерами управлял отсюда своим бизнесом. В детстве я приходил сюда поиграть с Эллис. Они все давно покинули поместье, когда у них возникли какие-то проблемы с бизнесом, — я пожал плечами. — Понятия не имею, куда они поехали. Это было как-то... странно.

Мой дядя сосредоточенно нахмурил лоб.

— А Эллис?

Я почувствовал растущую в груди тяжесть.

— Много лет назад в раннем подростковом возрасте у нее случился нервный срыв.

Я посмотрел на то место, где она все время сидела. Я навещал ее каждую неделю с тех пор, как узнал, что она больна. Я разговаривал с ней. Но она ничего не говорила. Просто молчала и неотрывно глядела в окно совершенно безжизненными глазами. Я вспомнил то время, когда мы были детьми.

— В детстве ей никогда не разрешали выходить за территорию поместья. Однажды я спросил у мамы, почему. Она ответила, что у Эллис кое-какие проблемы, — я пожал плечами. — Беспокойство и боязнь покидать дом. Вот почему она была на домашнем обучении. Ее отец сказал моей маме, что когда ее мать умерла, стало только хуже.

Я сокрушенно покачал головой.

— Сомневаюсь, что она вообще когда-нибудь покидала это место... А потом у нее случился этот срыв. Думаю, она всегда была эмоционально нестабильной.

— Тогда, может, она сорвалась и сама убила свою няню? — задумчиво проговорил мой дядя.

Я решительно замотал головой.

— Нет, Вы не понимаете, — раздраженно бросил я. — Она стала просто зомби. И даже если бы ей каким-то образом удалось прийти в себя, она бы ни за что не сделала ничего подобного.

Я оглядел обшарпанную розовую комнату.

— Эллис Эрншоу — самый добрый и самый безобидный человек на свете, — у меня внутри всё сжалось, когда я вспомнил, как в детстве она одевалась, словно Алиса в Стране чудес и притворялась, что пьет чай. — Она нежная.

Мое сердце разбилось о ту раковину, в которую она спряталась.

— Она была слишком хрупкой для этого мира. Слишком доверчивой. Слишком ранимой.

Мое лицо, на котором появилась ностальгическая улыбка, помрачнело. Мне на ум пришел только один человек. Мудак, который отобрал ее у меня. Отобрал у меня мою лучшую подругу и превратил ее в свою дрессированную собачонку...

Хитэн, мать его, Джеймс.

Но он был мертв. Или, во всяком случае, считался мертвым. Исчез, когда мы были детьми, оставив Эллис с разбитым сердцем. Он всегда был эгоистом. Спустя месяцы после того, как он сбежал, я пытался с ней увидеться. Сразу же, как узнал от мамы, что он бросил ее совсем одну. Но это стало началом ее погружения во тьму. Грёбаный Хитэн Джеймс бросил Эллис и разрушил всю ее жизнь.

Лучше бы этому козлу умереть. В нем всегда было что-то странное. Как будто зло жило у него в крови. И с той минуты, как в его поле зрения попала Эллис, он только и делал, что развращал ее и пожирал ее задор и благодать.

Сквозь густую пелену моего тлеющего гнева прорвался звонок мобильного телефона моего дяди. Я постарался выбросить из головы образ Хитэна, с его странной одеждой и жуткими серыми глазами. Вместо этого я сосредоточился на обращенных ко мне глазах моего дяди.

— Я уже выезжаю, — закончил разговор мой дядя и сунул мобильный в карман.

— Что такое?

— Убийство, — ответил он. — В Амарилло.

У меня заколотилось сердце. Мой дядя был довольно большой шишкой в подразделении Техасских Рейнджеров. Я с детства мечтал стать таким, как он. Как только мне исполнилось восемнадцать, я приступил к обучению. Сейчас, в двадцать два года я с жадностью осваивал свое ремесло. Даже когда я официально был в отпуске, я не отдыхал. Вместо этого я следовал за ним по пятам, наблюдал за лучшим из лучших. Да, это было вопиющим случаем кумовства, но мой дядя мне это позволял. Он видел, как сильно мне этого хотелось. У меня было две недели отпуска. Для меня это означало две недели наблюдений и изучений наиболее важных дел.

— Когда мы уезжаем? — спросил я, выходя вслед за ним из комнаты.

— Сейчас же.

***

— Срань господня, — еле слышно прошептал я, потрясенно глядя на развернувшуюся передо мной сцену.

Следуя в кабинет уединенного дома, куда нас вызывали, мы проходили мимо мёртвых тел. Телохранители. Когда на дежурство заступила следующая смена охранников, они немедленно сообщили об убийстве.

Это была кровавая бойня.

Я проследовал за своим дядей до самого кабинета. И не успел я шагнуть внутрь, как застыл на месте. У стены в офисном кресле обмякло тело заколотого до смерти мужчины. Мой взгляд оторвался от кровавого зрелища его трупа и скользнул к нацарапанной над ним надписи. Это были неразборчивые, почти детские каракули. Я прищурился, пытаюсь понять, что там написано. Когда, наконец, беспорядочные линии сложились в слова, мой дядя произнёс это вслух:

— Больные ублюдки.

Он подошел к стене и провел пальцем по краю одной буквы. Он поднёс к носу розовое вещество, которым была намалёвана надпись, а затем потер его пальцами.

— Губная помада? — он нахмурился, вынул из кармана платок и вытер пальцы.

Приглядевшись повнимательнее, я понял, что он был прав.

— Губная помада? — спросил я. — И что ещё, черт возьми, за Больные ублюдки?

Мой дядя сунул руки в карманы.

— Я бы сказал, человек, или люди, учинившие все это, — он присел на корточки рядом с телом и оглядел раны. — Они над ним издевались.

Он посмотрел на клейкую ленту, которой были обмотаны запястья мужчины.

— Привязали его и играли с ним, словно он кусок мяса.

Не оглядываясь на назначенных по этому делу помощников, он спросил:

— Имя уже установлено?

Помощник открыл блокнот.

— Мистер Лестер Ноулз.

Это имя показалось мне знакомым. Я напряг память, пытаюсь понять, почему. Подойдя к столу, я стал перебирать какие-то документы, и его имя неотступно крутилось у меня в голове.

«Лестер Ноулз... Откуда мне известно твоё имя?»

И тут меня осенило, и я похолодел от ужаса. Развернувшись на каблуках, я посмотрел на дядю.

— Лестер Ноулз был одним из коллег мистера Эрншоу. Его деловым партнёром.

Мой дядя подошел ко мне.

— Эрншоу? Пропавшая девушка?

— Эллис, — сказал я и почувствовал, как внутри у меня все сжалось от беспокойства.

— Она называла его своим дядей. Он не являлся ее кровным родственником. Но вот он, — я указал на труп. — Был одним из лучших друзей ее отца. Он фактически помог ему вырастить Эллис.

Я побледнел.

— Вы думаете, это связано? — я услышал в своем голосе нотки страха. — Похищение Эллис и смерть миссис Дженкинс и Ноулза... Полагаете, всё это связано?

Мой дядя обвёл взглядом комнату. Я знал, о чём он думает. Я годами наблюдал за его работой.

— Возможно, — вымолвил он. — Ты сказал, что они — так называемые дяди и отец девочки — покинули поместье?

Я кивнул.

— Почему?

— Им пришлось уехать, поскольку их бизнес перебазировался в другое место. Это все, что мне известно. Ещё вчера все они были там, а на следующий день разъехались, оставив Эллис на попечение миссис Дженкинс. Миссис Дженкинс заявила, что Эллис нельзя увозить из поместья, ей необходимо находиться под наблюдением врачей. Из-за ее психического расстройства.

— Сколько всего было этих дядей?

Я порывисто выдохнул.

— Пять, может, шесть? Когда они там жили, я был еще маленьким. Они довольно часто со мной говорили, даже приглашали меня остаться на ужин и тому подобное. Но Вы же знаете, как мама относится к семейным ужинам. Она никогда не позволяла мне пропустить ни одного, поэтому моё общение с мистером Эрншоу и дядями Эллис ограничивалось такими беглыми замечаниями.

Мой дядя взглянул мне через плечо на одного из своих рейнджеров.

— Нам нужно выяснить, кто такие эти партнеры Эрншоу и, где они живут, — он поглядел на меня, а затем снова обратился к своему помощнику. — И еще нужно разослать уведомление о пропаже Эллис Эрншоу.

— Так Вы действительно считаете, что это связано, — сказал я.

Я посмотрел на распластавшегося на стуле и залитого кровью дядю Лестера. Я вспомнил также зверски убитую миссис Дженкинс... Потом я подумал об Эллис. Если она у них... Если они причинят ей боль...

Я с силой сжал кулаки.

— Больные ублюдки, — произнёс мой дядя, глядя на размазанную по стене розовую помаду. — Под этим подразумевается более одного человека, возможно, группа.

— Группа, на счету которой уже несколько трупов и похищение, — добавил я.

Мой дядя покачал головой.

— Как своё, они поместили только это убийство. Может быть, они и связаны с делом Эрншоу, но на данный момент мы этого не знаем.

— И что теперь? — произнёс я, выходя из комнаты вслед за моим дядей, и как только мы оказались на улице, вдохнул свежего воздуха.

— Сейчас мы пытаемся получить записи с камер видеонаблюдения, в основном с камер охраны. Надеюсь, они их не уничтожили. Затем мы выясним, кто эти люди.

Я кивнул.

— Думаете, они снова нападут?

Мой дядя вытащил из кармана сигареты и закурил. Он смотрел через поля, окружающие тихое поместье.

— Там видно будет, — он задрал голову к небу. — Я хочу поговорить со всеми этими «дядями» и самим Эрншоу. Возможно, это единичный случай. А может и цепь связанных событий. Но, в любом случае, мы должны сообщить Эрншоу, что его дочь пропала.

«Эллис, — подумал я, тоже глядя через поля. — Обещаю, я найду тебя. И мы тебя исцелим. Мы тебе поможем».

Я почувствовал, как меня переполняет решимость, и поправил шляпу. Я никому больше не позволю причинить боль Эллис.

Только не после того, как этот ходячий дьявол Хитэн вырвал ей сердце и превратил его в пыль.

У меня появился второй шанс ее спасти. Вернуть к жизни самую милую на свете девушку.

«Я обещаю».

10 глава

ЧЕШИРСКИЙ КОТ

Куколка

Я отложила карандаш для глаз и откинулась на стуле. Взглянув на своё отражение в зеркале туалетного столика, я удовлетворенно улыбнулась. Теперь я выглядела в точности как он.

Я повернулась на звук открывшейся двери и взглянула на Кролика. Он вышел из ванной, опустив голову. У меня внутри все сжалось. Всё утро мой Кролик вел себя странно. Мы отправились в другое место. И всю дорогу Кролик молчал. В нашем номере мотеля я танцевала и пела, но он не улыбался, как обычно. Вместо этого он сидел на краю кровати, заточивая лезвие своей трости. Он разобрал и почистил пистолет.

Я пыталась придумать способ, как его развеселить. У меня не было другого выхода. Каждый день я экспериментировала со своей новой косметикой. Я красила глаза синим, щёки розовым, а ресницы покрывала толстым слоем туши. Я приклеивала сверху накладные ресницы и так ещё больше напоминала куклу. Кролик любил, когда я становилась похожей на куклу. Особенно ему нравились мои пухлые розовые губы. Он часто на них смотрел. И, когда он это делал, то облизывал свои губы.

От этого у меня становилось влажно между ног. Мне хотелось прикоснуться к себе, как тогда в ванной... и на кровати с Кроликом. Но после той ночи Кролик держался от меня на расстоянии. Он не гладил меня по щеке. Не обнимал меня, пока я спала. Он спал на полу рядом с кроватью, если вообще спал. Большинство ночей он просто сидел у стены, уставившись в пустоту. У него раздувались ноздри, руки сжимались в кулаки, а у меня разрывалось сердце. Я не знала, чем его расстроила. Я не хотела его расстраивать. Я хотела только одного — сделать его счастливым. Он был для меня всем.

Кролик развернулся ко мне спиной и накинул на себя свой удлиненный пиджак. Он не посмотрел в мою сторону. Когда он потянулся за тростью, а потом за ключами от Мустанга, я нахмурилась. Все наши вещи были уже в машине. Все, кроме моей куклы и косметики.

Я пригладила платье и откашлялась. Плечи Кролика напряглись. Я поднялась на ноги и почувствовала, как голой кожи моих бедер коснулся теплый воздух с улицы. Потом Кролик обернулся. Совсем как он, я откинула с лица упавшую на левое плечо прядь волос.

На меня устремился взгляд пасмурных глаз. Я посмотрела на его татуированную руку, крепко сжимающую украшенную кроличьей головой трость. Если бы этот несчастный кролик у него на трости был живым, его череп давно бы треснул, как яйцо. Кролик так сильно вцепился в свою трость, что у него побелели костяшки пальцев.

Я взялась за края платья и, глядя на него из-под ресниц, покачалась из стороны в сторону.

— Кролик, тебе нравится?

У него раздулись ноздри, глаза вспыхнули. Он провёл зубами по нижней губе, и я увидела, как заметно увеличилась выпуклость у него в штанах.

— Ммм, — пробормотала я, приближаясь к Кролику.

Он не шевелился, но следил за каждым моим движением. С каждым моим шагом его зрачки расширялись, и у меня учащенно забилось сердце. Я почувствовала между бедер знакомое покалывание; я знала, что ему понравилось то, что я сделала.

— Кролик, тебе нравится? — снова спросила я и остановилась прямо перед ним.

Я не могла оторвать глаз от его взгляда. Кролик всегда на меня так смотрел. Он пристально глядел и глядел на меня. Затем его глаза скользили вниз и впивались в бьющийся у меня на шее пульс.

— *Твоя вена...*, — шептал он мне, когда думал, что я сплю. — *Твоя вена... такая толстая... такая налитая...*

У меня замирало дыхание, и я крепко закрывала глаза, прикидываясь спящей. Я их не открывала, потому что знала, что произойдет дальше: прямо над этой веной застынут его губы. Моего пульса, словно перышко, коснётся его острый наперсток. Кожу овеет теплое дыхание, от которого по спине разольётся дрожь. Затем появится кончик его языка. Его влажный кончик идеально прочертит вену, ни разу не сбившись с пути. Кролик коснется выпуклости у него между ног, и из груди у него раздастся низкий стон. Скользя языком по моему горлу, он будет гладить её своей рукой вверх-вниз, все быстрее и быстрее, пока не замрёт и не захлебнётся своим дыханием.

Из-под прикрытых век я следила за тем, как он садился обратно к стене, у него из штанов виднелся его член, большой и длинный, от вида которого мне хотелось ерзать и извиваться. Я смотрела, как он закрывал глаза и вонзал себе в кожу заострённый наперсток. Вонзал его в вену на своём запястье... прямо в вытатуированные там часы, похожие на те, что он носил в кармане своего жилета. Из раны струилась кровь, и он растирал ее по губам, по пухлой плоти, красной и чувственной. Его язык медленно и осторожно скользил по крови, пробуя ее на вкус и... наслаждаясь.

Мне хотелось, чтобы это была моя кровь.

Хотелось, чтобы он точно также попробовал на вкус меня.

Хотелось слиться с ним вот так — кровь с кровью.

Раствориться в нём.

— Чёрт, Куколка, — прохрипел Кролик, вернув меня в реальность.

Я пыталась унять жар и остудить пылающие щеки. Но от взгляда его серебряных глаз они вспыхнули еще сильнее. Он протянул руку, его ладонь замерла, почти коснувшись моего левого глаза.

— Римские цифры, — прошептал он.

Я кивнула и улыбнулась несмотря на то, что от его пронзительного взгляда у меня дрожали ноги.

— Я нарисовала их для тебя, — произнесла я и указала на часы у него на коже. — Мы — Больные ублюдки. Тик-так, Кролик. Теперь мы под стать друг другу. Кролик и Куколка...оходящиеся на плохих людей, дни которых уже сочтены.

Я постучала по часам, нарисованным вокруг моего левого глаза черным косметическим карандашом.

— Тик-так, Кролик. Отныне и навеки, тик-так.

Он ничего не говорил, просто пристально смотрел. Мне хотелось, чтобы он что-нибудь сказал. Хотелось, чтобы он коснулся моей щеки, моих губ, нарисованных вокруг глаза часов. И когда он ничего такого не сделал, мне показалось, что из меня выкачали весь воздух.

— Нам нужно ехать, — сказал он, пройдя мимо меня.

Еле сдерживая слёзы, я собрала с туалетного столика косметику. Положила в карман губную помаду и взяла за волосы Алису. Я закрыла за собой дверь мотеля и шагнула под яркое солнце. Опустив вниз голову, я пошла к машине. При каждом шаге о мою ногу билось треснувшее фарфоровое лицо Алисы.

Я забралась в машину. Когда Кролик выехал с автопарковки, я нажала на автомагнитоле кнопку воспроизведения. Не успела заиграть одна из моих песен восьмидесятых, как Кролик выбросил вперед руку и резко выключил музыку.

— Сегодня никакой музыки, — холодно сказал он, и я почувствовала, как ледяной холод от его мрачного голоса пробирает меня до костей.

Несмотря на то, что мои накрашенные розовые щеки нещадно жгло горячее солнце, у меня было такое чувство, будто меня посадили в морозильник.

Кролик всегда меня согревал.

Он был единственным, кто мог это сделать.

Такая сторона Кролика мне не понравилась. Он ранил мое сердце.

Пытаясь сдержать слёзы, я достала губную помаду, опустила на защитном козырьке зеркало и начала рисовать. Я обвела губы, а затем провела помадой вниз у уголков.

Я откинулась на сиденье и посмотрела на свое отражение.

Теперь у Куколки было грустное лицо.

Не знаю, видел ли это Кролик. За все то время, что мы ехали по пустым дорогам, он не проронил ни слова. Пока мы гнались вслед за движущимся по небу солнцем, мимо нас не проследовало ни одной машины. Когда печаль стала совсем невыносимой, я прижала к груди Алису, глотая свою боль.

Шло время, Кролик по-прежнему не глядел в мою сторону, поэтому я достала нож из своей белой сумочки в форме чайника, которую купил мне Кролик.

— Мы Больные ублюдки, — прошептала я, тренируясь перед предстоящим убийством. — Ты, Чеширский Кот, больше никогда не улыбнешься...

Я ухмыльнулась, страшно гордая тем, что сейчас сказала. Неожиданно Кролик свернул на обочину и ударил по тормозам. Меня отбросило вперед, нож выскользнул у меня из рук и приземлился рядом с моими ботильонами.

— Он мой, — прорычал Кролик, так яростно сжав руль, что я испугалась, не сломает ли он его.

— Ч-что? — прошептала я, и, глядя как на татуированной шее Кролика набухают и вздуваются от злобы вены, почувствовала, что у меня вот-вот выскочит сердце.

Мои брови поползли к переносице, и у меня внутри вспыхнул огонь. Я резко повернулась, оказавшись лицом к лицу с Кроликом. Встретившись с ним взглядом, я стиснула зубы и процедила:

— Я защитница Страны Чудес. Призванная уничтожить плохих людей, — я сузила глаза. — Чеширский Кот — *мой*.

Из груди у Кролика вырвалось что-то вроде стоны, смешанного со злобным рычанием, и я увидела, как дёрнулся вверх уголок его рта. Он поёрзал на сидении. Взглянув вниз, я снова обнаружила у него на брюках выпуклость. Но сейчас она была тверже, чем раньше. Сквозь черные брюки явственно проступало очертание его члена. Кролик медленно покачал головой и неодобрительно поцокал языком.

— Моя милая маленькая Куколка, — произнес он тихо... угрожающе... *нежно*. — Будь осторожна, когда так на меня давишь.

Он поднял левую руку, и я почувствовала, как по шее вдоль вены скользнул кончик длинного, заострённого наперстка. Вдоль вены, которую ему так нравилось лизать, когда я спала.

Наперсток двинулся вверх по моей шее, затем по подбородку, пока не замер у моего рта. Глаза Кролика вспыхнули, когда его взгляд остановился на моей губной помаде, на обрамлении того хмурого вида, который теперь искривил мои ярко-розовые губы. Он склонил голову набок, его глаза пробежали по траектории помады. Он быстро втянул в себя воздух.

— Ты будешь делать так, как я прикажу, маленькая Куколка. Я — Белый Кролик. Я тебя веду..., — произнес он и поднял голову. — Я контролирую тебя в Стране Чудес.

У меня перехватило дыхание, веки дрогнули, и я закрыла глаза, будто его слова, его приказы были струнами моего сердца. Они дёргались и натягивались, держа меня в своих тисках. Обжигая мне лицо своим тяжелым дыханием, он провел наперстком вниз. Острый кончик спускался всё ниже, пока не пробежал по изгибу моей груди. Кружа по корсету моего синего платья, туда-сюда... туда-сюда...

— Ты будешь повиноваться, *милая*, — коротко приказал он, и я заёрзала на сидении.

Я положила ладонь себе между ног и выгнулась к нему, словно меня влекло к нему магнитом, неудержимой тягой потребности. С моих губ сорвался стон и унесся в ароматный воздух. Его подхватила сидящая наверху птица и унесла на своей пернатой спине. Я раскачивалась вперед-назад, полностью находясь в плену наперстка Кролика.

- Сегодня ты будешь стоять и смотреть.
- Да, — на одном дыхании безвольно произнесла я.
- Сегодня ты будешь наблюдать за работой своего мастера.
- Да..., — мои пальцы задвигались быстрее.

Покалывание. Жар. Напряжение...очень сильное напряжение... которое всё нарастало... нарастало... нарастало.

— Сегодня ты будешь наблюдать за мной. Ты будешь наблюдать за убийцей, которому принадлежишь. Ты будешь смотреть, как он забирает обратно то, что отнял у него Чеширский Кот.

Он наклонился вперед, и я приоткрыла губы, когда ощутила, что меня накрывает оглушительной волной.

— Да! — выкрикнула я.

— Сегодня, — прошептал Кролик прямо мне в ухо, наклоняясь всё ближе, пока я не почувствовала, как по моей груди скользнул его гладкий галстук. — Сегодня ты будешь смотреть, как твой учитель кромсает человека. Ты будешь смотреть, как я колю, режу и купаюсь в его загаженной крови... снова и снова, снова, и снова...

— Да! — воскликнула я, мои ноги раскрылись, и меня снесло потоком блаженства и такого испепеляющего жара, что я вспыхнула, и от меня осталась лишь жалкая куча костей, кожи и плоти.

— Да..., — выдохнула я и рухнула на сиденье. — Да... Кролик...Да...

Замерший у меня на груди наперсток исчез, и я почувствовала, как Кролик погладил меня по голове. Я открыла глаза и увидела пронзительный взгляд черных глаз, лишь у самого их края осталась тонкая полоска серого.

— Хорошая Куколка.

Я улыбнулась. Я угодила своему Кролику.

Пока Кролик выезжал на шоссе, я перевела дыхание. Через некоторое время мы свернули направо и помчались по грунтовой дороге. Кролик остановился у старого деревянного дома и спрятал машину подальше от посторонних глаз. Как и в тот раз с Гусеницей, мы укрылись в густых деревьях. Я повернулась к Кролику и уже хотела что-то сказать, но он вскинул вверх руку. Я закрыла рот и посмотрела сквозь просвет в кустах. Из деревянного дома вышел мужчина.

Я прищурилась — Чеширский Кот.

Кролик неотрывно следил за тем, как тот приблизился к стоящему на заднем дворе сараю. Кролик потянулся за тростью и без конца щелкал спусковым крючком на голове своего кролика. Чеширский Кот скрылся в сарае.

Вокруг нас ощутимо сгустился воздух.

— Кролик?

— Он мой, — прошепел он, взглядом заставив меня подчиниться.

Я покорно кивнула.

— Да, Кролик.

На лицо Кролика опустилась такая ужасная пелена тьмы, что мне пришлось некоторое время подождать, прежде чем выйти из машины. Кролик не отводил глаз от сарая.

Затем мы двинулись вперед.

Я следовала за Кроликом, в одной руке у меня был нож, в другой — Алиса, а из-за пояса торчал пистолет. Кролик пошёл быстрее, и я тоже ускорила шаг.

Затем мы очутились у дверей сарая.

Кролик остановился. Я смотрела на его спину, застывшую, прямую и напряженную. Он повёл головой из стороны в сторону. У него хрустнула шея, короткий звук рикошетом отлетел от деревянных стен.

Кролик разделил свою трость надвое, и у него оказалось по одному оружию в каждой руке. Я стояла позади него, ожидая, когда он меня поведёт. Мое сердце переполнялось предвкушением.

Кролик бросился вперед и распахнул двери сарая. Он ворвался внутрь. Я последовала за ним. Но там нас ждал только... пустой сарай.

Кролик повертел головой. Я почувствовала, как от него волнами исходит ярость. Я прочесала весь сарай, но ничего не обнаружила. Кролик сорвался с места и стал осматривать стены. Я тоже. Потом он вдруг остановился. Я побежала ему. Он сидел на корточках и смотрел на дверь в полу.

— Еще одна Кроличья нора? — прошептала я.

Кролик взглянул на меня сквозь упавшие ему на лицо волосы.

— Не очень хорошая, — сказал он, затем замолчал. — А может и хорошая...

Он улыбнулся опасной улыбкой.

— Как посмотреть. Если можно сказать, что разорвать кого-то в клочья, это хорошо...

Я улыбнулась, перевернув вверх дном нарисованную помадой печальную гримасу.

— Это хорошо, — ответила я. — Правда, очень, очень хорошо.

Я наклонилась.

— Может, даже так же хорошо, как клубничный торт.

Кролик взглянул вниз, и улыбка улетучилась с его лица. Он тихо поднял тяжелую деревянную дверь и спустился по расположенной под ней лестнице. Я последовала за ним. От нестерпимой жажды крови, что манила нас всё ниже и ниже, у меня начали подрагивать ладони.

Когда мы спустились вниз, то увидели в конце узкого коридора сияющий лучик света. Кролик прижал к губам палец.

— Шшш, — прошептал он.

Я послушно кивнула. Пока я шла за Кроликом по норе, у меня бешено колотилось сердце.

Вдруг Кролик остановился. Из комнаты в конце коридора слышались знакомые звуки, и у меня по спине пробежал ледяной холод. Я закрыла глаза.

Ко мне снова вернулись отголоски рассказов Эллис о плохих людях и принялись меня мучить...

«Он брал меня за руку и вел в свою комнату. Я должна была стоять перед кроватью, Кукока. Он разворачивал меня и трогал между ног. Он забавлялся со мной, Куколка... а потом он входил в меня. И я кричала... Я кричала, кричала и кричала... и мне хотелось к Хитэну. Я плакала и звала Хитэна... снова, и снова, и снова... но он всё не останавливался...»

Дрожа всем телом, я помотала головой и, поморгав, вернулась к реальности. Я покрылась испариной, от рассказа Эллис я почувствовала себя плохо... почувствовала ярость... почувствовала... Там! Эти звуки. Звуки, доносящиеся из комнаты... они были теми же самыми. Они походили на те, что описывала Эллис, они были...

Кролик взревел и побежал вперед. Он ворвался в комнату. Издав пронзительный крик, я последовала за ним. Висящая под потолком голая лампочка искупала нас в ярком свете, и мы увидели открывшееся перед нами зрелище.

Чеширский Кот... Чеширский Кот был на... мальчике. Я вся задрожала от ярости, когда увидела в дальнем углу комнаты мальчика лет десяти, склонившегося над грязной старой койкой. Его темные, запавшие глаза взметнулись и устремились на меня.

Из-за спины до меня донеслись чьи-то всхлипы. Развернувшись назад, я увидела клетку. Я сделала шаг вперед, готовая в любой момент пустить кровь любому, и тут вдруг увидела пару голубых глаз. На меня смотрела маленькая девочка с длинными светлыми волосами.

— Эллис? — прошептала я.

Её взгляд скользнул куда-то позади меня... Поэтому я тоже туда повернулась.

— Угадай, кто? — насмешливо спросил Кролик, схватив Чеширского Кота за волосы и оторвав его от мальчика. Мальчик упал вперед, его руки испачкались в грязи, штаны сползли к лодыжкам. Кролик развернул Чеширского Кота и отбросил к ближайшей стене.

Мальчик побежал к клетке. Я открыла дверь. Девочка с мальчиком огромными глазами воззрились на меня.

— Бегите. Бегите, малышня, — подгоняла их я.

Сунув руку в клетку, мальчик помог девочке подняться на ноги. Когда они пробежали мимо меня, я преградила девочке дорогу и спросила:

— Эллис? Ты Эллис?

Я склонила голову набок. Её внешность показалась мне знакомой, возможно, когда-то давно я знала кого-то с такими же длинными светлыми волосами и большими голубыми глазами как у нее. Ей было всего лет десять.

Она покачала головой, обхватив себя руками.

— Ее зовут Хелена, — сказал мальчик.

— Хелена, — повторила я.

Какое красивое имя.

— Бегите.

Я улыбнулась и взмахнула своим ножом.

— Если, конечно, не хотите посмотреть на небольшое кровопролитие, — взволновано добавила я.

Я знала, что это будет увлекательное зрелище.

Дети убежали. Я засмеялась. Малыши и понятия не имели, какое замечательное шоу они пропустят!

— Бегите, бегите, малышня. Наш маленький котёнок вот-вот замурлычет!

Развернувшись, я схватила за волосы висевшую у меня на поясе куклу-голову Алису.

— Это невозможно, — зашипел Кот на Кролика, который, сверкая свирепым взглядом, держал его за шею.

Кролик провел ему ножом по лицу.

— Возможно.

Тогда Кот посмотрел в мою сторону. Он прищурился.

— Эллис? Эллис Эрншоу? — он поморгал. — Тебе уже лучше?

Я покачала головой и постучала себе по лбу ножом. Звук *этого* имени пронзил меня насквозь.

— Эллис, Эллис, Эллис. Почему все постоянно зовут меня Эллис?

Я пошла было вперед, но тут же остановилась, поскольку Кролик повернулся и разъярённо взглянул на меня. Я кивнула, а затем заглянула Кролику через плечо и сказала:

— Что новенького, киса?

Глаза кисы округлились. Я улыбнулась и запела себе под нос дразнящий мотивчик:

— Бедный, бедный котик. За тобой пришел мой бешеный Кролик.

Я вприпрыжку пробежала в дальний угол комнаты и уселась на край стола. Всё это время Кот не отрывал от меня глаз.

— Негодная, негодная киса... Пора платить по счетам.

— Какого хрена? — спросил Кот, как только Кролик поднял свой нож и рассек ему рот.

Киса закричала. Я рассмеялась, захлопав в ладоши. Кролик схватил Кота за волосы и снова рванул его вверх. У кисы были разрезаны щеки. Я прищурилась, чтобы лучше видеть, и тут же поняла, что сделал Кролик.

— Чеширский Кот! — не слезая со стола, я затанцевала от радости. — Кролик, ты одарил его улыбкой, широкой улыбкой Чеширского Кота!

Но всё моё веселье вмиг исчезло, когда я посмотрела на стену позади себя и увидела много-много фотографий. Я вскочила, а Кролик поволок Кота к столу, стоящему в углу комнаты. Кролик схватил со стены несколько висящих там веревок.

Я сосредоточила всё свое внимание на фотографиях. Они мне не понравились. Более того, они меня взбесили. Они так меня взбесили, что я помотала головой и зажмурила глаза, чтобы стереть их из памяти.

— Кролик! — крикнула я, и у меня из груди вырвалось рыдание.

В тот же миг он оказался рядом со мной. Оглянувшись назад, я увидела, что Кот привязан к столу веревкой. Я указала на стену.

— Кролик, фотографии.

Кролик повернулся к стене и внимательно посмотрел на мерзкие снимки. Я увидела, как он напрягся, взглянув на изображения, на которых Чеширский Кот насиловал детей Страны Чудес, незащищенных девочек и беспомощных мальчиков. Кролик смотрел на то, как они плакали, кричали... а гадкий Кот просто смеялся. Смеялся, смеялся в камеру... отвратительный, улыбающийся Чеширский Кот.

Из горла Кролика вырвался резкий крик. Медленно он собрал свою трость и прислонил ее к столу, на котором я сидела раньше. Я присела на стоящий рядом стул. Пытаясь сдержать слёзы, я наблюдала за тем, как Кролик расстегнул свой длинный пиджак и сбросил его с плеч. Он аккуратно положил его на стол рядом со мной. Он расстегнул на рубашке запонки и закатал рукава до локтей. Он снова взял в руки трость и подошел к гадкому Коту, который таращился на него огромными глазами.

Мне не нравились эти глаза.

— Милая Куколка, — сказал Кролик, встав позади Кота.

— Да, Кролик?

— Подойди сюда.

Я встала со стула и подскочила к своему Кролику. Я посмотрела на него, ожидая, что он скажет. Кролик поджал губы, а затем приказал:

— Спусти ему штаны.

Кот издал непонятный звук. Но ничего не сказал. Сомневаюсь, что теперь, когда Кролик подарил ему такую красивую улыбку — новую, кровавую и широкую — он вообще мог разговаривать. Я посмотрела на брюки Кота. Он их уже расстегнул, когда склонился над тем мальчиком.

Я подошла к Коту сзади и стянула с него черные слаксы. Они упали на пол и смялись у него на лодыжках. У меня невольно вырвался смех, и я прикрыла ладонью рот. Покачивая головой, я с отвращением высунула язык.

— Фу! — сказала я, увидев его безобразный, волосатый зад и висящий у него между ног вялый член.

Я посмотрела на Кролика и опустила руки. От одного взгляда на то, с каким лицом Кролик смотрел на голый зад Кота, у меня сжалось сердце, и я почувствовала подступившую к горлу тошноту. Он сжал в руке трость.

— Возьми, мальчик, — сказал Кролик, так тихо, что я почти ничего не услышала.

Но гадкий Кот слышал. Его лицо стало белым. Кролик поднял трость и обнажил лезвие с пистолетом.

— Пососи его, мальчик.

Он начал кружить вокруг Кота. У меня засосало под ложечкой. Но я не смела пошевелиться. Я не могла оторвать глаз от лица Кролика. Я больше не смеялась.

Ему было больно.

Моему Кролику... ему было очень больно.

Мой Кролик испытывал мучительную боль.

— Почувствуй мой член.

Кролик поднял свой клинок. Он внимательно рассматривал лезвие, а его грубый голос становился еще грубее... пока не начал срываться. У него дрожала рука.

— Возьми мой большой толстый член, мальчик, — произнёс он, подавившись этими словами.

Затем он резко остановился. Он закрыл глаза и высоким, словно у ребенка, голосом выкрикнул:

— Не трогай меня! Меня нельзя трогать никому, кроме Куколки.

Он зашипел, а затем заорал, будто в агонии:

— Ты сделал так, что ко мне теперь нельзя прикасаться. КО МНЕ, МАТЬ ТВОЮ, НЕЛЬЗЯ ПРИКАСАТЬСЯ!

Кролик повернулся и, взмахнув лезвием, полоснул им Коту между ног. Чеширский Кот взвыл, и его член упал на пол.

Но Кролик не закончил. Так, словно ничего и не произошло, Кролик начал расхаживать взад-вперед.

— Твой запах. Твои прикосновения. Твои пальцы. Твой член. Твоя сперма. Твоя гребаная слюна. Твое гребаное дыхание! Твое дыхание у меня на лице, на шее, на теле, на члене... повсюду, мать твою!

Кролик вспарывал и вспарывал Коту спину. Кот вопил, но его крики заглушало свирепое рычание Кролика.

Кролик дернулся вперед и перерезал связывающие Кота веревки. Затем схватил его за шею и со всей силы швырнул на грязный пол. Кролик оглядел комнату. Он кинулся в глубину подвала и схватил там что-то. Когда он снова вышел на свет, я увидела, что это была большая лопата. Кролик повернулся и набросился на Кота, расположив ноги по обе стороны от его туловища. Свирепо взглянув на кису, он поднял вверх лопату и встал на одно колено. Крепко сжав в руках черенок, он ударил его о своё крепкое бедро. Лопата разломилась надвое, превратившись в длинную палку с острыми зазубринами. Кролик отбросил в сторону часть с металлическим полотном. Она пронеслась мимо меня, пока я сидела на столе, зачарованно наблюдая за работой настоящего мастера.

Он был просто великолепен.

— Ты взял меня, когда я был ребенком, — прошипел он, держа палку в воздухе.

Кот уставился на него, широко раскрыв глаза и ожидая неизбежного. Он пытался что-то сказать, но ему не давали болтающиеся обрывки его щек. Льющаяся у него из спины кровь впитывалась в грязь, в которой он лежал. Но мой Кролик еще не закончил. Его широкая спина напряглась, рубашка и жилет плотно натянулись. У меня учащенно забилось сердце.

Мой Кролик был таким красивым.

Мой Кролик был восхитительным, симпатичным — пресимпатичным убийцей.

— Ты трахал меня. Трахал меня так жёстко, что я не мог ходить.

Кролик откинул голову назад. Мне не было видно его лица, но я представила себе, что его глаза закрыты. Представила, как он проводит зубами по своим красным губам. Представила, как ему на глаза упали его черные волосы.

Я заёрзала на столе.

Мой Кролик был потрясающим.

Кролик присел и провёл краем палки вниз по лицу Кота. Кот пытался кричать, но подавился кровью. Острым концом палки Кролик вспорол Коту грудь и живот.

Кролик дернул головой.

— Тик-так..., — пробормотал он себе под нос. — Тик-так.

Его рука сжала палку.

— Убей его, — еле слышно прошептала я. — Убей плохую кису.

Я судорожно вцепилась в край стола.

— Убей его, Кролик, — тихо произнесла я. — Заставь Кота заплатить за его грехи.

Мои глаза были прикованы к Кролику. Он молча выпрямился и, сунув руку в карман жилета, вытащил часы. Он сжал их в ладони, а затем положил обратно в жилет для сохранности.

Я очень хорошо знала своего Кролика.

Он был готов поиграть.

— Я смотрел на часы, — сказал он Чеширскому Коту. — Ожидая, когда ты закончишь, я наблюдал за тем, как тикают стрелки. Борясь с виски, который ты заливал мне в рот, чтобы я не мог дать отпор.

Он резко повернул голову, и у него хрустнула шея.

— Но стрелки просто продолжали вращаться, пока ты пропитывал меня своим запахом. Раз за разом совал мне в задницу свой вонючий член.

Кролик зарычал. По тому, как напряглись его плечи, я видела, что он теряет терпение.

У меня бешено заколотилось сердце.

— Ты заполнил своим запахом и прикосновениями все мое тело. Твоё кряхтение навсегда засело у меня в сознании, — он вздрогнул. — Когда я закрываю глаза, то чувствую тебя. Вижу тебя. Ощущаю твой вкус. Соль, пот и грязь.

Кролик поднял палку. Я затаила дыхание, ожидая, что он сделает дальше.

— Я представлял тебя мертвым. Представлял, что с тобой сделаю, когда снова тебя найду. Я ждал этого момента долгих одиннадцать лет.

Кот упёрся взглядом в глаза Кролика.

— Тик-так.

Кролик рванул палку вниз, воткнув ее зазубренный, острый край прямо Коту в живот. Чеширский Кот громко мяукнул, а затем пронзительно закричал, когда черенок прошел сквозь плоть, жир, дряблые мышцы и кости прямо в его внутренности.

По моим венам заструилась жажда крови, я почувствовала, как от возбуждения у меня раздуваются ноздри.

— Задай ему, Кролик! — выкрикнула я, вскочив со стола.

Но не двинулась с места. Кролик приказал мне не двигаться.

Кот начал захлёбываться, я наклонилась в сторону и увидела, как кровь потоком хлещет из его ран. Она была ярко-красной, контрастной, а внизу смешивалась с коричневой грязью.

Кролик не шевелился. Он стоял над ним и наблюдал. Мой Кролик наблюдал за тем, как Кот пытается молить о помощи, как кровь льется у него из спины, лица, отрубленного члена и оттуда, где из него торчал черенок лопаты.

Но этого было недостаточно. Гадкий Кот заслуживал большего.

— Ещё, — тихо попросила я.

Я не была уверена, услышал ли меня Кролик, поэтому я крикнула:

— Ещё, Кролик. Ещё!

Кролик стоял неподвижно, словно статуя. Вдруг он повернул ко мне голову. Когда наши взгляды встретились, я замерла.... Затем его губы медленно изогнулись в ухмылке. У меня в груди затрепетало сердце, и под его пристальным взглядом корсет вдруг показался мне слишком тесным.

Кролик склонил голову и положил руку на грудь.

— Как пожелает моя дама.

Кролик снова повернулся к Коту, и я стиснула бедра. Я застыла. Он сжимал и разжимал кулаки. Я задумалась, с чего это... мне не пришлось долго ждать, чтобы это выяснить. Кролик наклонился и схватил кису за руку. Чеширский Кот издал слабый страдальческий звук, но Кролику было все равно. Взяв Кота за руку, Кролик вздрогнул. Он поднял ее вверх, а затем резко сломал кость пополам. Чеширский Кот заорал. Он орал так громко, что его крик эхом разносился по помещению. Когда Кролик подошел к другой руке и сделал то же самое, я захлопала в ладоши.

Кролик вскочил и направился вглубь подвала, туда, где нашел лопату. Через секунду он вернулся с малярной кистью. Он окунул кисть в кровь и принялся рисовать вокруг Кота круг. Глаза у Кота теперь были закрыты, лицо потеряло свой цвет.

Гадкий Кот умирал.

Кролик раз за разом окунал кисть в кровь. Он нарисовал на полу большие карманные часы. Вокруг Кота появились римские цифры, такие же, как у меня на лице. Палка у него в животе стала центром часов. Кролик остановился, его руки были залиты кровью Кота. Он вернулся к Коту и взял его за сломанную руку.

— Куколка, — не глядя на меня, произнес он. — Мою трость, пожалуйста.

Я схватила стоящую рядом трость и, спрыгнув со стола, бросилась к нему.

— Фу! — с отвращением проговорила я и покачала головой, когда мои красивые черные ботильоны наступили на липкую кровь Кота.

Я протянула Кролику трость и, повинаясь его безмолвному взмаху головы, вернулась к столу. Кролик обнажил клинок и рубанул им вниз. Я порывисто выдохнула, когда рука Кота отделилась от тела. Кролик проделал то же самое с другой рукой, затем собрал трость и отбросил ее в сторону. Он уставился на Кота, чьи глаза уже перестали моргать. На Кота, чьи легкие перестали дышать.

На Чеширского Кота, чье сердце перестало биться.

Кролик взял отрубленные руки и разместил их с противоположных сторон, по бокам от тела. Он положил их на цифры, как стрелки; теперь часы показывали время. Я не знала, какое. Меня никогда не учили определять время.

Когда Кролик отошел от кисты, от часов, которые он создал на грязном полу подвала, он весь был в крови Чеширского Кота. Чистая кожа осталась только у него на лице. И даже оно уже было забрызгано кровью на щеках, на лбу и на подбородке.

— Тик-так, — Кролик уставился на свою работу. Его руки снова сжались в кулаки. — Тик-так.

Его затрясло, и он нагнулся за брошенной кистью. У меня сердце ушло в пятки, а к горлу подступил огромный комок, когда я увидела, как он написал что-то у основания часов и прокричал:

— Тик-так.

Я не знала, что делать.

Он помотал головой.

— Нет, — надтреснутым голосом прошептал он и провёл рукой по предплечью, по забрызгавшей его крови. — Нет!

Он царапал себе кожу. Всю кожу, на которой не было одежды. Кожу, которая была залита кровью.

— Отвали! Отъебись от меня! Я не могу этого выносить!

Кролик попятился от Чеширского кота. Сорвав пуговицы, он стянул с себя жилет и бросил на землю. Затем он швырнул туда же свою рубашку, обнажив татуированную грудь и живот. Но кровь просочилась и туда.

У него из горла вырвался отчаянный крик.

— Не могу выносить его запаха. Его крови. Его спермы. Я не могу этого терпеть. Оставь меня в покое. Отвали от меня!

Я бросилась вперед. У меня не было четкого плана, когда я бежала по грязному полу в маниакальном порыве, его спасти. Спасти своего Кролика так же, как он спас меня.

Я не раздумывала, когда встала у него на пути и обхватила ладонями его лицо. Не раздумывала, когда встала на цыпочки и заглянула ему в глаза. И я не раздумывала, когда подалась вперед и прижалась губами к его рту.

Я замерла и, впившись губами ему в губы, поглощала его крики и глотала его боль. Губы Кролика были мягкими. Кожа горячее. Кролик застонал. Его губы зашевелились, словно борясь с моим прикосновением. Но потом сдались. У него из горла вырвался вымученный звук, и он сдался под напором моего рта. Сдался моему прикосновению.

Сердце чуть не выскочило у меня из груди, когда его губы задвигались под моими губами. Сквозь меня яркими вспышками проносились образы, возникшие где-то в глубине

моего сознания. Я, ещё маленькая, в своей спальне. Кролик на полу у стены моей комнаты... ему больно, он плачет.

И я его поцеловала. Поцеловала, чтобы избавить его от боли. В замешательстве от пронесшегося у меня в голове образа я распахнула глаза. Я не знала, когда это было. Не знала, было ли это вообще. Но не успела я об этом подумать, как Кролик прорычал мне в рот:

— Куколка.

И толкнул меня назад. Он пожирал губами мой рот, мои руки соскользнули с его щек и побежали вниз по мышцам его груди.

— Кролик, — прошептала я, поймав его взгляд.

Его зрачки потемнели и расширились.

— Его запах, — произнёс он, опершись руками о стену и пригвоздив меня к кирпичной кладке. — Его гребаный запах... его дыхание. Я весь в нем. Я, бл*дь, весь в нем с ног до головы!

Он провёл ладонью по волосам и скользнул вниз по крови у себя на шее.

— Мне нужно от него избавиться. Мне нужно очиститься от этого. Нужно, чтобы его запах и дыхание убралось на хрен с моего тела и из моей головы.

Слезы с ещё большей силой потекли у меня из глаз. Я пробежала руками по его груди.

— Куколка, — прорычал он. Он оскалил зубы, и впился в меня безумным взглядом. — Отвали от меня. Отвали от меня на хер!

Но я этого не сделала. Я наклонила подбородок и уставилась на него. Я усерднее задвигала руками. Наполняя его кожу *своим* запахом, отдавая *своим* дыханием.

— Моё, — бросила я, скользнув ладонями к его бедрам. Опустив руки ниже и коснувшись его промежности.

— Мой запах, — сказала я, рывком расстегнув пуговицу у него на брюках.

Кролик приблизился ко мне, его левая рука нависла над моим горлом. Его дыхание щекотало мне ухо, по коже пробежал острый наперсток. Кролик царапнул зубами мое плечо. Я обхватила его рукой за шею и притянула к себе.

— Мое дыхание на твоей шее.

Я расстегнула его брюки и сбросила их на пол. Кролик запрокинул голову, а затем прижался лбом к моему лбу.

Потянувшись вперед, я сжала рукой его эрекцию и приблизилась губами к его уху.

— Мой член, — произнесла я.

Кролик ударил кулаком по стене рядом с моей головой и зарылся лицом мне в шею.

— Вбери в себя мой запах.

Он толкнулся мне в ладонь твердым, набухшим членом.

— Возьми мое дыхание. Возьми моё прикосновение, — я прикусила губу и произнесла. — Возьми меня.

Кролик сорвался. С утробным рычанием он потянулся вниз и задрал мне юбку. Его требовательные руки нашли мои кружевные трусики, совсем промокшие от недавнего созерцания его бесподобной расправы. Стянув с меня трусики и бросив их на пол, он потёрся щекой и губами по моей шее, по лицу, по груди. Его пальцы пробежали по моим складочкам, и я запрокинула голову к стене.

— Кролик, — застонала я, скользнув руками по его волосам и сжав в пальцах черные пряди.

Ощувив у себя на коже его прерывистое дыхание, я улыбнулась.

— Ты ко мне прикасаешься.

Он громко застонал и вжался в меня пахом.

— Ты забираешь его запах и дыхание.

Кролик поднял голову и заглянул мне в глаза. Он замер. Я замерла. По его лицу размазалась кровь Кота. Его глаза вспыхнули, и я поняла, что кровь теперь и у меня на

лице. Затем он бросился на меня. Он потянулся вперед и стремительно развязал ленты у меня на корсете. Мои груди вырвались наружу, он взревел и обхватил мои бедра своими крепкими руками. С силой, свойственной только моему Кролику, он поднял меня с пола и закинул мои ноги себе на пояс. Я вскрикнула, когда он откинул юбку моего платья и приставил свою плоть к моему входу. Он посмотрел мне в глаза и плотно стиснул челюсти. Я помотала головой, услышав у себя в голове голос Эллис.

«Они меня связывали. Они врывались в меня против моей воли. У меня сильно болело между ног. Я постоянно чувствую их у себя между бедер...»

— Уходи! — прошептала и зажмурила глаза.

Мне не нравилось то, что твердил у меня в голове голос Эллис. Мне хотелось очистить ее от прикосновений тех нехороших мужчин. Мне хотелось, чтобы Кролик убрал этих мужчин у меня между ног.

— Твой запах, — сказала я, почувствовав, как Кролик застыл без движения.

— Твое дыхание, Кролик. Прикоснись ко мне... Сотри их с моей кожи... с кожи Эллис, — опомнилась я. — Забери их из тела Эллис.

— Куколка.

Кролик вошел в меня. Я закричала, царапая голую спину Кролика и ощущая, как он заполняет меня своим напряженным членом. Он с силой ударил одной рукой по стене, а другой сжал моё бедро.

— Куколка, — снова зарычал он, погружаясь в меня на всю его длину.

Я кричала. Кричала, закрыв глаза и отгоняя прочь прикосновения того мужчины. Мужчины, который всегда уводил Эллис. Мужчины, который всегда делал ей больно. Который всегда говорил...

— Трахни меня, — приказала я, выпалив требование того нехорошего мужчины, как своё собственное. — Трахни меня, Кролик. Смой их запахи.

Я лизнула ему шею.

— Отбери у них силу.

С криком боли Кролик придавил меня грудью. Непрерывно двигаясь внутри меня, он прижался своей кожей к моей коже. Он скользил щекой по моей щеке, губами по моим губам. Он жадно вдыхал меня, а я вдыхала его, а затем он начал вколачиваться в меня. Он резко двигал бедрами взад-вперед и заполнял меня своим членом. Вытесняя из Эллис член того плохого мужчины.

Я впилась ногтями ему в спину.

— Кролик, — пробормотала я, когда у меня в руках и ногах начал пробуждаться трепет того блаженства, которое охватывало меня, когда я трогала себя между ног.

— Куколка, — выдохнул мне в шею Кролик. — Моя Куколка... моя. Ее запах. Ее вкус. Ее дыхание. Ее киска.

Он увеличил скорость. Увеличил ее настолько, что я закатила глаза и разлетелась на кусочки, все части моего тела стали такими легкими, что мне показалось, будто я парю в воздухе.

Кролик издал долгий, низкий и надсадный рёв, потом излился в меня, полностью заполнив меня собой. Весь Кролик. Мой Кролик. Мой Кролик, его Куколка.

Кролик крепко держал меня, прижимая к стене своим телом. Я прильнула к его липкой коже, и мои губы растянулись в улыбке. Он откинул голову и посмотрел мне прямо в глаза.

— Моя сперма, — шепотом сказал он.

Когда он потянулся между нами, вынув из меня свой член, у меня по спине пробежала дрожь. Я застонала от чувства потери. Его пальцы пробежали по тому месту, в котором он только что находился.

— Твоя сперма.

— Кролик, — тихо сказала я и, с трудом шевеля ногами, коснулась нетвёрдыми ступнями пола.

Как можно медленнее я провела руками вверх по его скользкой от крови и пота груди.

— Я прикасаюсь к тебе.

У Кролика из груди вырвался долгий, мучительный вздох.

— Я прикасаюсь к тебе, Куколка, — сказал он, потянувшись вперед и обхватив ладонями мои груди.

У меня на глаза набежали слезы. Прикасается ко мне. Мой Кролик наконец-то ко мне прикасается. Я так долго этого ждала, запертая в комнате с множеством дверей, слишком большая, чтобы войти в Страну Чудес, чтобы быть с ним. Чтобы следовать за ним.

— Нам надо идти, — произнес Кролик, не переставая скользить руками по моему телу.

Я тоже не могла оторвать от него рук. Он поцеловал меня в середину ладони. Затем отстранился и твердо сказал:

— Мы должны идти, — он приподнял бровь. — Нам предстоит совершить еще больше убийств. Уничтожить еще больше плохих людей.

Жар спиралью закрутился у меня в животе и устремился мне между ног.

— Да.

Я подняла руку к его карману и вытащила оттуда колоду карт.

— А-ха! — воскликнула я, отыскав в ней нарисованное карандашом лицо Чеширского Кота.

Я отошла от Кролика. Я провела картой с Чеширским Котом по щекам Кролика и, пока он неотрывно глядел на меня замороженным взглядом, сунула свободную руку в карман своего платья. Я открыла зубами тюбик губной помады и, войдя в кровавое месиво, приблизилась к распластанному на полу Коту.

Стерев с его лба кровь, я коснулась губной помадой его посеревшей кожи. Высунув от напряжения язык, я старательно вывела прямо на его лице надпись «БОЛЬНЫЕ УБЛЮТКИ».

— Плохая, плохая киса, — с укором произнесла я.

Любуясь улыбкой, которую вырезал на его лице Кролик, я просунула карту ему между зубов.

— Четверка червей.

Я выпрямилась и увидела, что Кролик за мной наблюдает. Он собрал с пола свою одежду, но я знала, что все это время он не сводил с меня глаз.

Никогда не сводил.

Как мне и хотелось.

Я повернулась к нему лицом.

— Мне понравилось прикасаться к тебе, Кролик.

Его взгляд пробежал по моему запачканному кровью телу, а затем взметнулся к моим глазам.

— Мне тоже нравилось прикасаться к тебе, милая Куколка.

Я улыбнулась и пошла к нему. Я провела ладонью по его руке и сплела вместе наши пальцы. Мы оба уставились на наши сцепленные руки.

— Думаю, нам всегда нужно прикасаться, Кролик.

— Да, — хриплым и надтреснутым голосом произнес он.

— Так никто из нас не потеряется в Стране Чудес.

Он медленно поднес к губам наши сцепленные руки и, поцеловав мои пальцы, сказал:

— Как пожелает моя дама.

Смех заклокотал у меня в груди и выплеснулся в спёртый воздух подвала. Он выпустил мою ладонь и затянул ленты у меня на корсете. Когда они были полностью

завязаны, он взял меня за подбородок и наклонился ко мне для поцелуя. Соприкоснувшись со мной губами, он сначала поморщился, но потом расслабился.

Оторвавшись от моих губ, он легонько постучал по нарисованным у меня на лице римскими цифрам.

— Пора уходить. Мы ведь не хотим опоздать.

11 глава

Куколка

«Согласно последним отчетам полиции, это уже второе из двух очевидно связанных между собой убийств. Близкие к полиции источники сообщили нам, что детективы называют преступников «Больными ублюдками». Похоже, это подпись убийц, оставленная розовой помадой на месте преступления. Обе жертвы — белые мужчины в возрасте пятидесяти лет. К ним также может иметь отношение еще одно убийство пожилой женщины в Далласе и похищение девушки, также из Далласа. На данный момент для установления личностей преступников нет никаких зацепок. Полиция просит общественность проявлять бдительность и немедленно сообщать о любых подозрительных проявлениях, замеченных в их районе. Мы вернемся сразу после рекламной паузы».

Я завизжала, глядя в телевизор, и подпрыгнула на диване.

— Кролик! — позвала я.

Кролик вышел из ванной. Вокруг бедер у него было обернуто полотенце, а еще влажная после душа кожа блестела от воды. Мои глаза скользнули по его телу. Теперь я знала, каково его чувствовать, ощущать его на вкус.

Он подошел и встал за диваном, его рука коснулась задней части моей шеи, удерживая меня на месте. С тех пор, как мы покинули дом Чеширского Кота, он прикасался ко мне, когда только мог. И я тоже к нему прикасалась.

Он погладил заднюю часть моей шеи, и тут женщина в телевизоре снова заговорила.

«Помимо имён убийц, источники сообщили нам о том, что на каждом теле были обнаружены нарисованные от руки игральные карты. На первой жертве, в Далласе, — дама червей; на второй, в Амарилло, — тройка червей; и на месте последнего убийства — четверка червей. Мы будем держать вас в курсе развития событий».

— Видишь, Кролик? — я посмотрела на Кролика, который не отрывал взгляда от телевизора.

Он кивнул, но ничего не сказал. Только гладил меня по шее.

После нашего последнего убийства Кролик вызвал полицию. Он хотел, чтобы полиция Страны Чудес знала, что Чеширский Кот, наша четверка червей, мертв.

— Кролик, они о нас знают! — радостно закричала я. — Они знают, кто мы такие!

Кролик выпрямился, взял у меня из рук пульт и выключил телевизор. Я нахмурилась.

— Я же смотрела!

— Тебе нужно принять душ.

Кролик взглянул на мое платье и в отвращении скривил губы. После убийства Кота я так и не переоделась. У меня на коже все еще была его кровь.

— Хорошо.

Я вскочила с дивана и, покачивая бедрами, направилась к двери. Я знала, что мой Кролик будет смотреть. Пока я шла в ванную, я слышала его низкий гортанный рык.

Я быстро вымылась. В душевой поддон стекала кровь, смешиваясь с косметикой, которая пережила убийство и единение с Кроликом. Выйдя из душа, я завернулась в полотенце и расчесала свои длинные светлые волосы. Моя кожа стала свежей и чистой. Я накинула на себя ночную рубашку и вышла из ванной. Кролик сидел на кровати, одетый в пижамные штаны. Он держал в руке нож... и вся его грудь была в порезах, из которых текла кровь, снова пачкая его чистую кожу.

— Кролик.

Я дернулась вперед. Он поднял голову. Его рот был закрыт, губы плотно сжаты. Пристально глядя на меня, он продолжал резать себе грудь.

— Кролик... Что ты делаешь? — спросила я, когда его кровь пролилась на белое постельное бельё.

Кролик ничего не ответил. Вместо этого он взял с прикроватного столика ручку. Он щелкнул ею, и когда из нее полились чернила, распределил их по порезам, втирая чернила в раны. Я бросилась к нему и запрыгнула на кровать.

— Кролик! Что ты делаешь?

Мое сердце бешено колотилось от волнения.

Когда чернила впитались, Кролик зашипел. Взяв полотенце, которое раньше было у него на бедрах, он вытер кровь и чернила со своей татуированной груди. Когда он отёрнул полотенце, я открыла рот и задохнулась от изумления.

— Кролик..., — прошептала я. — «Больные ублюдки».

Я протянула руку, и моя ладонь зависла над вырезанными у него на груди словами, над словами, которые на этот раз, я очень быстро прочитала. Из букв просочились капли крови. Недолго думая, я провела пальцами по теплой жидкости.

Когда я это сделала, Кролик перестал дышать. Его зрачки расширились, а глаза следили за кончиками моих пальцев. Его ноздри раздувались, дыхание участилось, и я застыла с замершими в воздухе пальцами. Я взглянула вниз и увидела, как он сделался твердым под пижамными штанами.

Ему понравился вид его крови на моей коже.

Удерживая его внимание, я потерла кровь между кончиками пальцев, чувствуя, как она впитывается в мою кожу. Он застонал. Пока я терла пальцы друг о друга, с них стекло еще немного крови, она сбегала вниз по моей руке прямо к запястью. Я поднесла руку ко рту и слизнула скользкую каплю.

Кролик зашипел. Мои глаза метнулись к его лицу. Шея Кролика напряглась. Руки сжались в кулаки. Затаив дыхание, я подхватила пальцем еще одну каплю и провела им по губам. Его грудь поднималась и опускалась. Наклонившись вперед, я остановилась всего в сантиметре от его лица и облизала губы. Я закрыла глаза. Теперь у меня во рту находилась частичка Кролика. Я вобрала в свою душу его кровь, его жизненную силу.

Я почувствовала, как по моему лицу пробежало что-то острое, а шею обхватила рука. Улыбнувшись, я открыла глаза. Кролик стоял передо мной, его твердая грудь была измазана кровью и чернилами. Наклонив голову, он не отрывал немигающих глаз от моей шеи... от моего колотящегося пульса.

— Маленькая Куколка, — произнес он таким низким голосом, что я почувствовала, как он проникает прямо мне в кости.

Кончик его наперстка пробежал по моей вене и проследовал по передней части горла. Когда холодный металл коснулся моей кожи, у меня мучительно заныла грудь.

— Так легко вскрыть, — прошептал он и провёл языком по моей ушной раковине.

— Я вижу твои вены, Куколка. Я вижу, какие они голубые на фоне твоей бледной кожи. Я вижу, как бьется и подрагивает на твоей шее пульс, — он вдохнул аромат моей свежесмытой кожи. — Он зовет меня.

Кролик улыбнулся у моей шеи.

— Он велит мне попробовать тебя на вкус, как ты попробовала меня.

— Да, — прошептала я и выгнулась ему навстречу.

Когда мы с ним соприкоснулись, я почувствовала исходящее от его кожи тепло. Его наперсток уперся мне в шею. Прищурившись, он внимательно рассматривал мою кожу.

— Ты искушаешь меня, милая, — произнёс он, растягивая слова и плавно скользя носом вслед за наперстком.

Его язык жадно ласкал мою кожу. Я застонала от того, что он так близко... и хочет моей крови. Крови, которую он жаждет попробовать.

— Я всегда хотел ощутить во рту твою кровь, чтобы она стекала по моему горлу.

В нежном поцелуе он прижался губами к моему пульсу. Я задрожала.

— Ты заморозила меня с первого же момента, как я тебя увидел. Не своей улыбкой, не глазами, а шеей и венами. Трепещущим пульсом и бледностью твоей кожи. Моя маленькая Куколка. Моя ожившая Алиса из Страны Чудес.

— Кролик, — хрипло произнесла я и выгнула спину, почувствовав, как он обхватил рукой мое горло и начал сжимать.

— Когда я слегка надавливаю, как сейчас, твои вены вздуваются. Они умоляют, чтобы их вскрыли, — он усилил хватку. — Твоя кровь вызывает ко мне. Умоляет меня вкусить тебя так, как я хочу. Как всегда хотел.

— Сделай это, — попросила я, запрокинув голову и подставив ему свою шею.

— Ммм, — пробормотал Кролик.

Он убрал руку от моей шеи и расстегнул пуговицы у меня на ночной рубашке. Кожи коснулся витающий в комнате влажный воздух. Когда мое тело обнажилось, я поджала губы. Ткань раскрылась, он повел меня к кровати. Он склонился надо мной, оседлав мои бедра. Его руки упирались в матрас с обеих сторон от моей головы. Пока серебряные глаза Кролика блуждали по моему телу, я увидела, как из вырезанной у него на груди буквы «И» просочилась случайная капелька крови. Она скатилась вперед к основанию его шеи. Я приподнялась и поймала каплю ртом. Нависающий надо мной Кролик застонал и, положив руку мне на горло, резко прижал меня к матрасу. Я поймала его взгляд и порывисто выдохнула, увидев, что его глаза превратились из голодных в совершенно безумные.

— Попробуй меня на вкус.

Я толкнулась в него своей грудью и потерлась ею о его грудную клетку.

— Вкуси меня... Сделай меня своей целиком и полностью. Овладей мной, — я посмотрела ему прямо в глаза. — Твоя Куколка. Завладей своей Куколкой.

Я улыбнулась.

— Кролик и Куколка... навсегда.

Кролик зарычал. Он осторожно провёл кончиком наперстка по вене у меня на горле. Я еле сдержала крик, когда холодный металл нежно надрезал мою плоть. По моей шее заструилась теплая кровь. Я взглянула на Кролика. Он смотрел на мою кровь, как на самое вкусное угощение, какое он только видел.

— Куколка, — прохрипел он и осторожно провел рукой по моим волосам.

Он заглянул мне в глаза. Его рука опустилась мне на щеку, и я затаила дыхание.

Мне хотелось отдать ему свою кровь.

Жизненный сок Куколки.

Глубочайшая потребность Кролика.

Взгляд Кролика стал тяжелым. Затем, когда я почувствовала, как капля скатилась мне на плечо, Кролик наклонился вперед и провел кончиком своего языка по соскользнувшим каплям. Я застонала от ощущения его горячего языка, который пробежал по моему плечу, затем по основанию шеи и, в конце концов, навис над крошечным разрезом, проделанным Кроликом.

Его язык порхал по моей вене вперёд-назад. Обхватив рукой мою шею, он прижал меня к матрасу, мои ноги беспокойно задвигались на кровати. Я открыла глаза и тут же столкнулась с пронзительным взглядом Кролика, который наблюдал за мной, упиваясь моей кровью. Наблюдал, как я выгибалась к нему всем телом, чтобы коснуться его грудью и поймать кровь, сочившуюся из его недавно вырезанной татуировки.

Я застонала от того, как он посасывал мою кожу, и вскрикнула от пронзившей меня боли. Я погрузилась руками ему в волосы. Кролик шумно выдохнул. Затем он отпрянул, перестав терзать мою кожу. Я устремила свой взгляд на его губы. Они были ярко-красными, измазанными в крови. И он улыбался. Я провела пальцем по его губам, и на нем осталась моя кровь. Пристально глядя Кролику в глаза, я поднесла палец к своему рту.

Я почувствовала, как у меня на шее напряглась его рука. Я высунула язык и слизала кровь с пальца. Этого оказалось вполне достаточно, чтобы Кролик обрушился на мои губы и с жадностью стал меня целовать. Его язык ворвался мне в рот, и я вскрикнула от потрясения. Кролик меня целовал. Он отвечал на мои поцелуи. На самом деле. Сквозь наши сомкнутые губы я ощутила его потребность во мне.

— Куколка, — прошептал он мне в губы.

Его рот скользнул по моей щеке, втирая кровь губами мне в кожу. И он меня целовал. Двигаясь по моей шее и по надрезанной коже, он провёл наперстком вниз по моей груди. Я почувствовала внезапный щипок, и Кролик проколол кончиком наперстка сосок моей левой груди. Его рука оторвалась от горла и сжала мне грудь, отчего на соске выступила капелька крови. Зарывав, Кролик обхватил губами мой сосок. Его язык порхал по моей коже, забирая всё больше крови.

Он дёрнулся к другой груди и проделал то же самое. Сместившись вниз, он оставлял укол за уколом у меня на животе и далее на бедрах, прижимаясь губами к каждому порезу.

Лакая.

Облизывая.

Выпивая меня до капли.

Он перебрался ко мне между ног и провел кончиком наперстка по моему внутреннему бедру. Когда я посмотрела на него, у меня перехватило дыхание. Он закусил зубами нижнюю губу, устремив на меня свой прожигающий взгляд. Я захныкала, почувствовав, как по напряженной плоти у меня между ног скользит его теплое дыхание.

— Кровь — это цвет сердца, — сказал он хриплым и надтреснутым голосом.

Его наперсток двигался все ближе и ближе к центру у меня между бедер. Он следил за медленными движениями наперстка, оставляющего на моей нежной коже белые линии, из которых, казалось, вот-вот хлынет кровь. Он прижался губами к правому бедру, задев щекой мои складочки. Он прихватил нежную плоть зубами, а затем отпустил, облизав укушенное место.

— Красный, цвет крови.

Он повернулся к другому бедру и снова меня укусил, сняв языком боль, оставшуюся от его зубов.

— Красный означает «стоп». Красный означает опасность, — произнёс он и взглянул на меня; на его лице застыла сногшибательная зловещая улыбка. — Это жидкость, дарующая и отбирающая жизнь.

Кролик смазал кровь из проделанных им ранок, и ласково провёл ею по моей бледной коже.

Затаив дыхание он смотрел на то, как кожа окрашивается в красный цвет.

— Это договор, заключённый с самим дьяволом, — он поднял голову, заглянув мне в глаза. — Договор, который ты заключаешь со мной.

Наперсток Кролика устремился вверх. Острый кончик балансировал на грани, вынуждая меня безраздельно ему доверять.

Я доверяла. Я всегда доверяла своему Кролику.

— Дьявол будет лгать, — он поцеловал внутреннюю сторону моего бедра. — Он будет обманывать.

Кролик приблизился к моей ноющей плоти, он скользил губами вверх и в сторону, пока не коснулся щекой места у меня между ног, от чего я совсем утратила чувство реальности.

— И он будет лукавить.

Он придвинулся еще ближе, и я заёрзала на кровати, остро нуждаясь в том, чтобы он меня взял. В том, чтобы он снял напряжение, возникшее во мне от его прикосновения. Его взгляд смягчился.

— И он убьет и преодолеет любые расстояния, чтобы добраться до той, кто держит в своей ладони его прогнившее черное сердце.

— Кролик, — прошептала я, и мои глаза наполнились слезами.

— Он убьет любого, кто причинит ей боль, только чтобы сделать ее своей. Он расправится с каждым, кто встанет у него на пути, — произнес он, и его глаза вспыхнули чем-то настолько темным, что, казалось, затмили тусклый свет лампы. — Через кровь он пробудит в ней то, что дремало в ее душе. Тьму, что скрывалась в ней долгие годы, сонно ожидая момента, чтобы вырваться. Появиться на свет.

Я вскрикнула, почувствовав, как он проколол кожу в самом верху моего бедра. Я посмотрела вниз и увидела кровь у меня между ног.

Кролик высунул язык. Одним плавным движением он облизал мою ноющую плоть снизу вверх.

— Кролик! — закричала я от волны удовольствия, захлестнувшей меня от его прикосновения и прошедшей сквозь мои кости.

Я закрыла глаза, но Кролик тут же сказал:

— Открой!

Мои веки распахнулись. Он облизал губы.

— Смотри. Смотри, как я упиваюсь тобой. Как от моего прикосновения рвется твоя кожа, и твоя кровь пачкает мой рот.

Я молчала; острая потребность и неодолимое желание лишили меня голоса. Глаза Кролика потемнели.

— Ответь мне, маленькая Куколка. Ответь дьяволу, отнимающему у тебя свободу своим кровавым договором.

— Да, Кролик.

Моя кожа пылала в ожидании, когда он приведет меня к свету, который мог явить мне только мой Кролик.

С диким рыком он опустил голову мне между ног и стал лизать меня языком. Он лизал и лизал, вбирая в рот и жадно глотая мою кровь. И я закричала. Я вопила и кричала, пока он меня пил.

Я изо всех сил схватила его за волосы и застонала, почувствовав, как его язык задвигался быстрее, как он пьет из меня и пьет. У меня покраснелась кожа — кровь под ней неслась быстрее, чем та, что струилась из проколов и надрезов, сделанных Кроликом.

— Возьми её.

Щеки вспыхнули от обдавшего меня жара, когда по всему телу пробежала дрожь удовольствия.

— Возьми ее, — приказала я.

Зарывав, Кролик прижался губами к моей плавящейся плоти, его язык проскальзывал в меня все глубже и глубже. С каждым надрезом его острого наперстка, во мне нарастала и нарастала волна удовольствия, словно гроза в знойный день, готовая вспороть небеса и принести долгожданное облегчение в виде грома, молнии и дождя.

Кролик приблизил наперсток к бугорку моей изнывающей плоти. Он так легко надавил острым кончиком, что едва меня коснулся, но этого оказалось достаточно, чтобы я разлетелась на части. У меня из груди вырвался крик, я дёрнула его за волосы, и зажмурила глаза. Кролик стал посасывать и пить из нового прокола, и, помотав головой, я почувствовала, как сквозь меня хлынул поток наслаждения. Он шел и шел, словно ливень, несущийся по засушливым землям. Кролик лизал и лизал до тех пор, пока я совсем не обессилила.

Я оттолкнула его голову. Хватая ртом воздух, я ударились спиной о матрас, между грудей пробежал пот. Бусинки пота смешались с каплей крови и скатились мне на живот. Кролик рванулся вперед, словно в атаку, и его губы опустились на розовую каплю. Задышавшись, я замерла, он встретился со мной взглядом и сглотнул.

И мы не двигались. Мы так и застыли. Прерывисто дыша, Кролик смотрел на меня, досыта напившись моей крови.

Я вложила ему в руки свою жизнь.

Отдала ему власть над жизнью и смертью.

Он глубоко выдохнул.

— Ты дала мне свою кровь.

Он поморгал, будто не мог поверить, что я позволила ему сделать со мной такое. Дрожащей рукой я провела ему по лицу. Кончиком пальца я погладила по татуировке в виде пики у него на щеке, и с губ Кролика сорвался стон.

Затаив дыхание, он ждал, когда я заговорю. И я сказала:

— Теперь моя очередь.

У Кролика приоткрылись губы и распахнулись глаза, но когда до него дошёл смысл моих слов, он медленно прикрыл веки. Из его груди вырвалось низкое урчание, и он пополз по мне. Ни на секунду не отрывая от меня глаз. У меня заколотилось сердце. Лицо Кролика приблизилось к моему, его губы, щеки и подбородок были темно-красного цвета. Зубы вымазаны кровью.

Наклоняя голову то в одну, то в другую сторону, Кролик внимательно разглядывал мое лицо. Я подняла руку к его груди и провела пальцами по кровотокающей татуировке.

— Больные ублюдки, — прошептала я, прочитав вслух слова.

Слова, которые я могла прочитать. Слова, которые я написала розовой помадой на лбу Чеширского Кота.

Слова, которые теперь навсегда врезались в плоть Кролика.

Мои пальцы устремились вверх, пока не застыли на бьющемся у него на шее пульсе. Кончиком пальца я легонько постучала по его вене в такт её биению. Глаза Кролика потемнели.

— И что же ты будешь делать, маленькая Куколка?

Нахальный Кролик дразнил меня, и я почувствовала, как от тона его голоса у меня запульсировала плоть. Прищулив глаза, я потянулась к приставному столику. Не глядя, я нашла ладонью знакомую рукоятку из слоновой кости. Я подняла нож, и Кролик порывисто втянул носом воздух, когда лезвие замерло в узком пространстве между нами. Я приставила кончик ножа к его сердцу. Услышав его частый ритм, я растянула губы в ухмылке и пропела:

— Тик-так... тик-так... тик-так...

Кролик закатил глаза. Затем я провела ножом вверх. Я царапнула ему кожу, кончик холодной стали пробежал по его кровотокающей татуировке. Глаза Кролика распахнулись и безмолвно сказали мне, что он жаждет боли.

Мой Кролик любил боль.

Нож остановился у вены, на которой по-прежнему лежал мой палец. Губы Кролика изогнулись в ожидании. Очень осторожно я вонзила кончик ножа ему в кожу, прямо в татуировку в виде часов, глядя на то, как кровь вырвалась на поверхность и стекла по его шее. Я заворожено следила за тем, как она крадучись пробежала по его татуировкам и, не удержавшись на коже Кролика, упала мне на грудь. Он сильнее прижался членом к моему бедру. Зная, что он за мной наблюдает, я подхватила каплю пальцем и поднесла ее ко рту.

— Ммм, — пробормотала я.

Щеки Кролика вспыхнули, дыхание стало частым и сбивчивым. Короткими, медленными движениями Кролик стал толкаться пахом мне в бедро. Облокотившись свободной рукой на матрас, я приподнималась над кроватью, оказавшись всего в сантиметре от его лица.

— Восхитительно.

Кролик обхватил меня за затылок. Поджав губы и не отводя от меня тяжелого взгляда, он приказал:

— Пей...

Он прижал мою голову к своей шее.

— Пей меня.

Победно улыбнувшись от того, что получила именно тот ответ, который хотела, я вдохнула его запах, затем высунула язык и попробовала его кровь. Кролик застонал и сильнее привлёк меня к своей шее. Я позволила ему меня контролировать и, крепче прижавшись губами к надрезу, стала потягивать его кровь.

Мне нравилось, когда он меня контролировал.

Кровь лилась мне на язык и стекала по горлу. Пока я пила, Кролик все быстрее и быстрее терся пахом о мою ногу. Потом я остановилась. Я вырвалась из его хватки и отклонила голову в сторону.

Я знала, что моему Кролику нравится, когда я пытаюсь сопротивляться.

В ту же секунду он впился горячим ртом в надрез у меня на горле, и он стал пить мою кровь так же, как я пила его. Я опустила руку и скользнула ею за пояс его штанов. Не отрывая от него губ, я взяла в ладонь его член, и Кролик сдавленно зарычал, когда я стала водить по нему рукой вверх-вниз. Мы пили и пили, и я стонала и стонала. Через несколько секунд Кролик запрокинул голову и с низким рыком кончил. Он излил мне в руку, и я гладила его, пока он не отстранился.

Я откинула назад голову и обнаружила, что Кролик внимательно на меня смотрит. Вдруг он встал с кровати и достал что-то из сумки. Когда он вернулся, то держал в руке флакон, похожий на тот, что висел у меня на шее. Я затаила дыхание и сжала в кулаке заветный пузырёк, который никогда не снимала. Тот самый, в котором хранилось снадобье, сделавшее меня маленькой. На котором была надпись «Выпей меня».

Кролик встал коленями на кровать и вынул из флакона пробку. Не говоря ни слова, он поднес флакон к моей шее и наполнил его кровью. При мысли о том, что он хочет, чтобы моя кровь всегда была рядом с ним, у меня бешено заколотилось сердце и заныло в груди.

Он отступил и встретился со мной взглядом. Я взяла за привязанную к флакону черную ленту, и надела его ему на шею.

— Кролик, — прошептала я, когда он потянулся ко мне, чтобы развязать ленту, на которой висел мой флакон.

Он вытащил пробку, и выплеснул на пол голубую жидкость.

— Кролик! — отчаянно закричала я.

Я в панике потянулась к нему, но Кролик схватил меня за руку и сунул в нее пузырёк.

— Тебе это теперь не нужно, маленькая Куколка. Моя кровь — это все, что тебе когда-либо понадобится.

Я сглотнула и вгляделась ему в лицо.

— Правда?

Он кивнул.

— Если тебе нужно будет уменьшиться, она сделает тебя маленькой. Если увеличиться — то большой, — он наклонился, приблизившись губами к моему уху. — И она придаст тебе силы, если ты устанешь.

У меня округлились глаза. Она что, сильнее, чем голубой напиток? Я рванула флакон к груди, затем поднесла его к сочащейся ране у него на шее. Пока кровь заполняла флакон, внутри меня росло возбуждение. Когда всё было сделано, Кролик взял у меня стеклянный пузырёк, засунул в него пробку и надел ленту мне на шею. Я подняла руку и потрогала флакон — он был теплым.

Кролик взял с матраса мой нож, и одним быстрым движением полоснул им по ладони. Он сжал кулак, и кровь закапала на белье.

— Руку, — произнес он.

Я немедленно протянула ему свою. Кролик уставился на меня. Таким же стремительным движением он разрезал мою ладонь. Я зашипела от острой, жгучей боли.

Кролик наклонился и погладил меня по щеке своей окровавленной рукой. Его губы слегка изогнулись, как будто он улыбался. Потом он схватил меня за руку и, сжав вместе

наши ладони, поднял их вверх. Я не могла отвести глаз от этого зрелища, и почувствовала тепло от нашей с ним смешавшейся крови. Кролик наклонил голову и провёл носом по моему лбу.

— Договор, подписанный кровью, — сказал он и вдохнул аромат мятного шампуня, оставшийся на моих недавно вымытых волосах. — Твой договор со мной... говорит о том, что теперь ты принадлежишь мне. Моя милая Куколка, твоя кровь слилась с моей. Твоя кровь течет вместе с моей по моим венам, отдавая мне твой свет.

Его нос скользнул вниз по моей щеке, и Кролик победно улыбнулся.

— А моя кровь теперь течет по твоим. Моя тьма... моя почерневшая душа пачкает твою, переманивая тебя на мою сторону. Моя Куколка... после всех этих лет, моя. Покорившаяся моей воле.

— Да, — мечтательно произнесла я, находясь во власти его слов, околдованная тем, что он так близко, кожа к коже, и мы связаны с ним кровью.

Я улыбнулась и посмотрела на глядящего на меня сверху Кролика.

— Всегда одно целое.

Стоя лицом к нему и не размыкая наших рук, я толкнула его на кровать.

Мои глаза скользнули по запачкавшей мои руки крови, и внезапно у меня внутри всё сжалось. На меня потоком обрушились образы, и я закрыла глаза. Я замотала головой, увидев то, чего мне совсем не хотела видеть...

— *Свяжите её. И сделайте всё до того, как она устроит чёртово представление и привлечет ненужное внимание.*

Меня ударили по лицу, и у меня закружилась голова. Во рту появился привкус крови. Я поморгала и посмотрела налево, а затем направо; с обеих сторон на меня смотрело одно и то же лицо. Две одинаковых пары рук держали меня за запястья. Дядя Джефффри и дядя Сэмюэль. Меня пригвоздили к месту два моих дяди-близнеца. Я попыталась определить, в какой я комнате. Но она была мне незнакома. Где-то сзади открылась дверь, и я услышала шаги. Но у меня в голове всё плыло. Мой папа дал мне чашку чая. Но от чая у меня закружилась голова. Из-за этого у меня в голове все перемешалось, и я никак не могла сфокусировать взгляд.

— *Не отпускайте ее.*

Я посмотрела вниз на свои ноги и увидела, что там стоит мой папа.

А потом я увидела его. Ко мне подошел дядя Джон, и я вздрогнула. Я не любила дядю Джона. Он приходил за мной каждую ночь. Мне не нравилось, что он делал со мной в комнате напротив, куда раньше отводили Хитэна.

До того, как его от меня увезли.

Мои глаза наполнились слезами, когда я представила себе его лицо. Когда я представила его глаза. Представила себе...

— Ты, вроде, сказал, что ей что-то там вкололи или типа того? — сказал моему папе Дядя Джон.

Откуда-то появилась его рука и погладила меня по голове. Я ненавидела его прикосновения. Я хотела отстраниться. Я пыталась, но дядя Джон резко повернулся ко мне и схватил меня за волосы. Он рывком запрокинул мне голову, чтобы мы оказались с ним лицом к лицу. Он наклонился. Он сделал это так, что мы соприкоснулись носами. Потом он меня поцеловал.

Его свободная рука скользнула к моему животу. Я почувствовала его ладонь на своей обнажённой коже. Я была голой. С замиранием сердца я посмотрела на удерживающих меня дядей-близнецов. На моего папу, разговаривающего в дальнем углу комнаты с каким-то мужчиной в белом... на дядю Джона, глядящего мой живот.

— Жаль, что ты не можешь её оставить, Эллис, — сказал он и ласково провел рукой по моим волосам. — Она была бы такой же красивой, как и ты. Светлые волосы. Голубые глаза... бледная кожа. Он закрыл глаза и улыбнулся.

У меня похолодело внутри.

— И она была бы моей. Я бы её растил. Она была бы полностью моей. Моей прелестной половинкой, Эллис.

Я не понимала, о чем он говорит. Я пыталась мыслить ясно, пыталась пробраться сквозь туман у меня в голове, но не могла.

— Не волнуйся, — успокоил меня дядя Джон, поцеловав в щеку. — Сейчас доктор избавит тебя от всего этого.

Я попыталась было что-то сказать, но он на меня шикнул. Меня охватила паника. Здесь что, доктор? Зачем сюда привели доктора?

Дядя Джон покачал головой и прижал палец к моим губам.

— Ты просто на некоторое время уснёшь. А когда проснешься, подобные вещи никогда больше не смогут с тобой произойти.

Он поцеловал меня в губы, я попыталась вырваться из крепкой хватки моих дядей-близнецов, но дядя Джефффри снова ударил меня по лицу, и я стукнулась затылком о стол, на котором лежала.

Они крепче сжали мне запястья, и я вскрикнула.

— Только представь, как весело мы потом сможем проводить время, — сказал дядя Джон.

К нему подошел мой папа и оттащил его за руку.

Сзади ко мне приблизилась какая-то женщина, и я посмотрела ей в глаза. Они были коричневыми. Её рот закрывала зеленая маска, а на руках были резиновые перчатки.

— Помогите мне, — успела прошептать я, не обращая внимания на катившиеся у меня с губ слезы.

В горле все пересохло, язык, казалось, распух во рту. Но она отвернулась и взяла что-то в руку. Потом я увидела надвигающуюся на меня маску. Женщина прижала ее к моему лицу... я вдохнула, и комната завращалась...потом все стало черным.

Когда я проснулась, то уже была в своей комнате. Я попыталась пошевелиться, чтобы встать с кровати. В голове царил полная неразбериха. Но когда я попробовала пошевелиться, мой живот пронзила жуткая боль.

— Эллис, — раздался у двери тихий голос.

От обрушившейся на меня боли у меня задрожали губы. Ко мне подошла Миссис Дженкинс с чашкой чая в руке. Она села рядом со мной на кровать.

— Тсс, милая, — утешала меня она.

Я заплакала ещё сильнее.

— Миссис Дженкинс..., — прохрипела я; голос казался скрипучим, и у меня саднило горло. — Что произошло? У меня болит живот. Всё болит.

Миссис Дженкинс поднесла к моему рту чай.

— Сладкая, это «Эрл Грей». Ваш любимый.

Я не хотела пить чай. Мне всегда хотелось чая, но не сейчас. Но Миссис Дженкинс не оставила мне выбора. Она залила его мне в рот. Она заставила меня выпить все. Я проглотила горячую жидкость, и моему горлу стало лучше.

После того, как я выпила весь чай, у меня начали слипаться глаза. Миссис Дженкинс прислонила руку к моему лбу. Я уже почти спала, но еще слышала, как миссис Дженкинс поставила на тумбочку фарфоровую чашку. Почувствовала, как она сдвинула вниз одеяло и прикоснулась к чему-то возле того места, где мой живот болел сильнее всего.

Все еще слышала, как она сказала:

— Шрам — это всего лишь небольшая плата за комфорт никогда не иметь детей, Эллис. Этому ребенку лучше не появляться на свет. Так будет лучше для вас обоих... лучше, что ты никогда больше не сможешь забеременеть...

У меня перехватило дыхание, и я вырвала руку из ладони Кролика.

— Я не могу дышать, — воскликнула я.

Я вскинула руку и потерла грудь. Но это не помогло. Тогда я стала царапать. Я царапала там, где было сердце. Оно билось слишком быстро.

— Куколка.

Кролик сел рядом со мной. Но мне нужно было встать с кровати. В распахнутой ночной рубашке я вскочила с матраса. Но по-прежнему не могла дышать.

«... У тебя никогда не будет детей, Эллис...»

Шрам... шрам... шрам...

Я закрыла глаза и прислонилась рукой к стене. Я ударила себя по голове, не в силах выкинуть из нее неприятные мысли. Не в силах прогнать эти голоса.

«Эллис... Эллис... Эллис... Почему они звали меня Эллис?»

У меня по груди струился пот. Я оттолкнулась от стены и заходила кругами, но голоса становились все громче. Дядя Джон... Дядя Джон... Голос дяди Джона...

«Кто такой дядя Джон?»

— Нет.

Я открыла глаза и, прислонившись к стене, помотала головой. Я скользнула ногтями по рукам и запястьям, царапая плоть. Я царапала и царапала, пока не пошла кровь. Я вся была в крови. В море крови. Моей. Кролика... *ребенка...*

— Нет! — закричала я и резко опустилась на пол.

Я обхватила руками голову и начала раскачиваться. Почему они звали меня Эллис? У Эллис был шрам.

У нее был шрам!

Я оторвала руки от головы и посмотрела вниз. Ночной рубашкой я стёрла с живота кровь, от чего белая ткань тут же окрасилась в красный цвет. Но потом я его увидела. Если бы я не присмотрелась, то никогда бы его не заметила. Он был едва различимым. Но я его увидела.

У меня был шрам...

Но Эллис... Это ведь у Эллис был шрам. Не у Куколки. У Куколки шрама не было. Плохие люди причиняли боль Эллис. Ее дяди-близнецы и дядя Джон... ее дядя Джон, самый отвратительный из них всех.

Эллис... ее имя зазвучало у меня в голове по-другому. Эллис... Закрыв глаза, я услышала, как это имя произносят разные голоса.

«Эллис... девочка», — сказал ее папа.

«Эллис...», — миссис Дженкинс.

«Эллис...», — мальчик, мальчик в шляпе. А затем:

«Эллис... это глупое имя...», — Хитэн.

Хитэн?

Я открыла глаза. У Хитэна был такой же голос, как и у моего Кролика.

«Кролик... Кролик... мой Кролик...»

Две руки обхватили меня за плечи, и я взглянула вверх.

— Эллис..., — выпалила я, и у Кролика побледнело лицо. — Эллис не может иметь детей.

Из моей груди вырвались рыдания.

— У нее был один, в животе. Но они его вырезали. Они вырезали из нее все. Ей больше не в чем вынашивать ребенка. Больше никакой крови каждый месяц. Они все это вырезали, — я подавилась криком. — Они оставили Эллис шрам...

Кролик ничего не сказал, но я почувствовала, как дрожат его руки у меня на плечах. Его бледное лицо стало ярко-красным.

Я потёрла ладонью шрам у себя на животе.

— У меня есть шрам, Кролик. Он здесь! Я его вижу. А ты его видишь?

Я помотала головой, и на меня потоком хлынули образы. Коридор... Кабинет... Кровать... Дядя Джон... Дядя Джон... Дядя Джон... Папа...

Я всё царапала шрам, но Кролик отбросил мою руку в сторону и посмотрел мне на живот. Из его горла вырвался такой яростный рык, что я вздрогнула.

— Кролик, почему у меня шрам? Почему люди зовут меня Эллис? Почему у меня такой же шрам, как у Эллис...?

Кролик замер на месте и пристально посмотрел мне в глаза. Крепко стиснув челюсти, он отпустил мое плечо и взмахнул наперстком.

— Из-за меня, — произнёс он.

Тон его голоса мне не понравился. Он был жутким. На секунду закрыв глаза, Кролик зашипел.

— Это я поставил тебе его много лет назад, — он склонил голову набок, вглядываясь мне в глаза. — Ты что, забыла?

Я покачала головой и откинулась спиной к стене.

— Когда? Почему?

— Когда мы были маленькими, — он напряжённо сглотнул, и из надреза у него на его шее упала капля крови. — Мы пили послеобеденный чай с Безумным Шляпником, Соней и Мартовским Зайцем. Я случайно уронил на землю чайник. Ты споткнулась и упала. И порезала живот осколком чайника.

Я ломала голову, пытаюсь всё это вспомнить. Но не могла. Я не могла воскресить в памяти лица Сони, Мартовского Зайца и Безумного Шляпника. Но я действительно любила послеобеденный чай...

— Не помню, — прошептала я и почувствовала, как у меня задрожала нижняя губа.

Разъярённые серебряные глаза Кролика смягчились, и рука с наперстком, приблизилась к моей щеке. Его рука дрожала. Я не знала, почему.

— Ты ударилась головой, — прошептал Кролик. Он легонько постучал мне по виску. — И частично потеряла память.

Он так грустно это произнёс, что у меня на душе тоже стало грустно.

Я накрыла рукой его ладонь у меня на щеке.

— Не расстраивайся, Кролик. Я этого не помню, но знаю, что ты не хотел причинить мне вреда.

Я улыбнулась, но почувствовала себя при этом как-то странно, потому что в душе мне все еще хотелось плакать. Я изо всех сил старалась это перебороть. В конце концов, я же защитница.

— Я не сержусь на тебя, Кролик. Я никогда не смогу сердиться на своего Кролика.

Он закрыл глаза, и порывисто втянул носом воздух. Когда его глаза снова открылись, я вздохнула.

— Кролик... все это на самом деле произошло с Эллис? У нее забрали ребенка? Они вырезали у нее из живота то место, где живут дети? Они сделали с ней всё это несмотря на то, что она плакала?

Из горла Кролика вырвался странный сдавленный звук. Но он кивнул. Его всё еще измазанные в крови губы задрожали.

— Думаю, да, — нетвёрдым голосом произнёс он и откашлялся. — Эллис очень сильно пострадала.

Я кивнула и посмотрела вниз. Из глаз потекли слёзы и упали на пол.

— Моя Эллис... Я расстроилась из-за своей подруги Эллис.

— Я тоже, — он погладил меня по шее большим пальцем. — Хочешь чаю, милая? Может, от чая ты почувствуешь себя лучше?

Я улыбнулась несмотря на то, что мне было больно.

— Да, Кролик, конечно. Чай мне всегда помогает.

Он молча уставился на меня, и у меня из груди чуть не выпрыгнуло сердце, когда он наклонился и поцеловал меня в лоб. Его губы были мягкими, они замерли и так надолго прижались к моей коже, что от них мой холодный лоб стал тёплым. И моему истерзанному сердцу тоже стало тепло.

Кролик никогда не целовал меня так нежно... Это очень меня смутило.

Но мне понравилось. Мне понравилось то, как смягчились его глаза. Это было словно яркий проблеск солнца в пасмурный день. От этого у меня в груди затрепетало сердце.

Я молча смотрела на то, как он прошел через гостиничный номер к чайному уголку, который я соорудила сразу же, как только мы сюда приехали. Я смотрела, как он вскипятит воду, положил в заварочный чайник пакетик чая «Эрл Грей» и достал две фарфоровые чашки, одну для меня, а другую для себя.

Когда чайный пакетик пропитался водой, он повернулся ко мне и встретился со мной взглядом. Мгновение он помедлил, затем наклонился и поднял меня на руки. Я прислонилась головой к его плечу, и он положил меня на кровать, прикрыв мне ноги одеялом.

Он взял чай и принес его к кровати. Я улыбнулась, увидев тарелку с пирожными.

— Клубничный торт, — устало объявила я.

Мой голос был хриплым от слез... от грусти из-за моей любимой подруги Эллис.

— Твой любимый, — произнёс он и налил чай.

У меня замерзли ноги, но как только я ощутила на языке сладкий чай с молоком, мне стало тепло. Я закрыла глаза, и у меня в голове возник образ женщины со светлыми волосами. Она сидела, укрывшись пледом, на стуле в красивой комнате и пила чай. У женщины под глазами были темные круги, но она держала на коленях маленькую девочку. Несмотря на то, что женщина явно была больна, она все равно улыбалась девочке. Девочка тоже пила чай. Я улыбнулась от того, какой счастливой казалась эта маленькая девочка. Улыбнулась от того, какой милой была эта женщина.

От нее исходило тепло. Она была очень доброй.

Потом девочка повернулась ко мне, и наши взгляды встретились. У меня замерло сердце. На глаза навернулись слезы, и перехватило дыхание. Потому что эта маленькая девочка была...

— Эллис?

Когда я прошептала ее имя, Эллис улыбнулась. Я нашла Эллис. Она была такой юной. Не старше десяти лет. Длинные светлые волосы. Большие голубые глаза... просто маленькая девочка.

Найдя в себе силы двигаться, я помахала рукой, и Эллис помахала в ответ. Она спрыгнула с коленей своей мамы и направилась ко мне. Я почувствовала, как к горлу подступил комок. Наконец-то, я ее увидела. Наконец-то я узнала, как она выглядит. После стольких лет.

Мне показалось, что она немного похожа на меня.

— Куколка, — произнесла она и улыбнулась.

Она потянулась и коснулась моей руки. Я улыбнулась, посмотрев на чай, который она оставила.

— Ты тоже любишь послеобеденный чай?

Она засмеялась, и я тоже не смогла удержаться от смеха.

— Да, очень сильно!

— Но только «Эрл Грей», — хором сказали мы и рассмеялись еще сильнее.

Внезапно ее лицо омрачилось.

— Спасибо тебе, что убила плохих людей.

Она поднесла руку к животу. Туда где, как я знала, был шрам. Я изо всех сил старалась сдержать слезы.

— Я еще не закончила.

Я взяла ее за руку. Её ладонь была такой мягкой, а ногти тоже покрашены ярко-розовым лаком.

— Нет, — проговорила она и закусила губу. Она оглянулась на свою маму. — Моей мамы больше нет.

Я подняла голову и вдруг ее мама исчезла прямо у меня на глазах.

— Чай, — сказала Эллис.

Я увидела, как стены светлой, прелестной комнаты начали окрашиваться в черный цвет.

— Думаю, она заболела из-за чая.

Эллис повернулась ко мне. Её синее платье тоже стало черным.

— Люди, с которыми ты вскоре столкнешься, очень сильно мне навредили, Куколка.

Я кивнула, теперь мне было известно, как они это сделали.

— Ты должна заставить их за это заплатить.

Ее ладонь выскользнула из моей руки, словно что-то невидимое тащило ее назад. Вдруг вокруг нас вырос темный лес, и она пропала.

— Только тогда я смогу стать свободной, — произнесла она, прежде чем совсем исчезнуть... и ее звонкий голосок тоже исчез.

Я поморгала и обнаружила, что Кролик держит меня за подбородок и пристально вглядывается мне в лицо.

— Куколка... Куколка, с тобой всё в порядке?

Я кивнула и ухватила за ручку чайной чашки.

— Кролик, я... я разговаривала с Эллис.

Нервно сглотнув, он спросил:

— Что она сказала?

— Что я должна уничтожить остальных нехороших людей, — я прикрыла веки. — Потому что они причинили ей больше всего зла. Только тогда она сможет стать свободной.

Он кивнул, затем поставил мою чашку на приставной столик и осторожно помог мне лечь. Он сжал мою руку и смотрел на меня, пока я не начала погружаться в сон. Я услышала шорох карт и открыла глаза. Кролик держал в руке три карты. Три карты, которые у нас остались. Увидев одну из них, я села на кровати.

— Мужчины, которые держали Эллис, — произнесла я, глядя на изображение дядей-близнецов. — Те, что били ее по лицу, когда ей изрезали живот.

— Траляля и Труляля, — объявил Кролик. Его голос вернулся к своему мрачному тону.

Он положил карту между нами, и я поджала губы. От того, через что они заставили пройти мою подругу Эллис, у меня внутри закипел гнев.

— Они твои, — он положил карту мне на колени.

— Уничтожь их.

— Что? — воскликнула я.

Кролик нахмурился.

— Я ничего не говорил, — сказал он.

— Уничтожь их, Куколка. Ради меня... ради нас, — снова произнес голос.

Осознав, кто это сказал, я порывисто вдохнула и, пока она говорила, склонила голову набок. Я понимающе кивнула. Посмотрев на Кролика, я объяснила:

— Это была Эллис, — я постучала себе по голове. — Она говорила со мной здесь.

— Ч-что она сказала?

Я уставилась на карту. На рисунок Траляля и Труляля. И улыбнулась, чувствуя во рту остатки крови.

— Уничтожить их. Уничтожить их обоих... беспощадно.

У Кролика раздулись ноздри, и он положил карту на столик. Сжав мою руку, он посмотрел мне в лицо.

— Значит, ты их уничтожишь, Куколка. Они твои целиком и полностью.

Я закрыла глаза и облегченно вздохнула.

Кролик поцеловал мою руку, и я стала засыпать.

«Я разорву их на части, Эллис, кусок за куском. Я обещаю. Только держись. Скоро ты будешь свободна... Пожалуйста.»

Только держись».

12 глава

ТРАЛЯЛЯ И ТРУЛЯЛЯ

Кролик

Когда мы прибыли в Эль-Пасо, на небе уже догорал закат. Куколка спала, облокотившись рукой на дверь Мустанга. Я сильнее сжал руль, прокручивая в голове ее признание об Эллис, о шраме в низу ее живота, который я даже не заметил. Я был слеп, очарован жаждой крови, очарован тем, что, наконец, обладаю моей маленькой Куколкой так, как всегда этого хотел. Я не заметил едва различимого белого шрама, нарушающего совершенство ее кожи. Не обнаружил страшного доказательства того, что сотворили с ней эти твари. И это было куда хуже того, что они причинили мне.

Эти суки заделали ей ребенка.

Эти суки прервали беременность...

Эти суки вырвали матку из незрелого тела Куколки. Они сделали это, чтобы она больше не могла иметь детей. И все для того, чтобы они могли и дальше трахать Куколку против ее воли, насиловать ее столько, сколько им захочется, не беспокоясь о том, что она забеременеет. По кусочкам разрушая ее здравый рассудок, пока он совсем не помутился, и она не забилась в свою раковину. В вегетативное состояние, в котором я ее нашел, безжизненную и отгородившуюся от реального мира.

Их злодеяния, о которых я, наконец, узнал, выпустили на волю вспыхнувший во мне вулкан ярости; он превратился в огненное море лавы, грозящей уничтожить все на своем пути. Людей, привязавших ее к операционному столу. «Дядей» — близнецов, на встречу с которыми мы ехали. Добавьте к этому списку подонков, больше всех остальных истязавших ее тело и разум, дядю Джона и ее отца. Ее отец, тот самый человек, который должен был ее защищать. Вместо этого он, словно какой-то сутенер, преподнес ее своим «коллегам» на блюде с голубой каемочкой, плеснув отравы ей в чай.

Загородные дороги Эль-Пасо сменились городскими огнями — мы приближались к месту нашего назначения. Поместье на самой окраине города, милое маленькое ранчо. Уединенное. Частное... просто идеальное место для необременительной кровавой резни, учиненной стражами Страны Чудес.

— *Изысканные вечеринки, — сказал Хайд, встав рядом со мной.*

Мы находились в секретном доме Чепела в Луизиане. Хайд посмотрел на зажатые у меня в руке фотографии, и его лицо исказил привычный злобный оскал. Генри в данный момент «спал».

Пока я просматривал информацию, собранную о дядях Джефффри и Сэмюэле, ко мне подошел Чепел. Взглянув на фотографию, сделанную частным детективом на одной из таких вечеринок, он присвистнул. На открытой террасе были развешены гирлянды из лампочек. За длинным столом сидело несколько человек. Все уже сами по себе довольно интересные персонажи; большинство из них, вне всякого сомнения, «любители» детишек. Парочка насильников и несколько тупых шлюх, которых заводят извращенные вкусы этих садистов — бляди, которые ловят кайф, глядя, как их мужчины кого-то насилюют... возраст значения не имеет.

— *О-о, как было бы весело ввергнуть эту маленькую компанию в кромешный хаос.*

Чепел присел рядом со мной и провел рукой по фотографиям женщин, расположившихся рядом с крепкими мужчинами среднего возраста.

— *Платные шлюхи? — спросил он, и в его глазах отразился свет от камина.*

Я проверил информацию, данную мне частным детективом.

— *Да. Но те, что предпочитают темную сторону секса.*

Чепел жадно втянул в себя воздух.

— О...какие невероятные возможности они могли бы предложить... какие у нас могли бы сложиться удивительные отношения, — пробормотал он, и его зрачки расширились.

— Сделай им всем чертовски больно, — прорычал Хайд. — Вырви им нахрен глотки.

Он встал из-за стола и направился в свои комнаты. Вне всякого сомнения, скоро должен был вернуться Генри.

Чепел тоже поднялся и откинул с лица длинные светлые волосы.

— Да, юный Дэппер Дэн. Могу только представить, какие дивные, возвышенные убийства учинит наш местный любитель крови, — он поднял вверх палец и улыбнулся. — Ты должен записать эти приключения ради своих друзей.

Он положил руку на грудь.

— Мне и впрямь нравятся хорошие кровавые романы, милый юноша. И такой, как это кровопролитное чаепитие, был бы весьма захватывающим.

Он ушел, а я всё смотрел на фотографии, представляя себе, как озаряется лицо Куколки при виде чая и пирожных.

Представляя, как она купается в их крови, сжимая в своей хрупкой ручке слегка поджаренный пончик с маслом...

Куколка пошевелилась, вырвав меня из задумчивости. Я бросил на нее взгляд как раз, когда она открыла глаза. Ее макияж был просто идеальным. От одного вида нарисованных вокруг ее левого глаза часов я жутко завелся. Но гораздо сильнее я завелся, увидев висящий у нее на шее пузырек с моей кровью. Наклейка «Выпей меня» еще никогда не была такой уместной.

Куколка вздохнула и села. Я повернул голову, чтобы узнать, что привлекло её внимание. Впереди виднелись яркие огни. Вдоль дороги, ведущей к большому зданию, выстроились припаркованные лимузины. Из здания доносилась музыка, и по всей территории бродили дети, не старше семнадцати — восемнадцати лет.

— Кролик, что тут происходит? — спросила Куколка, когда я сбросил скорость, чтобы она могла хорошенько всё рассмотреть.

Дети таращились на Куколку, проходя мимо Мустанга.

— Вау, — пробормотала она, глядя на девушек в длинных пышных платьях и с броским макияжем, почти таким же, как и у нее самой, за исключением часов вокруг глаза. Девушки шагали под руку с юношами в смокингах.

Я не мог отвести взгляда от того, как Куколка смотрела на них широко распахнутыми глазами, от волнения постукивая ногой. Она повернулась ко мне и спросила:

— Кролик, что это? Почему все девушки и юноши так красиво одеты?

Я взглянул на висящий над зданием баннер: «Выпускной бал».

Куколка во все глаза уставилась на входящих на территорию школы детей. Но я смотрел только на нее. Я видел, как ее заорожили эти девушки в платьях. В длинных, шикарных платьях.

Словно прочитав мои мысли, она сказала:

— Их платья, Кролик...

В ее голосе послышался благоговейный трепет. Она взглянула на свои голые бедра.

— Моё совсем не такое, — она одарила меня самой грустной улыбкой, какую я когда-либо видел. — Но куда мне такую красоту надевать? Уж точно не на убийства тех нехороших мужчин. Я бы не стала тратить нечто столь прекрасное на таких отвратительных людей.

Мое сердце — если бы оно вообще у меня имелось — треснуло прямо посередине. Она была права. У нее никогда не было ничего подобного. Даже в детстве она проживала большую часть жизни в своём вымышленном мире, рисуя в воображении свои чаепития и приключения на территории поместья. Она все время танцевала. Представляла себе жизнь за пределами имени. К её большому огорчению, я никогда не танцевал. Я с

удовольствием на это смотрел. Но бл*дь... Куколка заслуживала чего-то гораздо большего.

— Это выпускной, — сказал я.

Куколка в замешательстве нахмурила лоб. Я знал, что она не сможет прочесть висящий над дверями баннер.

— В Стране Чудес... дети отправляются туда, когда закончат школу, — произнёс я и пожал плечами. — Они там танцуют или типа того. Одеваются вот так и танцуют.

— Они танцуют...? — прошептала она, глядя, как на подъездную дорожку въезжает очередной лимузин. — Как им, наверное, весело.

Она улыбнулась еще двум проходящим мимо девушкам. Они посмотрели на машину, и их взгляд упал на Куколку. Девушки на мгновение затихли, а потом рассмеялись. Прямо, бл*дь, ей в лицо.

Я поджал губы. Словно услышав приглушенный рык, вырвавшийся у меня из горла, они устремили глаза на меня. Я демонстративно поднял палец с наперстком для разрезания глоток и провёл им по шее. От того, как вмиг побледнели их лица, мне стало ясно, что шлюхи поняли мой намёк закрыть свои гребаные рты. Если нет, я перережу им глотки прямо здесь и прямо сейчас.

Никто не смеет относиться к моей Куколке свысока.

— Вы обе такие красивые! — сказала Куколка неблагодарным сучкам, совсем не обратив внимания на то, что они осмелились над ней насмехаться.

Смеяться над ее одеждой и макияжем. Они и представить себе не могли, что она может одним изящным взмахом ножа положить конец их жалким жизням. Мне бы очень хотелось, чтобы она преподавала урок этим заносчивым шлюхам.

Прищурив глаза, я уставился на них, словно бросая этим потаскухам вызов, рискнут ли они ее проигнорировать.

— Спасибо, — выпалила, в конце концов, одна из них, и они поспешили через дорогу.

Куколка с широкой улыбкой повернулась ко мне.

— Они заговорили со мной, Кролик! Прекрасные принцессы со мной заговорили!

Я кивнул, но Куколку уже увлекла доносящаяся из школы музыка.

— Я не знаю этих песен. На моей кассете их нет, — Куколка нахмурилась. — Кролик, а что еще происходит на выпускных?

Я ломал голову, пытаюсь вспомнить. До своего переезда в поместье Эрншоу, я никогда не был ни на одном выпускном, но для меня было очевидно, что это такое. И суровая реальность, что это не было очевидным для нее, выводила меня из себя. Ее отец даже не научил ее читать, не говоря уже о том, чтобы позволить ей пойти в школу, где она могла бы завести друзей, ходить на выпускные или что там еще делают девушки из дорогих частных школ. На какой-то момент я даже обрадовался, что ее папа этого не сделал; Куколка никогда не стала бы общаться с таким уродом, как я. Уродом, который круглые сутки думал не о футбольных матчах и бейсболе, а о смерти и убийствах.

— Кролик?

— Они танцуют, пьют пунш, затем выбирают короля и королеву.

У нее округлились глаза.

— Правда? — она открыла рот от удивления. — И они носят корону?

Я кивнул. Куколка вздохнула.

— Мне бы очень хотелось носить корону, — сказала она. — Быть коронованной королевой...

От мелькнувшей у нее на лице грустной улыбки у меня внутри все сжалось.

Ей и в голову не приходило, что она и есть гребаная королева.

Моя кровавая королева.

Посмотрев на часы, я увидел, что если мы хотим испортить вечеринку, то нам пора ехать. Я переключил передачу и отъехал от школы. Вытянув шею, Куколка смотрела на

удаляющееся здание, пока оно совсем не скрылось из виду. Снова сев на свое место, она повертела в руках карту Труляля и Траляля. Ее счастливое лицо в одно мгновение стало свирепым.

Я ухмыльнулся, увидев, как моя маленькая Куколка мысленно готовится к тому, что произойдет дальше. Каждая из смертей этих тварей была таким наслаждением. Убийство Чеширского Кота положило конец моей личной вендетте. После того, что открылось о ее шраме, предстоящие четыре убийства значили гораздо больше.

Я не мог дожждаться, когда Куколка выплеснет свою ярость на тех, кто ее удерживал, когда ей вырезали матку. Я считал секунды, когда же она возникнет перед ними, словно чертов демон из прошлого.

Мы прибыли на ранчо, отдаленное и изолированное, как и у всех остальных. Новостные агентства до сих пор не обнародовали имена наших жертв. Несколько месяцев назад частный сыщик Чепела сообщил нам, что дяди не общались годами. Я покачал головой, наслаждаясь тем фактом, что никто из этих вырожденцев не подозревает о нашем визите. Неожиданное убийство всегда доставляет гораздо больше удовольствия.

Они скрылись в тень, и не заметили, как их настигли призраки их прошлого... От этого их кровь становилась еще более сладостной.

Куколка поднялась и положила руку на раму лобового стекла.

— Кролик! У них вечеринка!

Прежде чем я успел ее остановить, Куколка выскочила из машины, держа в одной руке голову Алисы, а в другой — нож. Пистолет она заткнула за пояс. Чтобы ее догнать, я побежал за ней по подъездной дорожке.

Куколка ворвалась сквозь двери ранчо. Я следовал за ней, осматривая дом и глядя, нет ли кого-нибудь поблизости. С заднего двора раздался звук гремящих тарелок.

Куколка повернулась ко мне и улыбнулась.

— Нет..., — она пронзительно захихикала, прикрыв рот рукой, держащей кукольную голову. — Кролик, у них что, чаепитие?

Не дождавшись ответа, Куколка побежала вперед, затем остановилась в дверном проеме, ведущем на террасу. Я не спеша подошел к ней сзади, и мой взгляд упал на стоящий перед нами стол. Так же, как и на сделанной сыщиком фотографии, стол был длинным и за ним сидел любопытный микс из сомнительных личностей. «Любители» детишек. Насильники... и шлюхи, которые возбуждаются, глядя, как эти уроды осуществляют свои развратные действия.

Куколка ахнула и захлопала в ладоши. С ее губ слетел звонкий, отрывистый смех и прорвался сквозь громкую музыку. Восемь голов тут же повернулись, и на нас уставились восемь пар пытливых глаз. Куколка опустила руки. Служанка расставляла на столе заварочные чайники и поднос с богатым выбором угощений.

Мы прервали десерт.

— У вас чаепитие! — пропела Куколка и помчалась к столу.

Я небрежно повертел в руке трость, прочесывая глазами сидящих за столом гостей. Все они в недоумении смотрели на нас. Но меня интересовали всего два гостя. Два совершенно похожих друг на друга куска дерьма, восседающих в конце стола. Одинаковые костюмы. Одинаковые прилизанные редеющие волосы... одинаковые даты смерти, выжженные у них на лбах.

Куколка притащила с другой стороны террасы стул и втиснула его между насильником и шлюхой. Она положила на стол голову своей куклы. Шлюха в ужасе завизжала и отшатнулась.

Краем глаза я заметил, что служанка намеревается сбежать. Как только она попыталась проскользнуть мимо меня, я упёр трость в стену, преградив ей путь. Она уставилась на меня своими испуганными голубыми глазами. Я покачал головой, неодобрительно поцокав языком.

— Никто не уходит, дорогуша.

Я кивнул головой на скамейку на краю террасы.

— Почему бы тебе не присесть вот там? — указал ей я.

Служанка замерла, уставившись на меня глазами ослепленного светом фар оленя, но я, наклонил голову сначала в одну, потом в другую сторону и хрустнул шеей.

— Я не прошу... Я настаиваю.

Она помчалась к скамейке, и тут вдруг поднялся один из близнецов — я решил назвать его Траляля.

— Да кто вы, мать вашу, такие? И какого черта делаете в моем доме?

Мои глаза взметнулись к его покрасневшему лицу, и во мне закипела безудержная ярость. Я уже открыл было рот, чтобы заговорить, как вдруг Куколка хлопнула рукой по столу. Она впиалась испепеляющим взглядом в обрюзгшее лицо Траляля.

— Где Ваши манеры? — прошипела она, и ее английский акцент стал сильнее, чем когда-либо прежде.

Куколка недовольно покачала головой и вытащила из-за пояса пистолет. Взгляд Траляля опустился на сине-белый «Глок». Куколка провела пальцем по надписи. Склонив голову набок, она посмотрела на «дядей».

— Время пить чай.

Она крутанула в руке пистолет и схватила его, как профессиональный стрелок, которым уже стала. Она обвела пушкой вокруг стола, поочередно направляя ствол на каждого из гостей. Они тарачились на нее, их лица стремительно теряли цвет. Затем ее взгляд остановился на Траляля, и он замер.

— Мы пришли в гости.

Она взглянула на сидящую рядом с ней женщину и распорядилась:

— Кролику нужен стул.

Женщина замешкалась, но Куколка развернулась и направила пистолет прямо ей в голову.

— Только не говори мне, что твоя мама не учила тебя хорошим манерам!

Женщина вскочила со своего места и отыскиала для меня стул. Она притащила его к столу и призадумалась, явно не зная, куда его поставить. Куколка одарила меня обворожительной улыбкой и приподняла одно плечо.

Моя прелестная, чокнутая кукла.

— Думаю, напротив меня, — произнесла Куколка, и женщина поставила стул туда, куда она указала.

Медленно двигаясь вдоль стола, я оценивал каждого из гостей, наблюдая за тем, как их взгляды мечутся между мной и моей девочкой. Когда я сел, Куколка посмотрела на меня.

— Кролик, чаепитие! Ты можешь в это поверить?

Я небрежно откинулся на спинку стула.

— Моя маленькая Куколка, я глазам своим не верю.

Я положил правую руку на трость, и провел указательным пальцем левой руки по губам. Острым наперстком я проткнул кожу, и почувствовал, как кровь заполнила мой рот и потекла по подбородку.

Я дал крови стечь по моему лицу.

Я дал им всем внимательно меня разглядеть.

— И знаешь, Кролик? Знаешь, что больше всего меня раздражает? — спросила Куколка, усевшись за стол.

— Что, милая?

Она подняла нож и принялась тыкать его кончиком в покрытый льняной скатертью деревянный стол. В другой руке она держала пистолет, не сводя пальца со спускового крючка. У нее поникли плечи, и ее красивое лицо приняло крайне разочарованное выражение.

— Меня жутко злят дурные манеры.

Я согласно кивнул, кончиком языка размазывая по зубам кровь. Я чувствовал исходящее от гостей напряжение. Влажный воздух наполнился божественным ароматом страха. Куколка вздохнула и покачала головой. Ее глаза метнулись в сторону и застыли, глядя в пустоту. Она наклонила голову, так будто внимательно кого-то слушала.

— Эллис это тоже не нравится. Она говорит, что это просто выводит ее из себя.

Я улыбнулся.

Моей маленькой Эллис никогда не нравились дурные манеры.

Я придвинулся вперед, от чего у меня с губ сорвалась капля крови и упала на скатерть. Затем я улыбнулся. Потерев кроличью голову своей трости, я пожал плечами и процитировал:

— О человеке судят по манерам.

Куколка повернулась к близнецам, лица которых приобрели весьма соблазнительный белоснежный оттенок. Их смертельная бледность только меня распалила. Я знал, что они слышали, как Куколка упомянула Эллис.

Это сводило их с ума, предвещало то, что должно было вскоре произойти. Боль. Много прекрасной, удивительной боли.

— Вы пригласили нас сюда, на своё ранчо, а теперь относитесь к нам с таким вопиющим неуважением? — глаза Куколки омрачились, она разочарованно надула губки, и у нее на щеках появились ямочки. — Мы проделали такой долгий путь, чтобы попасть сегодня сюда.

Она помолчала, в ее взгляде промелькнула тьма.

— Чтобы увидеть вас обоих... Собственно, мы едва сдерживали волнение, — ее губы растянулись в зловещей улыбке, а затем снова надулись. — Вы устраиваете такое восхитительное пиршество, а потом показываете, что нам здесь не рады.

Она шмыгнула носом.

— Это очень огорчает.

Мужчина слева от Куколки что-то прошептал сидящей рядом с ним шлюхе. Я взгляделся в его лицо и вспомнил, что он из «любителей» детишек. У меня вскипела кровь. Трущаяся рядом с ним сука любила смотреть, как он трахает малышей.

И он, бл*дь, посмел разговаривать, когда моя Куколка произносит такую речь? Куколка замолчала, развернулась и всадила свой нож прямо ему в голову. Его кровь хлынула на шлюху, его подругу, эту больную и извращенную тварь, и она заорала. Сжав в руках белую льняную скатерть, он начал свой неспешный путь к смерти и в распростертые объятия самого дьявола.

— Я же говорила, что ненавижу дурные манеры! — произнесла Куколка громким, командирским голосом.

Куколка сделала глубокий вдох и закрыла глаза. Я слышал, как она тихо сосчитала до десяти. Мне пришлось поменять положение; у меня так напрягся член, что стало больно.

Она была великолепна.

Открыв глаза, она с облегчением улыбнулась, положила руку на грудь и тихо сказала:

— Вот теперь я спокойна.

Она обвела взглядом стол, и улыбка улетучилась с её лица. Вся наша публика уставилась на нее в презренном страхе. Буквально обмочившись от вида настоящего исполина тьмы, в которого превратилась Куколка. Она откинула от лица волосы и поправила ободок.

Вдруг забрызганная кровью шлюха вскочила на ноги и помчалась к двери. Но не успела она сделать и три шага, как Куколка вытащила из-за пояса пистолет и пустила пулю прямо этой суке в затылок. Шлюха рухнула на пол. Сидящая рядом со мной

проститутка заорала от ужаса. Я оглядел стол. Остальные мрази были явно слишком напуганы, чтобы двигаться.

— Ещё кто-нибудь? — спросила Куколка, широко раскинув руки и внимательно посмотрев на остальных гостей.

Она разочарованно покачала головой.

— Вы все испытываете мое терпение!

Никто не проронил ни слова, и она снова сунула пистолет за пояс. Повернувшись к недавно убитому ею хрену, который теперь сполз на стол, она ухватила за рукоятку торчащего в нем ножа и, не церемонясь, выдернула нож у него из черепа. Ей на платье брызнула кровь. Куколка стыдливо захихикала и потянулась за повязанной у него на шее салфеткой. Она сняла ее и промокнула кровавые пятна у себя на платье. К сожалению, это только усугубило ситуацию; кровь хлестала из его пробитой головы на салфетку, заливая Куколкино платье новыми малиновыми пятнами.

— Вот так!

Она посмотрела на свой нож.

— Фу, — произнесла она и поморщилась, увидев кровь и приставшие к тончайшей стали остатки мозга.

Пожав плечами, она огляделась вокруг в поисках чего-нибудь такого, чем можно было бы это вытереть, а затем обратилась к сидевшей справа от нее проститутке.

— Прошу прощения, — вежливо сказала Куколка и вытерла кровь шелковым шарфиком, украшавшим шею шлюхи.

Куколка одарила ее благодарной улыбкой.

— Большое спасибо, милая леди.

Куколка покачала головой, словно в ответ на что-то.

— Что? — произнесла она, снова уставившись в сторону.

Люди за столом посмотрели друг на друга, на их лицах застыло выражение страха и растерянности.

— Кто?

Ее глаза устремились к Труляля и Траляля, которые сидели неподвижно, бросая друг на друга частые, встревоженные взгляды. Их руки в унисон подергивались на краю стола.

Я ухмыльнулся. Моя маленькая Куколка напугала их до усрачки.

— Эти двое? — Куколка указала на Труляля, затем на Траляля и недоверчиво покачала головой. — Они бы с тобой такого не сделали, Эллис. Я в этом уверена... они хозяева этого дома. Добрые хозяева никогда бы не обидели подобным образом.

Куколка вздохнула, а затем снова медленно и печально покачала головой.

— Они не держали бы тебя, пока тебя разрезали и вытаскивали из тебя внутренности. И, конечно же, они не могли вытащить у тебя из живота ребенка и бить тебя по лицу, когда ты пыталась плакать и защищаться.

Близнецы захлебнулись от изумления. У Труляля отвисла челюсть.

— Они не похожи на таких людей.

Она села и поудобнее устроилась на своем месте. Траляля и Труляля не могли оторвать глаза от нее.

Потому что они ее узнали.

Они ее помнили.

Они ее боялись.

Потом они взглянули на меня.

Они смотрели на алеющую у меня на губах кровь... и я *это* увидел. Я увидел в их испуганных глазах тот момент, когда они поняли, кто ещё сидит перед ними...

— Хитэн, — беззвучно, одними губами, проговорили они и повскакивали со стульев.

Я медленно покачал головой, безмолвно приказав им оставаться на своих местах. И я увидел тот момент, когда они поняли, что уже не уйдут с этого чаепития живыми.

Внезапно Куколка ахнула, и из-за ее прерывистого вдоха все глаза снова устремились на нее.

— Мы что, празднуем мой День нерождения? *(Прим. День нерождения — событие, которое можно отмечать каждый день, кроме своего дня рождения. Неологизм «unbirthday» был придуман Льюисом Кэрроллом в его «Алисе в Зазеркалье»)*

Она хихикнула. Ее взгляд упал на стоящие перед ней пирожные и чай. На фарфоровые чашки и чайник со свежесваренным чаем.

Она посмотрела на Траляля и Труляля.

— Ну...это так?

Они уставились друг на друга. Труляля откашлялся.

— Ч-что такое День нерождения?

Куколка взмахнула рукой и облокотилась на стол.

— Просто чепуха. Но это таааак здорово!

Она осмотрела содержимое стола и взяла в руки небольшую тарелку. Она встала и наклонилась к трехъярусной подставке для торта.

— Просто глаза разбегаются!

Куколка принялась выбирать пирожные и накладывать их себе на тарелку.

— Морковный пирог, — взволнованно проговорила она, слизывая упавшие ей на руку крошки сливочной глазури.

— Пирожные с помадкой... и... Кролик! — взвизгнула она. — Булочки с клубничным джемом и топлеными сливками!

Она села за стол, тихо напевая от восторга. Сунув в рот "булочку", она затанцевала на месте. Конечно, это была никакая не булочка. Торты не имели ничего общего с теми, о которых она говорила. Это была Америка. А Куколка считала, что она в Англии.

Куколка смахнула с губ крошку от торта, я тем временем наблюдал за таращившимися на нее людьми. Они смотрели на нее, словно на сумасшедшую. Конечно, она была сумасшедшей. Впрочем, как и я.

Именно это мне больше всего в нас и нравилось.

— Кролик? — обратилась ко мне Куколка.

Я переключил свое внимание на нее.

— Не будешь ли ты так любезен налить мне чаю?

— С удовольствием, милая.

Я поднялся со своего места, взял ближайший к ней чайник и налил ей немного чая. Куколка ждала, широко улыбаясь. Она придвинула к себе чашку и подняла стоящий рядом с ней кувшин с молоком. И тут Куколка замерла. Когда она подняла глаза, все застыли, словно статуи, устремив глаза на нее.

— Пожалуйста, пейте чай, — любезно предложила она.

Куколка добавила в свой чай молока. Живые трупы не пошевелились.

— Я сказала, *пейте свой чай!*

Придурки кинулись к стоящим перед ними чайникам. Я налил себе чаю. Куколка потянулась в центр стола за сахарницей.

— Кролик, тебе один кусочек сахара или два?

— Два, дорогая.

Куколка положила мне в чай два кусочка сахара, а потом сделала то же самое для себя. Она подняла чашку, а потом посмотрела на меня. Я повторил ее движения, но тут увидел, как она прищурилась. Подмигнув ей, я оттопырил мизинец. Она хихикнула. Не оглядываясь вокруг, она произнесла:

— И лучше вам всем оттопырить мизинцы. Я не пью чай с людьми, которые этого не делают. Это так бескультурно!

Куколка подняла глаза, и все хором оттопырили свои мизинцы. Куколка с облегчением вздохнула и поднесла чашку к губам. Всё, случившееся дальше,

происходило, словно в замедленной съемке. Куколка закрыла глаза и сделала глоток чая. Но едва чай коснулся ее губ, ее глаза распахнулись, и она выплюнула его на стол.

Куколка выронила чашку, и тонкий фарфор разбился о выложенный плиткой пол. Все тут же замерли, сжавшись от страха. Куколка сидела, опустив голову, ее лицо было скрыто за густой гривой волос. Её руки лежали на столе, но я увидел, что они дрожат. Она сжала ладони в тугие кулаки.

У нее из груди вырвался тихий звук. Вой. Рычание... гребаный нарастающий рёв. Внезапно Куколка потянулась за пистолетом, что торчал у нее за поясом, и пристально посмотрела на сидевшую справа от меня шлюху. Без лишних раздумий, она нажала на курок и с оглушительным воем пустила чертову пулю прямо этой суке между глаз. Ее кровь брызнула мне на лицо. Гости закричали. Куколку охватило негодование, ее широко распахнутые глаза налились яростью, плечи напряглись от неудержимой потребности убивать. Я стер со своего лица каплю крови и облизал палец. Мои губы скривились от отвращения.

На вкус шлюха была такой же отвратной, как и ее пристрастия.

— «Даржилинг»..., — еле слышно произнесла Куколка.

Крики вокруг нас начали утихать.

— «Даржилинг»..., — уже громче повторила она.

Куколка крепко зажмурила глаза и, задрожав всем телом, схватила со стола нож. Вокруг повисла гробовая тишина. Куколка вскинула голову, ее лицо стало пунцово-красным.

— «Даржилинг»..., — слово проскрежетало в воздухе от звенящего в ее голосе негодования. — Я не пью «Дарджилинг».

Она разжала губы и закричала:

— Я ПЬЮ ТОЛЬКО ЧЁРТОВ «ЭРЛ ГРЕЙ»!

Куколка повернулась к сидящей справа от нее шлюхе и полоснула ей ножом по горлу, разрезав при этом шелковый шарфик. Но на этом она не закончила. Пока шлюха, схватившись за горло, давилась и захлебывалась собственной кровью, Куколка метнула свой взгляд на Траляля и Труляля.

— Кто в ответе за это? — спросила она, подняв стоящий перед ней заварочный чайник.

Наклонив его вниз, она вылила теперь уже теплый чай на стол. Затем выпустила из рук чайник, тонкий фарфор стукнулся о столешницу и разбился.

Труляля в панике указал на мужчину, сидящего через два стула от меня. Я внимательно на него посмотрел и увидел, как он моментально стал блее бумаги. Я узнал его по фотографиям — еще один «любитель» детей. Я сосредоточился на пульсирующей у него на шее вене. Она билась так быстро. Мне захотелось взять свой наперсток и вырвать её у него из горла.

— Я... я... я..., — заикался он, взметнув вверх руки.

Куколка сверлила его свирепым взглядом, явно дрожа от гнева.

— Я... у меня есть акции чайной компании... и это мой любимый чай. Я принес его в подарок хозяевам.

Куколка застыла и медленно склонила голову набок. Она ни на секунду не сводила с него глаз.

— Это твой любимый чай, — тихо и очень спокойно повторила она его слова.

Взгляд насильника заметался по столу. Все сидящие напротив него друзья были мертвы. В ответ на ее вопрос он кивнул.

— Это твой любимый чай..., — снова произнесла она, и в конце фразы слегка повысила тон голоса.

Она закрыла глаза и прислонила ладонь тыльной стороной ко лбу.

— Он говорит, что это его *любимый* чай, — сказала она себе. — «Дарджилинг» — его любимый чай. У него есть *акции* чайной компании.

Куколка распахнула глаза, но её взгляд был стеклянным. Она снова склонила голову. Она слушала Эллис.

— Я знаю, — согласилась она, медленно поворачивая голову.

Ее взгляд снова упал на «любителя» детей. Я столкнул на пол сидевшую рядом со мной мертвую шлюху, а затем развернулся на стуле, чтобы лучше его видеть. Я не хотел пропустить ничего из того, что собиралась сделать моя Куколка.

— Нам нравится «Эрл Грей», — произнесла она и кивнула в ответ на то, что, видимо, сказала ей Эллис. — Его светлый тон. Его вкус, бергамот. Это превосходная смесь.

Она снова кивнула и с отвращением приподняла верхнюю губу.

— И у него хватило дерзости, наглости подать на стол «Дарджилинг». Потому что это его любимый чай...

Куколка замолчала, и я затаил дыхание. Затем она рванулась вперед. В мгновение ока Куколка взобралась на стол, сметая ногами еду, пирожные и чай.

Она бросилась к козлу, сидящему через два стула от меня, и опустилась на колени. Обхватив обеими руками нож, она вонзила его ему в грудь. Она вонзала его и вонзала, снова и снова. Я застонал, увидев, как она кромсает его грудную клетку, пока не показались ребра, и мой член напрягся так, что это вызвало мучительную боль. Тело мудака обмякло на стуле. Но Куколка перестала колоть его ножом, только когда совсем запыхалась.

Наклонившись вперед, она схватила его за воротник и заглянула в его все еще открытые глаза. Шипя и задыхаясь, она плюнула ему в лицо, затем тихо произнесла:

— Годится только «Эрл Грей».

Я больше не мог сдерживаться. Я, бл*дь, не мог к ней не прикоснуться, видя, как она купается в крови, сидя на столе, а её глаза пылают бешенством от свершенных ею убийств. Я рванулся вперед и, отбросив трость, схватил ее руками за шею. Я привлек ее к себе и впился ей в губы. Мой язык закружился у нее во рту. Куколка застонала и потянула меня за волосы. Наклонив ее на стол, я с жадностью ввселся ей в рот, затем отпрянул и уставился на неё — на залитую кровью, в синем платье, с совершенно безумными глазами и растрёпанными волосами.

— Прикончи их, — сквозь стиснутые зубы процедил я.

Я почувствовал, как меня обволакивает их страх, и от этого у меня на лице заиграла улыбка. Я снова впился ей в рот, желая еще раз насладиться вкусом ее губ, затем оторвался от них и стал посасывать кожу на ее шее.

— Прикончи их нахрен, — прорычал я ей в ухо.

Я отошел назад и, взяв трость, отшвырнул прочь свой стул.

Я провел ладонью по напрягшемуся у меня в штанах члену, когда увидел, как Куколка сместилась к краю стола и, раздвинув ноги, открыла мне восхитительный вид на свои «оборчатые трусики», как она их называла.

— Хочешь повеселиться, Кролик? — поддразнила она меня, и в ее голубых глазах заплескались озорные искры.

— Всегда, милая.

Я протянул ей руку и помог спуститься со стола.

Она смахнула у меня с пиджака невидимую ворсинку и промурлыкала:

— Мой Кролик... настоящий джентльмен.

Куколка подскочила к Труляля и Траляля. Она встала позади них и обняла их за плечи.

— Ну, теперь ваша очередь, — объявила она.

Поглядев на меня, она сказала:

— Кролик, будь так любезен, помоги мне.

Я поклонился и, покручивая тростью, направился к ней. Я встретился взглядом с последним оставшимся в живых гостем, сидевшим за столом, и со служанкой. Они оба были шокированы и парализованы страхом. Когда я подошел к Куколке, она приказала:

— Вытащи их стулья.

Ухмыльнувшись, я вытянул из-за стола стулья с близнецами, пока они не оказались посередине террасы.

Куколка вприпрыжку пробежала вокруг Труляля и Траляля и, наконец, встала перед ними. Она повернулась ко все еще сидевшей на скамейке служанке.

— Мне понадобятся два ножа одинакового размера.

У служанки округлились глаза. Куколка сделала подгоняющий знак рукой.

— Быстро-быстро, — произнесла Куколка, и это прозвучало так, так чертовски по-английски.

Служанка поспешила в дом. Я последовал за ней. Когда я встал в дверном проеме, у нее тут же распахнулись глаза, и она попятилась к кухонным ящикам.

— Проследи, чтобы они были острыми, — крикнул я.

Служанка достала из ящика два ножа и протянула их мне.

— Ей, — произнёс я, жестом показав на Куколку, которая сейчас была занята тем, что покрывала поцелуями губы своей куклы Алисы.

Не сводя с меня перепуганных глаз, служанка прокралась мимо меня и протянула ножи Куколке. Куколка положила на стол голову куклы и взяла ножи. Свой клинок и пистолет она сунула за пояс платья.

Я не спеша подошел к ней. Я сжал в руках трость, когда она протянула Траляля и Труляля ножи. Они неподвижно уставились на нее. Куколка вздохнула.

— Ладно. Вижу, вы сбиты с толку, поэтому я объясню.

Она наклонилась к ним так, словно разговаривала с непослушными детьми, и сказала:

— Из вас двоих сегодня вечером выживет только один, — она помахала перед ними ножами. — Вы должны будете драться. Один из вас убьет другого.

Она пожала плечами.

— Тот, кто победит, будет освобожден, — она улыбнулась и снова пожала плечами. — Очень просто.

Когда Куколка опять протянула им ножи, Траляля и Труляля замотали головами. Устав от их дерьма, я обнажил свой клинок и приставил его к их горлам. Они подняли на меня свои налитые кровью глаза.

— Леди не спрашивает вашего мнения, — я улыбнулся своей кровавой улыбкой. — Она *настаивает*.

Моя улыбка исчезла.

— Теперь вставайте, мать вашу.

Куколка громко захлопала в ладоши у меня за спиной. Надавив на лезвие, я осторожно поднял их на ноги.

— Возьмите ножи.

Они посмотрели на меня, собираясь было отказаться, но я сильнее прижал клинок к их горлам. У них на лицах отразилась паника, и они схватили ножи. Я повел их назад. Внезапно Траляля вырвался и бросился на Куколку. Не успел он к ней приблизиться, как я всадил лезвие ему в бок, и он повалился на пол от боли. Другой близнец, Труляля, потрясенно уставился на меня. Пожав плечами, я проделал в нём точно такую же рану. Когда он тоже упал, я посмотрел на Куколку.

— Я подумал, лучше нам уравнивать их шансы.

Она постучала пальцем по голове.

— Отличная мысль, Кролик.

Куколка повернулась к одиноко сидящему за столом мужчине и служанке.

— Поднимайтесь и идите сюда.

Они безропотно подчинились и встали рядом с лежащими на полу близнецами.

— Делайте ваши ставки, ребята, — пропела Куколка, прохаживаясь вокруг насильника и служанки. — Кто сегодня победит? Труляля, который держал Эллис и трахал ее, пока она плакала? Или же Траляля, который бил Эллис по лицу, пригвоздив ее к столу, и лишил ее места, в котором вынашивают детей?

Куколка остановилась возле служанки.

— Делайте ставки. Траляля, — она указала на одного из близнецов. — Или Труляля?

У служанки задрожала нижняя губа.

— Тр-Труляля, — прошептала она.

Куколка утвердительно кивнула головой, затем повернулась к мужчине.

— Труляля, — неуверенно повторил он.

Встав между близнецами, Куколка подняла руки вверх.

— Траляля схлестнется в смертельной схватке с всеобщим фаворитом Труляля. По моей команде, пусть начнется битва! — она взглянула на меня и улыбнулась. — На старт, внимание... тик-так!

Куколка отпрыгнула в сторону, но ни один из близнецов не шелохнулся.

— Деритесь! — уперев руки в бока, скомандовала Куколка, но они упорно отказывались двигаться.

Она посмотрела на меня и вздохнула.

— Полагаю, нам придется сделать это самим.

У меня запульсировал член, когда я увидел, как Куколка опустилась на колени позади Труляля и схватила его за руку, в которой он держал нож. Не успел он ее оттолкнуть, как Куколка направила нож прямо в плечо Траляля. Куколка ахнула:

— И первый удар наносит Труляля!

Она оглянулась на меня, а затем спросила:

— Вопрос лишь в том, ответит ли его противник?

— Нет! — заорал Траляля, держась за кровоточащую рану у него в боку.

Он попытался улизнуть, но я вцепился ему в волосы и схватил за руку, в которой был нож. Легко с ним справившись, я вонзил нож глубоко в живот его брата. Оба близнеца закричали, а Куколка засмеялась.

— Вы больные! — заорал Траляля.

— Да! — восторженно ответила Куколка. — Больные ублюдки!

Устав от того, что эти твари все еще живы, я всадил нож прямо в сердце Труляля. Его глаза потрясённо взметнулись вверх, а затем их медленно накрыла пелена неминуемой смерти.

— Нет! — снова выкрикнул Траляля, увидев, как его брат рухнул на пол.

Куколка встала на ноги и уперла руки в бока.

— Так не честно! — она выпятила нижнюю губу.

— Куколка, — произнес я, и она неохотно повернулась ко мне.

Я бросил Траляля на пол и сцепил его запястья у него за головой.

— Милая, неужели я когда-нибудь лишил бы тебя такой вкуснятины?

Куколка потеряла пол носком ботильона, но нехотя покачала головой.

— Нет.

— Так вот, — сказал я и кивнул головой на живот Траляля. — Разве тебе не хочется сделать с ним то же, что он сделал с Эллис? Разве маленькой Эллис этого не хочется?

Куколка уставилась в пустоту, прислушиваясь к голосу у нее в голове, потом повернулась ко мне, и ее губы растянулись в медленной ухмылке.

— Да. Нам обоим этого хочется.

Куколка подбежала к ногам Траляля и достала свой нож. Траляля затрясся у меня в руках.

— Нет! — пытаюсь вырваться, завопил он. — Отвали от меня!

У Куколки потемнели глаза. Она врезала тыльной стороной ладони ему по лицу.

— Заткнись! — закричала она и снова его огрела. — Закрой свой рот!

Куколка задрала его рубашку и вспорола ему ножом живот. Но на этом она не остановилась. Она делала это еще и еще. Она ранила его так же, как он ранил ее, но ему досталось гораздо больше. Она так его искромсала, что на его теле больше не было видно кожи. Траляля обмяк у меня в руках, и Куколка отпрянула, держа перед собой нож. Наши взгляды встретились. Я увидел в ее глазах голод.

Мой член дернулся, и я знал, что ее киска тоже сочится влагой.

Бросив на пол безжизненное тело, я встал, повернулся к оставшемуся мужчине и обнажил свою трость.

— Твоя ставка проиграла, — произнес я, а затем выстрелил этому уроду в голову.

Но как только я наставил пистолет на служанку, которая уже закрыла глаза, приготовившись к удару, Куколка дернула меня за руку.

— Нет, Кролик! — закричала она и посмотрела на служанку.

Та была блондинкой с голубыми глазами. Куколка подошла к ней и, встав на цыпочки, погладила женщине лицо.

— Она слишком красивая, чтобы умирать.

Куколка провела рукой по лицу и губам служанки.

— Она похожа на куклу, — она улыбнулась. — Она похожа на меня.

Ничего подобного. Она и в подмётки не годилась моей Куколке, но я не хотел расстраивать ее своим несогласием.

— Мы можем оставить ее в живых, — сказала Куколка, и у служанки округлились глаза.

Я зарычал от желания убить эту суку, но Куколка повернулась и уставилась на меня суровым лицом. Я нехотя кивнул и сложил трость. Куколка повернулась к служанке.

— Протяни руку, — строго приказала Куколка.

Служанка подчинилась. Куколка сильно ударила служанку по тыльной стороне ладони. Служанка вскрикнула, но не шелохнулась. Она была так напугана, что боялась пошевелиться.

— Ты работала на очень плохих людей, — отругала ее Куколка и покачала головой.

— В следующий раз, — сказала Куколка, погрозив служанке пальцем. — Делай правильный выбор!

Куколка подбежала к белой стене террасы, которая приятно контрастировала с кучей лежащих на полу мертвых тел, и вытащила свою помаду. Нацарапав на стене розовой «Шанелью» «Больные ублюдки», она взяла со стола голову своей куклы. Она уже собралась было отойти, как вдруг схватила с нетронутой тарелки два пончика.

— Возьмём на дорожку по пончику?

Я кивнул. Куколка взяла меня за руку. Когда мы вышли с ранчо, насквозь мокрые от крови и изнемогающие от желания трахаться, я знал, что очень скоро отгоню машину к обочине и накрою ее своим телом.

Порочную.

Перепачканную в их крови.

Горячую.

Влажную.

Чертово совершенство.

***

Руки Куколки забегали вверх-вниз по моему бедру, и я стиснул челюсти. Она уперлась в меня сбоку своими грудями и поигрывала зубами с мочкой моего уха. Я так крепко ухватился за руль, что думал, вообще его оторву.

— Кролик, — прошептала она и погладила меня по руке.

Она накрыла своей ладонью мою ладонь и, сняв ее с руля, потянула через коробку передач к своему бедру. Когда я коснулся ее голой кожи, она порывисто втянула воздух.

— Мне нужно, чтобы ты ко мне прикоснулся, — прошептала мне на ухо Куколка. — Только ты. И никто больше. Никто больше не может ко мне прикосаться. Только мой Кролик. Потому что с моим Кроликом мне всегда тааааак хорошо.

У меня из горла вырвался низкий рык.

— И к тебе может прикосаться только твоя Куколка.

Она направила мою руку к своей киске. Я почувствовал ее жар под подолом ее юбки.

— Никто из плохих людей больше не сможет нам навредить. Потому что Куколка и Кролик стирают друг с друга их прикосновения своими руками, губами и интимными местами.

Она застонала и сунула мою руку себе в трусики с оборочками. В ту минуту, когда мои пальцы коснулись ее горячей и влажной киски, я зашипел и, повернув голову, обрушился на ее губы.

Куколка застонала мне в рот, а потом сильно укусила. Ее зубы вонзились мне в губу, поранив плоть. Снова впившись мне в рот, она стала потягивать из моей губы кровь. Машина вильнула в сторону, и я оторвался от Куколки. Я выровнял машину, чуть не врезавшись в дерево. Но Куколка придвигалась ко мне все ближе и ближе, скользя губами по моей щеке и шее.

Я уже был готов остановить машину и трахнуть ее на обочине дороги, когда вдруг на нас посыпались капли дождя. Когда одна капля ударилась о ее щеку, Куколка затаила дыхание и посмотрела в небо. Послышался глубокий раскат грома, и она закрыла глаза. Капли дождя сменились сильным ливнем. Совсем рядом над обрамлёнными деревьями пастбищами блеснула вспышка молнии. Куколкин громкий смех заглушил льющуюся с ее кассеты музыку. Посмотрев на нее, я увидел, что она запрокинула голову, закрыла глаза, а по ее коже бегут струи воды, смывая кровь на кожаные сиденья машины. Куколка вскинула вверх руки, пока дождь стирал с нее кровь этих мразей.

Я был так очарован, глядя на то, как стекает у нее по щекам умело наложенный макияж и нарисованные вокруг левого глаза часы, что чуть не пропустил мимо ушей раздающийся вдалеке рёв сирен.

Полиция.

Тихо зарывчав, я схватил Куколку за руку и рывком поднял ее на сиденье. Резко повернув ко мне голову, она нахмурила свое прекрасное лицо. Весь ее макияж — подведенные черным глаза и густо накрашенные розовым губы — такой идеальный до нашего приезда на ранчо, теперь совсем размазался.

Она казалась совершенно безумной. Безумной и такой чертовски красивой.

— Полиция, — бросил я, вжав ногой педаль газа.

Мустанг взревел, набрав запредельную скорость. Я выключил фары, и мы погрузились во тьму.

«Служанка», — подумал я, пока Куколка глядела назад, ища глазами синие огни.

— *И что бы ты ни делал, всегда убирай свидетелей, — твердил мне Хайд перед моим отъездом.*

Чепел согласно кивнул.

— *Неважно виновны они или нет, быстро их прикончи. Не оставляй в живых никого, кто видел твое лицо.*

Но я облажался. Нарушил первое правило успешного убийства, и все потому, что моя маленькая Куколка решила, что служанка очень красивая. Как чертова кукла.

Я взглянул в зеркало заднего вида — никаких намеков на синие огни. Я так быстро, как только мог, мчался по пустынным проселочным дорогам. Сирены смолкли, но я знал, что они еще появятся. Дождь заливал лобовое стекло, я ехал вслепую.

— Беги, Кролик, беги, — пела рядом Куколка. — Беги, беги как можно быстрее!

Я взглянул на нее краем глаза. Она в полнейшем восторге подпрыгивала на своем сидении.

Она понятия не имела, что произойдёт, если нас поймают.

Я вспомнил, в каком она была состоянии, когда я ее нашел. Она снова станет такой. Куколкой, вырванной из Страны Чудес и опять очутившейся в комнате с множеством дверей. Слишком большой, чтобы пролезть сквозь какую-нибудь дверь, которая вернет ей ее прежнюю жизнь... ее здравый ум.

Мне не хотелось, чтобы она была в здравом уме. Мне хотелось, чтобы она оставалась такой: чокнутым и темным совершенством.

Я так сильно вжал педаль газа, что машина затряслась от напряжения. Я ехал несколько часов, пока мы не оказались в маленьком городке. Мы оба насквозь промокли, и мне совсем ничего не было видно сквозь бушующую грозу. Заметив вдалеке от дороги окруженное густыми деревьями здание, я повернул направо и направился в ту сторону. Я развернулся и, пробуксовав по грубому гравию, припарковался позади дома, под покровом темноты и густых деревьев. Прежде чем отправиться в следующий пункт назначения, мы дождемся отъезда копов.

Я заглушил двигатель; из-за плотной листвы деревьев дождь стал тише. Куколка наклонилась к автомобильной консоли и, посмотрев на яркие неоновые огни, мелькающие на крыше здания, спросила:

— Кролик, что там написано?

Я посмотрел на нее. В мокрой одежде она выглядела такой юной. Эти огромные голубые глаза и розовые губы. Платье прилипло к ее телу, груди были мокрыми и блестящими. Теперь кровь осталась только у нее на платье и на чулках.

— Кролик? — произнесла она, убирая у меня с лица мокрые волосы.

Я посмотрел на вывеску, и с интересом приподнял бровь.

— Девочки, — проговорил я, глядя, как на крыше танцует неоновая женщина.

— Девочки..., — с благоговением повторила Куколка.

Она подалась вперед и стала повторять движения танцующей женщины. Даже волнуясь на счёт полиции и не представляя, где мы, бл*дь, вообще находимся, я не мог перестать таращиться на свою Куколку. Мои глаза всегда были прикованы к ней. Я не мог отвести взгляд. Ничто на свете — ни звезды, ни солнце или море — не могло отвлечь от нее мое внимание.

Я достал свой телефон и написал Чепелу.

Я: *«Позвони в полицию. Скажи им, что видел, как мы ехали на восток. Сбей их с нашего следа».*

ЧЕПЕЛ: *«Что ж, рад Вас слышать, сударь. Как говорится, сделаю в лучшем виде».*

Почти сразу последовал еще один ответ.

ЧЕПЕЛ: *«Сколько ещё?»*

Я посмотрел на Куколку, которая по-прежнему танцевала под свою кассету, с восторгом глядя на неоновую танцовщицу.

Я: *«Двое».*

ЧЕПЕЛ: *«Приятно было пообщаться. Удачи. Хайд передает тебе привет... как и Генри, хотя он в последнее время практически не появляется».*

Я нахмурился, удивляясь, куда делся Генри, когда над нами прогремел новый раскат грома. Гроза приближалась. Я вышел из машины и открыл дверь со стороны Куколки.

— Пойдем, милая.

Она взяла мою протянутую руку, и мы направились ко входу в здание. В дверях стоял мускулистый мужчина. Когда мы приблизились, он прищурился и скрестил на груди руки.

— Удостоверение личности, — проговорил он.

Я взглянул на него и приподнял бровь.

— Вау..., — выглянула из-за меня Куколка. — Да Вы огромный!

Она потянулась к нему и надавила ему на бицепс. Я откинул её руку. Она разозлилась и сузила глаза, но мне было все равно. Она не смела прикасаться ни к кому, кроме меня.

Я полез в карман и вытащил оттуда пачки стодолларовых купюр. Шагнув вперед, я сунул их в карман его куртки. Когда он увидел, сколько я туда положил, у него округлились глаза. Наличные, которые перед отъездом я позаимствовал из щедрого тайника, спрятанного в кабинете Траляля и Труляля.

Я отступил назад и положил руки на трость.

— Никаких вопросов. Никаких документов. Приватная комната. И если приедет полиция — ты нас не видел.

Качок устоял на меня. Я ухмыльнулся, ожидая, когда он начнёт со мной спорить. Вообще-то, я очень на это рассчитывал. Но качок отступил в сторону и открыл перед нами дверь. Взяв Куколку за руку, я вошел в здание. Воздух был наполнен вонью сигаретного дыма, стены сотрясала музыка. Качок повел нас по коридору, и мои ноги утонули в ковре. Я крепче схватил Куколку, которую с ног до головы оглядывали проходящие мимо нас мужчины. Она широко улыбалась им и, танцуя на ходу под музыку, махала им рукой.

Я прошел за качком через красный занавес... и невольно распахнул глаза от открывшегося перед нами зрелища. Я рванул к себе Куколку. Когда она посмотрела на сцену, у нее отвисла челюсть. Впереди перед нами танцевали женщины, обнаженные женщины и женщины, под музыку снимающие с себя одежду. У края сцены слонялись мужчины. Одна девица присела на корточки, на ее лоснящемся от масла теле не осталось ничего, кроме одинокой полоски ткани, выступающей в роли трусиков. Какой-то мужик сунул за полоску деньги, после чего она поднялась и протанцевала в другую часть сцены.

Эти танцы не были похожи на те, что танцевала для меня Куколка. Расхаживая по сцене на высоких каблуках, эти шлюхи трахали мужчин глазами. Они изгибались и трогали себя.

— Кролик..., — прошептала Куколка, достаточно громко, чтобы я услышал.

Её просто заворовили эти женщины. Она не сводила с них глаз. А я не сводил глаз с нее, поэтому не почувствовал, как какая-то шлюха коснулась моей спины. Я не заметил, как полуголая сука обвила меня рукой и приблизилась губами к моему уху.

— Привет, красавчик, — произнесла она. — Пришел сюда поиграть?

Не выдержав ее грёбаных прикосновений, я резко развернулся и схватил ее за горло. Прижав ее к стене, я приставил к ее голове свою трость, ту часть, в которой был пистолет, и приготовился стрелять.

— Не смей, бл*дь, меня трогать! — прогремел я, глядя в ее распахнутые от ужаса глаза.

Я сильнее стиснул ей горло, наблюдая за тем, как ее глаза наливаются кровью.

Скоро сучка умрёт.

Мне на плечо легла чья-то рука, и я выпустил шлюху. Стиснув зубы, а развернувшись, готовый перерезать всем глотки. Там стоял качок.

— Не трогай наше дарование, — произнёс он и, посмотрев на мое разъярённое лицо, поднял вверх руки.

Я повернул голову к шлюхе и увидел, как сучка уже убегает в служебное помещение. Во мне кипело бешенство, пока Куколка не обняла меня за пояс. Она прижалась ко мне всем телом. Я тут же вдохнул аромат ее волос. Запах духов, которые она все время носила — розы.

Розы, розы, розы, розы.

Куколка посмотрела на меня и улыбнулась. Я задержал в груди дыхание, а затем порывисто выдохнул. Но я все еще чувствовал на себе эту сучку. Я все еще ощущал ее прикосновение, как вдруг...

Куколка протянулась к моей спине и начала тереть то место, к которому осмелилась прикоснуться та шлюха. Я вздохнул. Я дышал и дышал, чувствуя, как прикосновение

Куколки заменяет собой прикосновение шлюхи. Но мне было нужно нечто большее. По мере того, как угасал мой гнев, как я наблюдал за биением пульса на шее Куколки, и как она касалась меня своими руками, воспаляя мою кровь, мне уже было нужно гораздо, гораздо больше.

— Комнату, — потребовал я, зная, что качок по-прежнему стоит позади меня. — Приватную комнату. Сейчас же. Или все те деньги, что я тебе дал, пойдут на оплату твоих похорон.

Качок повернул направо и повел нас по другому коридору. Из-за дверей раздавались стоны и пыхтение. Но мы шли дальше, моя рука лежала сзади на шее Куколки. Качок остановился у двери и вручил мне ключ.

— Комната запирается. На всякий случай там также имеется задний вход.

Я кивнул. Очевидно, мы были не первыми, кого прятали здесь за наличные.

Я как раз собирался войти в комнату, когда мне на мобильный пришло сообщение.

ЧЕПЕЛ: «Готово. Они клюнули. Пережди час, потом уезжай. Удачи».

Я сунул телефон в карман и шагнул в комнату. Проследовав за мной, Куколка протиснулась мимо меня, и тут увидела, что находится в центре.

— Сцена..., — прошептала она и подошла ближе.

Она потянулась и погладила металлический шест, стоящий в центре черной сцены.

— Это то, на чём танцевали те женщины.

Я захлопнул дверь и запер нас изнутри. Свет в комнате был тусклым, только льющееся с потолка красное свечение. Из колонок раздавалась громкая музыка. Напротив сцены стоял большой диван.

Я прошел мимо Куколки, гнев все еще бушевал во мне, словно ураган. Я почувствовал, как колотится мой пульс, как стремительно несётся по венам кровь, и у меня напрягся член. Проходя мимо Куколки, я протянул руку и провел пальцами по ее шее. Мой острый наперсток царапнул влажную кожу. Куколка повернулась и, окинув меня тяжелым взглядом, выгнулась ко мне. Я прошел к дивану. Не оборачиваясь, я скинул пиджак и бросил его в угол комнаты. Затем сел и положил руки на кроличью голову, украшающую мою трость.

Я прислонился к спинке дивана. Затем поднял глаза. Поднял глаза и увидел, как Куколка смотрит на меня со сцены. Ее волосы были влажными. Глаза широко распахнуты. Зрачки расширены.

Я знал, что и сама она тоже была влажной.

Я знал, что ей понравилось, как я швырнул к стене ту шлюху за то, что та прикоснулась к тому, что на самом деле принадлежало Куколке. У нее потекла киска от того факта, что я не мог выносить ни чьих прикосновений, кроме ее.

Ее сиськи впирали из корсета платья. Чепел порвал бы в меня за то, что я назвал их «сиськами».

— «Груди», — говорил он мне. — Дэннер Дэн, никогда не следует выражаться как невежественный, грязный дикарь. Даже если так оно и есть.

Но сейчас, распалённый жаром убийства и желанием забить прикоснувшуюся ко мне шлюху, я был гребаным дикарём. И я устоял на Куколкины сиськи.

На ее бледной коже вспыхнул румянец и, словно лесной пожар, разлился по шее и щекам. Куколка покачивалась из стороны в сторону. Она плотно сжала бедра, пытаясь ослабить напряжение; я знал, что ее заводил мой взгляд.

Она прикусила губу. Затем опустила руки вдоль тела, и ее пальцы подхватили подол платья и медленно поползли вверх. Я глядел на эти пальцы, всё сильнее сжимая свою трость.

Затем.

— Танцуй.

Куколка взметнула на меня глаза и встретила с моим неподвижным, пронизывающим, властным взглядом.

— Что? — спросила Куколка.

Я не шелохнулся.

Мой взгляд метнулся к сцене, затем снова к ней.

— Танцуй.

Куколкины глаза чуть прикрылись, а потом скользнули к черной сцене, залитой потоком красного света. Посередине блестел серебряный шест. Комната утопала в тяжелых ритмах музыки, такой громкой, что она отдавалась в груди.

— Я всегда танцую для тебя, Кролик.

Она снова повернулась ко мне, и на ее розовых губах проступила дразнящая ухмылка. Она прекрасно знала, что делает. Она знала, что, изображая святую невинность, действует на мой член, как укротитель змей на рептилий.

— Не так, — проговорил я, поглаживая наперстком тыльную сторону лежащей на трости руки.

Я подался вперед.

— Как те шлюхи.

Куколка резко втянула в себя воздух и снова немного поёрзала. Не сводя с нее пристального взгляда, я склонил голову набок.

— Я видел, как ты смотрела на них, милая. Видел, как тебе хотелось подняться на сцену. Как тебе хотелось извиваться вокруг шеста, хотелось, чтобы на тебя смотрели также, как на них, когда они выступали голыми, — я ухмыльнулся. — Я видел, как тебе хотелось раздеться для меня.

Мои глаза потемнели.

— Только для меня... И тебе хочется танцевать. Хочется выплеснуть адреналин, полученный от сегодняшних убийств.

Не отнимая рук от трости, я откинулся на спинку дивана.

— Я знаю, что ты хочешь меня подразнить, а потом выплеснуть на хрен всю свою накопившуюся энергию. От своей победы и освобождения мира от Труляля и Траляля.

Куколка затаила дыхание, ее щеки стали ярко-красными. Я приподнял бровь и небрежно повёл пальцем.

— Поэтому танцуй... и я не прошу, — подчеркнул я, зная, что она прекрасно помнит окончание этой фразы.

Отбросив все любезности, я придал голосу мрачный тон, которому, как я знал, она точно подчинится.

— Я настаиваю.

Куколка порывисто выдохнула и, повинаясь моему приказу, двинулась к сцене. Моя марионетка на моих веревочках.

Стиснув зубы, я смотрел, как она поднимается по ведущей на сцену лестнице. Когда она вышла на середину и погладила металлический шест, я почувствовал, как у меня запульсировал член. Ее синее платье насквозь промокло, оно было порвано и заляпано кровью. Светлые волосы превратились в копну завитков, таких растрёпанных, словно я только что отымел ее у стены, обесчестив мою идеальную маленькую куклу. Ее глаза были обведены черным, а на губах остались следы розовой помады. Чулки были испачканы кровью, но остались невредимы, черные и белые полосы, словно ступеньки, привели меня к тому месту, куда мы оба хотели, чтобы я вошел.

Из динамиков зазвучала новая песня, тяжелые басы сотрясали стены комнаты. Певец пел о женщине, превратившей его в дикаря. Песня была как нельзя кстати. Рядом с моей милой Куколкой я реально двинулся умом.

Тем немногим, что еще остался.

Я откинулся на спину и постарался расслабиться, но все мои попытки полетели к черту, как только Куколка начала двигаться. Сжав шест, она принялась покачивать бедрами. Не сводя с меня глаз, она принялась водить пальцами по металлу, вверх-вниз. Её

движения были медленными и соблазнительными. Я хорошо помнил, как скользили эти пальцы по моему члену. Она тоже. Улыбаясь, она гладила шест так же, как гладила меня.

— Быстрее, — приказал я, зная, что, несмотря на громкую музыку, она прекрасно меня слышит.

Куколка обошла шест, затем встала к нему спиной и снова впилась в меня взглядом. Она откинулась на него и, ударившись задницей о твердый металл, закрыла глаза. Потянувшись вверх, Куколка схватилась за шест у себя над головой. Затем она начала опускаться, медленно скользя вниз по шесту. Ее бедра были плотно сжаты. Она опустила вниз и раздвинула их. Медленно.

Мучительно... чертовски... медленно.

Когда ее молочные бедра распахнулись, и показались ее "трусики", я тихо зарычал. Куколка выгнула спину, затем отвела одну руку от шеста и пробежала ею по бедру, пока не коснулась своих трусиков. Мне стало нечем дышать, и я замер без движения, когда она отодвинула в сторону белую ткань... и мне стала видна ее киска.

У меня из горла вырвался громкий рык, от этого звука Куколкины глаза распахнулись. Затем она отпустила ткань, и трусики скользнули на место.

Я пристально уставился на нее, мой член отчаянно нуждался в разрядке, но потом она поднялась вверх и, крутанувшись вокруг шеста, встала ко мне спиной. Она провела руками по шесту. Мои глаза устремились к длинным чулкам, закрывающим ее стройные ноги. Я скользнул взглядом вверх по ее молочным бедрам. Куколка взмахнула волосами и медленно оглянулась на меня. Мое внимание миг переключилось на ее лицо. На глаза, которые улыбались. Осознанно. Я опустил руку к промежности и поправил в штанах твердый как камень член.

Из груди Куколки вырвался громкий победный смех. Развернувшись ко мне лицом, она прислонилась спиной к металлическому шесту. Она впилась в меня своим взглядом, и ее широкая улыбка исчезла. Ее зрачки расширились, и она провела языком по губам. Она пожирала меня глазами с головы до ног, сиськи выпирали из тугого корсета.

— Кролик, Кролик, Кролик...

В одно мгновение ее лицо изменилось. Та невинная Куколка, которую я знал, испарилась. Её место заняла Куколка-шлюха. Куколка-стриптизёрша, вращающая бедрами в такт музыке.

Куколка-женщина, а не та невинная девочка, вместе с которой я рос.

Глядя на эту версию Куколки, я понял, что мы уже не в Стране Чудес.

Оттолкнувшись от шеста, Куколка сделала два шага вперед, а затем остановилась. Она взялась за ленты корсета. Глядя на меня из-под опущенных век и покачивая бедрами в такт наполняющим комнату тяжёлым басам, она принялась вытаскивать ленты из корсета. Когда у нее под пальцами начала расходиться ткань, я с силой сжал челюсти. Вся моя кровь, обжигая вены, устремилась вниз. По мере того, как сантиметр за сантиметром распахивался тугий корсет, мой член так сильно напрягся, что я зарычал от боли, вызванной соблазнительными действиями Куколки.

Увидев, как лента упала на Куколкины ботильоны на высоких каблуках, я поджал губы.

— Упс! — она подняла на меня большие невинные глаза и прикрыла рот рукой.

Её взгляд скользнул к ленте, затем снова взметнулся ко мне. Она опустила руку и ее губы растянулись в медленной ухмылке. Куколка двинулась вперед, и распахнула корсет своими тонкими пальцами.

Когда обнажились ее сиськи, я застонал, звук утонул в грохочущей музыке. Они просто идеально уместались в моих ладонях, словно были созданы самим дьяволом исключительно для меня. Куколка покачивалась, вращая бедрами, и корсет медленно съехал к ее талии.

Куколка закрыла глаза, словно охваченная диким ритмом песни. Она провела руками вдоль тела, по обнаженной коже. Я неотрывно следил за тем, как ее руки

двигались вверх, а потом обхватили сиськи. Запрокинув голову и приоткрыв губы, она принялась теревить пальцами свои затвердевшие соски.

Я сильнее сжал набалдашник своей трости. Из всех сил пытаюсь держать под контролем свою потребность в моей девочке, я сдавил в ладони прочный металл. Мысленно я уже отбросил трость в сторону и вышел на сцену. Мысленно я схватил ее за горло и толкнул спиной к шесту. Наклонив голову, я провел бы языком по ее влажной коже к соскам и всосал один в рот. Куколка начала бы сопротивляться, но я пригвоздил бы ее к месту. Контролируя ее так, что ей не оставалось бы ничего, кроме как подчиниться мне.

Её господину, её королю.

Опустив руку, я задрал бы ей платье и сорвал с нее трусики. Ее киска была бы скользкой и влажной, и я проник бы в нее пальцами. Куколка бы закричала, я бы отпустил ее горло и взял бы ее за волосы. Трижды обмотав вокруг своей руки светлые пряди, я заставил бы ее посмотреть мне в глаза. И я бы вьелся в нее. Я бы хватал все ее стоны и крики и с жадностью их глотал. Я растянул бы брюки, прислонил ее к шесту и, схватив ее за бедра, ворвался в нее. Не выпуская из своей хватки, я заставил бы ее кричать все громче и громче, ее лицо залил бы румянец. И она бы кончила. Она бы кончила, содрогаясь в моих крепких объятьях. Я бы вбирал в себя каждую каплю ее удовольствия до тех пор, пока она не смогла бы стоять на ногах.

И тогда я заполнил бы ее своей спермой. Я заполнил бы ее до предела, так что почувствовал бы своё семя у себя на бедрах.

— Моя Куколка..., — прошептал бы я ей на ухо, пока она судорожно дышала в мое. — Вся. Моя.

Я поморгал, вырвавшись из своих фантазий, и снова сосредоточил своё внимание на сцене. Куколка положила руки на пояс. Подцепив большими пальцами синюю ткань, она стянула ее на живот, а затем на бедра. Куколка закусила губу и, когда платье, наконец, упало на пол, осталась в одних оборчатых трусиках и чулках. Я прижал основание ладони к члену, пытаюсь на время его умирить. Я приказал себе оставаться на месте.

Это был Куколкин звёздный час.

Куколка меня соблазняла. После всех этих лет... она кончала для меня.

Когда началась следующая песня, Куколка опустилась на колени. Наклонившись вперед, она уперлась ладонями в сцену. Стоя на четвереньках, с ухмылкой на губах, она двинулась ко мне. Сидя совершенно неподвижно, я наблюдал за тем, как она подобралась к краю сцены. Так близко, что я мог при желании к ней прикоснуться. Так близко, что я мог протянуть руку и прижать Куколку к своим губам... Так близко, что я мог провести пальцем по ее горлу и смотреть, как пока она танцует, у нее по шее стекает кровь.

Будто прочитав мои мысли, Куколка наклонила голову набок, обнажив белоснежную кожу шеи. Ее рука опустилась к животу и исчезала в трусиках. Закрыв глаза, Куколка принялась ласкать клитор. Когда ее охватила волна удовольствия, у нее на щеках вспыхнул ярко-красный румянец, и на горле забилась вена.

Облизав губы и не в силах бороться с искушением, я подвинулся к краю дивана. Я поднял руку и, пробежав наперстком по ее стройной белой шее, осторожно проткнул кожу. Мне стоило огромных усилий, сидеть спокойно, когда по ее бледной коже скользнула алая капля. Куколка так громко застонала, что ее было слышно даже сквозь грохочущую музыку. Она вынула руку из трусиков и, растерев влажными пальцами кровь у себя на шее, смешала свои соки. У меня потекли слюнки от отчаянного желания попробовать ее на вкус. Но я не двигался. Я смотрел, как она дразнит меня и все ближе и ближе подталкивает к опасной грани потери контроля.

Она и представить себе не могла, что с ней случится, если это произойдет.

Я мог зайти так далеко... даже с Куколкой. Смогу ли я сдержать ту тьму, которая всегда жила во мне, под моей кожей, готовая в любой момент вырваться на свободу? Чудовище, которое они из меня сделали.

— Трансформация, — сказал мне Генри, когда я однажды вечером спросил его об этом. О своих мыслях, тех самых, что касались только Куколки. — Вот как вы получите наибольшее удовольствие.

Он пожал плечами.

— Это типично для случаев проявления насилия, — он подался вперед из темноты угла нашей камеры. — Когда ты ее найдешь, она может оказаться такой же. И получать максимальное удовольствие именно от того, как ты мечтаешь его ей доставлять.

Генри вздохнул.

— Кролик, вы оба — жертвы обстоятельств. Это не делает вас плохими. Просто... другими. Это называют «игрой на грани». Ролевая имитация действий, которые в реальной жизни были бы чем-то немыслимым. Всё это происходит по обоюдному согласию между двумя взрослыми людьми, каждый из которых получает удовольствие от игры. Это всего лишь форма сексуального самовыражения.

— Попробуй.

Голос Куколки ворвался в мое сознание, выхватив меня из моих мыслей. Я уставился на свою девочку, которая сидела на краю сцены, предлагая мне изысканное угощение из своей крови, перемешанной с влагой ее киски. Мои губы приоткрылись от неудержимого желания.

— Попробуй, — уже строже произнесла Куколка.

Взяв меня за подбородок, она потянула меня к себе. Приближаясь к ней, я ощущал на себе ее пристальный взгляд. Когда я зарычал, она прикрыла веки, и я задумался, прав ли был Генри. Сможет ли она это принять. Получится ли у меня доставить ей максимальное удовольствие таким способом.

Кончиком языка я жадно слизал кровь с ее влагой, и она застонала. И тогда я подумал, что, наверное, сможет. Вдохновленный этой мыслью, я бросился к ней в жажде большего. Прижавшись к ней губами, я сильно всосал ее кожу, и у меня на языке разлился пьянящий вкус кровавого коктейля. Затем, потеряв последние остатки контроля, я укусил. Впился зубами ей в кожу.

Куколка застыла, а потом издала такой громкий стон, что я чуть не кончил прямо там. Ее пальцы зарылись мне в волосы. Ногти царапнули мне кожу, вырвав из моей груди низкий рык. Она притиснула меня ещё ближе к себе. Я сильнее ее укусил. Она закричала громче. Ее соски крепче прижались к моей груди.

А потом Куколка меня оттолкнула. Я воспротивился. Поборов ее, я рванулся к ней, не желая отступать. Но затем она с силой меня отпихнула, и я довольно улыбнулся. Она царапалась и боролась со мной.

Я откинулся назад, чтобы заглянуть ей в глаза. Чтобы всё прочесть по ее лицу, чтобы узнать, прав ли был Генри. Когда я отстранился на несколько сантиметров, то встретился с яростным взглядом Куколки. Она отодвинулась, а потом резко ударила меня по лицу. Моя голова запрокинулась, но я снова повернулся к Куколке и посмотрел на нее. Она тяжело дышала, я скользнул взглядом к следу от укуса у нее на шее. Я снова заглянул ей в глаза, и от того, что я в них увидел, у меня бешено заколотилось сердце... жгучая потребность. Желание.

Отчаяние.

В ту же секунду Куколка обняла меня за шею и впилась мне в губы. Кусаясь и введаясь друг другу в рот, мы превратились в сплошные зубы и языки. Она оттолкнула меня назад. Мои локти соскользнули с края сцены. Мне в грудь упёрся Куколкин каблук. Она отбросила меня ногой, как бы приказывая мне сесть на место. Я почувствовал, как от ее сопротивления у меня в жилах закипела кровь, и губы изогнулись в ухмылке.

Мы сверлили друг друга взглядами в битве желаний... и тут я сел, раздвинул ноги и расстегнул брюки. Когда Куколка это увидела, у нее потемнели глаза. Увидела, как я

полез в штаны и вытащил член. Член, который отымеет ее еще до того, как мы покинем это место.

Тот самый член, который, как я знал, она жаждала. Так же сильно, как я жаждал её киску, что скоро станет моей.

Куколка прищурилась и переместилась на колени. Ее руки плавно скользили по телу, остановившись на поясе ее трусиков. Она спустила их по бедрам, незамедлительно продемонстрировав мне свою белокурую киску. Она села и стремительно взмахнула ногами. Подражая тем шлюхам, которых Куколка видела в зале, она медленно снимала с ног трусики. Сунув руку в карман жилета, я достал оттуда немного налички, и, поймав ее взгляд, бросил в нее купюры. Когда трусики повисли на мыске ее ботильона, у Куколки вспыхнули глаза. Быстрым движением ноги она швырнула в меня трусики, и они упали мне на грудь. Я спрятал их в карман.

А потом Куколка поднялась, пристально глядя на меня, и мне стало нечем дышать. Голая, в одних чулках и ботильонах. Мокрые волосы обрамляли ее лицо причудливым ореолом. Ее руки переместились на бедра. Я с жадностью поедая ее глазами — сиськи, живот, бедра и эта белокурая киска — всё взывало ко мне.

Куколка прикусила губу, нагнулась и начала снимать чулки. Я приставил к её бедру трость. Куколка взметнула на меня глаза.

— Их не трогай.

Выражение Куколкиного лица изменилось, словно она собиралась мне воспротивиться. У меня уже заколотилось сердце в предвкушении того, что мне придется *настаивать*... но вдруг на её губы легла слабая тень улыбки, и она выпрямилась. Всё что на ней было — это черно-белые чулки и черные кожаные ботильоны.

Потом Куколка начала двигаться. Покачиваясь и вращая под музыку бедрами, она приблизилась к ступенькам сцены. Когда она направилась ко мне, я сильнее задвигал рукой по члену. Не отрывая от меня взгляда, она обошла вокруг сцены; в мягком свете комнаты ее белая кожа казалась красной.

Куколка остановилась передо мной и, склонив голову, посмотрела на меня. Затем ее голубые глаза скользнули к моей двигающейся руке. Она приоткрыла губы и резко втянула в себя воздух.

Куколка подошла еще ближе. Встав коленями на диван, она оседлала мои бедра. Но ко мне она не прикасалась. Вместо этого она склонилась надо мной. Ее руки вцепились в спинку дивана по обеим сторонам от моей головы. Она закрутила бедрами в такт музыки, ее сиськи замелькали в каком-то сантиметре от моего лица. У меня вспыхнули щеки, всё во мне закипело от жгучего желания схватить ее за запястья и швырнуть на диван. Впитаться ей в рот и ворваться в нее своим членом.

Но я не двигался, глядя, как она возвышается над моими бедрами. Я убрал руку от члена, и она уставилась на него голодным взглядом. Но она все еще сопротивлялась, истязая меня. Выгнув спину, она еще больше приблизила сиськи к моему лицу, задев твердым соском мои губы. Я застонал, глядя, как они колышутся туда-сюда снова и снова. Затем Куколка резко опустилась, прижавшись своей голой киской к моему бедру. Она раскачивалась взад-вперед, задевая животом кончик моего члена. Ее щека легко касалась моей щеки, ее губы очутились у моего уха. Я слышал её дыхание — частое и неконтролируемое. Она рывками терлась о мое колено своим напряженным клитором.

Мои ладони сжались в кулаки. Я смотрел на охваченное экстазом лицо Куколки. Затем она взглянула вниз и застыла без движения. Ее глаза вспыхнули, и на лице медленно проступила улыбка. Она пробежала языком по влажным губам, а затем прошептала это. Фразу, толкнувшую меня за грань.

Фразу, выпустившую на свободу тьму, которую я пытался сдержать...

— Теперь Кролик всецело принадлежит Куколке.

Я рванулся вперед, схватив ее за шею. Куколка вскрикнула, когда я сбросил ее с моих колен и швырнул на диван. Куколка дралась и царапалась. Но я этого не чувствовал.

Я приподнялся и, прижав ее коленом к дивану, рванул на себе жилет с рубашкой. Я скинул их с себя и бросил в другой конец комнаты. Меня переполняло предвкушение. Я запрокинул голову и закрыл глаза, но открыв их снова, увидел, как у меня под ногой вырывается Куколка. Я улыбнулся и наклонился к ней, приблизив губы к самому ее уху.

— От меня не убежишь, маленькая Куколка, — прошептал я.

Куколка отчаянно заметалась подо мной. Она ударила меня по спине, и я зашипел от удовольствия, когда почувствовал, как мне в кожу вонзились ее ногти. Она царапалась, словно дикая кошка, но я намертво прижал ее к дивану. Я почувствовал, как у меня по спине потекла кровь, и передвинулся. Сместился так, что мой член упёрся прямо ей между ног. Прижав ее к дивану, я почувствовал, как сочится ее киска. Как Куколка вырывается на свободу... как она пытается меня сбросить.

Я отстранился и заглянул ей в глаза. В них было исступление. Ярость. Они распахнулись от упоительного блаженства.

У меня в груди взорвалось сердце.

Моей Куколке понравилось играть.

Я схватил ее за плечи, пригвоздив к месту.

— Отвали от меня, — закричала она.

Увидев, что она улыбается, я сжал губы. Затем она ударила меня по лицу и принялась царапать мне руки, грудь и шею своими ногтями.

— Не прикасайся ко мне! — выпалила Куколка, ее дыхание было частым и затруднённым.

Совсем как у меня.

Наклонившись, я приподнял одну руку и схватил ее за подбородок.

— Я тебя трахну, — сказал я ей.

У Куколки загорелись глаза, затем ее веки дрогнули и закрылись. Кровь все быстрее и быстрее неслась по моим венам, когда Куколка приподняла бедра и принялась тереться киской о кончик моего члена.

Она двигала бедрами все сильнее и сильнее, пока не изогнулась под моей мёртвой хваткой. Тогда она уставилась мне в глаза, и прошипела сквозь стиснутые зубы:

— Отвали!

Мрачно улыбаясь и прекрасно понимая, чего ей на самом деле хочется, я раздвинул ей бедра коленями и запрокинул ее руки за голову. Куколка всё время со мной боролась, била меня и брыкалась, от чего я заводился еще больше. Я усилил хватку, полностью подчинив ее себе.

Я провел кончиком носа по ее щеке и губам. Я прихватил зубами ее нижнюю губу и укусил. Куколкины стоны заполнили моё сознание, а потом она попыталась меня сбросить.

Я обезумел.

Взяв ее запястья в одну руку, я обхватил другой ее горло. Куколкины глаза стали свинцовыми от желания, ее похоть только распалялась от моих жестоких прикосновений. Я сдавил ей горло, глядя, как краснеет лицо, и полыхают жаром ее щеки. Мой ноющий от напряжения член упирался в ее плоть, и я ворвался в нее. Куколка вскрикнула, когда я вонзился в нее до предела.

И я не остановился. Я не дал ей времени приспособиться. Перевести дыхание. Я обрушил на нее свою тьму, схватив за горло и удерживая запястья. Я вколачивался в нее безжалостно, резко, грубо, и это было просто охренительно.

Она попыталась пошевелить губами. Но я так сдавил ей горло, что она не могла издать ни звука.

— Ни слова, — потребовал я, нависнув над ее лицом.

В ее взгляде блеснул протест, и она снова попыталась заговорить. Я приподнял ее запястья и ударил ими о диван. Но губы Куколки продолжали шевелиться. Ее плоть сжалась вокруг моего члена, и я стиснул челюсти.

Увидев в Куколкиных глазах торжество, я зарычал. Она пыталась высвободить запястья, но я держал их, словно тиски.

— Не провоцируй меня, — предупредил я и для убедительности сжал ей горло.

В ответ Куколка уперлась в меня бедрами, вырвав из моей груди стон. Я яростно долбил в нее, по нашей скользкой коже бежал пот. Она сжималась вокруг меня все крепче и крепче, в такт сдавленным звукам ее приближающегося оргазма.

— Подчинись, — приказал я и увеличил скорость.

Куколка отчаянно дралась в последней попытке меня побороть. От того, что она оказывала мне яростное сопротивление, которого так сильно жаждал, у меня напряглись яйца.

— Подчинись! — с последним толчком взревел я.

Куколкин крик смешался с гремющей в воздухе музыкой. Она выгнулась, прижавшись к моей груди, затем ее тело обмякло. Увидев, как она упала на диван, ослабив запястья и не защищая от моих рук горло, по мне прокатилась волна жара, и я кончил. Я стиснул зубы. Меня накрыло чувство, какого я никогда раньше не испытывал — высвобождение невероятной силы, сжигающее меня изнутри, заставляющее меня выть и рычать.

Я вколачивался в нее и вколачивался, пока плотная киска Куколки не перестала сжимать мой член. Ее ноги рухнули на диван, и она замерла в полном изнеможении.

Затаив дыхание, я уперся лбом в изгиб между ее шеей и плечом. Подо мной сотрясалось и дрожало ее тело. У меня в груди разлилось приятное тепло при мысли о том, кто стал причиной всех этих прерывистых движений — я. Моя грубость. Ее сопротивление. Наша с ней идеальная извращенность.

Мне было необходимо ее увидеть, я поднял голову и посмотрел ей в лицо. Куколкины глаза были закрыты, она глубоко дышала через нос. Ее волосы прилипли к лицу, щеки покраснелись. На шее алел порез, оставленный прикосновением моего наперстка. Кровь обагрила ее плоть, и на коже особым клеймом проступил свежий след от моего укуса.

Я застонал от того, как дико мне это понравилось. Это объявляло всем, что Куколка принадлежит мне. На ней стоял мой знак.

Куколкины сиськи поднимались и опадали, пока она приходила в себя. У меня дёрнулся член, когда я увидел, что все ещё удерживаю у нее над головой ее запястья. При виде моей руки, сжимающей ей горло, у меня заныли яйца.

Словно почувствовав мой взгляд, Куколка открыла глаза. От идеального макияжа у нее на лице теперь остались только длинные накладные ресницы. Она заморгала, пытаясь прояснить зрение. Я затаил дыхание, ожидая, что она скажет. Ее реакции.

И она улыбнулась.

Выдохнув, я выпустил ее запястья и убрал с ее горла ладонь.

Куколкины руки медленно скользнули вниз. Не сводя с меня глаз, она обняла меня за шею. Я прислонился лбом к ее лбу и просто дышал.

Она молчала, пока я не пошевелился, чтобы выйти из нее.

— Нет, — произнесла она, обхватив меня бедрами.

Я мог бы легко с ней справиться и отстраниться, но мне понравилось, что она хотела удержать меня внутри. У меня снова начал напрягаться член, когда она встретилась со мной взглядом и покачала головой.

— Хочу, чтоб ты остался там.

Я обхватил Куколку и, сел вместе с ней, прислонившись к спинке дивана. Куколка прижималась к моей груди, уткнувшись головой мне в шею. Я провел руками по ее спине. Куколка практически замурлыкала от моего прикосновения и тихонько задвигала бедрами.

Я смотрел прямо перед собой, прокручивая у себя в голове ее крики и стоны. Уставившись на шест и сцену, я вспомнил, как моя Куколка раздевалась для меня.

Вспомнил, как она предлагала мне свою вену. Я поцеловал её в плечо и подумал, а делал ли кто-нибудь такое раньше? Испытывал ли нечто подобное со своей девушкой кто-нибудь из тех уродов снаружи. С женщиной, сотворённой исключительно для него.

С совершенством, созданным в самом аду.

Куколка вздохнула и медленно повернула голову. Ее руки по-прежнему свободно обвивали мою шею.

— Милая, — проговорил я, глядя, как она опустила глаза, и у нее зарделись щёки.

Куколка взглянула на меня из-под ресниц и прикусила губу.

«Какое прекрасное зрелище».

Она убрала у меня со лба прядь волос. Ее палец коснулся татуировки пики у меня на лице. Затем она посмотрела прямо на меня.

— Как ты думаешь, а другие люди Страны Чудес, такие же люди, как мы, Кролик и Куколка, тоже получают удовольствие таким образом?

Я сузил глаза.

— В смысле?

Куколка провела рукой по моей груди и по следам, оставшимся на моей татуированной коже после ее драк и царапанья. Мой взгляд вернулся к укусу у нее на шее.

Куколка обняла меня крепче.

— Прошлой ночью я смотрела телевизор. Там был один фильм.

Я подождал, пока она продолжит.

— Люди... люди вроде нас, они занимались тем же, что и мы. Тем, что мы только что сделали.

Она снова замолчала. Я взял ее за подбородок и, приподняв ее лицо, заглянул ей в глаза. Затем вопросительно изогнул бровь. Куколка вздохнула.

— Они делали это не так, как мы. Всё было по-другому.

— По-другому?

Я умолк, задавшись вопросом, что еще такого делают люди, когда трахаются.

Куколка кивнула головой.

— Они лежали на покрывале. В поле под звездами, — ее губ коснулась лёгкая тень улыбки, и она пожала плечами. — Не было никакой борьбы. Никакой крови.

Я нахмурил брови, представив, как это вообще выглядело.

Куколкин палец опустился мне на грудь. Она провела им по татуировке «Больные ублюдки».

— Мужчина лежал на женщине. Она прижимала его к себе. Ласково...

Голос Куколки казался таким же растерянным, как и я сам.

— Это было медленно. И нежно, — она улыбнулась и, задрав голову, подняла руку вверх. — Под звездами. Луна была такой большой. И... и он сказал ей, что его сердце теперь принадлежит ей. Сказал, что любит ее.

Она покачала головой и снова положила руку мне на грудь.

— Жители Страны Чудес ведут странную жизнь. Чтобы отпраздновать окончание школы, они ходят на балы, носят короны и платья, как у принцесс. Они соединяют свои тела тихо и нежно, под звездами, на одном покрывале.

Она помотала головой, а затем, улыбнувшись мне и сказала:

— Кролик, они все абсолютно помешанные! Вообще не в своём уме! Что они за странные существа!

Я согласно кивнул, но у меня в голове клубился густой туман. Улыбка сошла с Куколкиного лица, и я увидел ее притворство. Ей было грустно от того, какими были другие люди. Как они отличались от нас.

Обхватив руками ее лицо, я притянул ее к себе. Прежде чем наши губы соприкоснулись, я поймал ее взгляд. Она моргнула, но я все равно увидел в ее глазах слезы. Слезы по тому, чего у нее никогда не было. Платья. Звезды. Признание в... любви? Это озадачило меня больше всего.

Выбросив это из головы, я прижался губами к ее губам. Но на этот раз я сделал это нежно. Ласково...

Когда я отстранился, Куколка вздохнула и открыла глаза. Она безмолвно уставилась на меня странным взглядом.

— Нам нужно ехать, — сказал я.

— Хорошо, — произнесла Куколка и поднялась с моих коленей.

Я набросил рубашку и жилет, застегнул брюки. Я пристально смотрел, как Куколка снова надевает на себя своё испорченное, испачканное кровью синее платье. Когда она повернулась ко мне, у меня перехватило дыхание.

Она моя.

Вся моя.

Я протянул ей руку. Куколка подошла ко мне и взяла мою ладонь. Я вывел ее через заднюю дверь, о которой мне говорил охранник. Небо было чистым, за исключением рассыпанного по нему океана звезд. Мы сели в машину и вернулись на проселочную дорогу. Чтобы Куколка не замерзла, я надел на нее пиджак. Она улыбнулась в ответ, и эта улыбка обожгла мое черное сердце. Еще одна ее фирменная фишка к списку того, от чего у меня нестерпимо ныло в груди.

Выехав на дорогу, я выключил фары. Под льющийся из колонок медляк мы нырнули в тихую ночь. У меня в голове все время крутились Куколкины слова. О мужчине и женщине из фильма. О звездах и покрывале. Об отсутствии крови и грубости...

Я бросил взгляд на Куколку и увидел, что она крепко спит. Она слегка улыбалась во сне, завернувшись в мой пиджак. Черный закрывал цветное. Совсем как у нас с ней. Моя тьма затмевала ее свет.

Но другого выхода не было. Без нее я не мог существовать. Я никогда этого не допущу. Все должно было быть именно так, как сейчас.

Взяв с автомобильной консоли мобильник, я набрал номер Чепела. Он ответил на третьем гудке.

— Юный Дэппер Дэн, — произнёс он. — Чем обязан такой приятной неожиданности?

— Как люди трахаются? — тихо спросил я, чтобы не разбудить Куколку.

Последовало молчание. Затем:

— Рискну предположить, что в основном не так как вы.

Я нахмурился. Чепел вздохнул.

— Романтические жесты, юный сударь. Как правило, близость рождается из романтики. Ласковые прикосновения. Поцелуи. Нежные поглаживания по волосам.

Я молча слушал.

— Для начала даме дарят подарок, что-нибудь, что ее обрадует. Вызовет улыбку. Затем романтика — ужин, вечер вдвоём... медленный танец.

Я снова взглянул на Куколку и свернул направо. На дорогу, ведущую к человеку, который ранил мою девочку больше всего.

— Они друг друга раздевают, наслаждаясь каждым прикосновением любимого. Затем они переходят в постель или в какое-нибудь другое удобное для этого место.

Я сглотнул, а Чепел продолжил.

— Потом, Дэппер Дэн, они занимаются любовью. Не трахаются. Никакой агрессии. Ничего неподобающего, только он и она. Соединяясь в одно. Глубоко интимно. Медленно. Нежные поцелуи и чувственные поглаживания, пока они оба не дойдут до высшей точки.

Я сжал на руле руку, пытаюсь себе это представить. Я даже не смог такого вообразить.

— После этого мужчина, если он конечно джентльмен, крепко ее обнимает. И если у него есть к ней чувства, говорит ей, что любит ее.

Я замер, замер как изваяние.

— Дэппер Дэн? — произнёс Чепел.

Не дождавшись моего ответа, он спросил:

— Ты ведь любишь свою маленькую Куколку, не так ли?

— Люблю? — переспросил я.

— Не представляешь свою жизнь без нее? Убьешь любого, кто причинит ей боль? Умрешь, если вдруг ее потеряешь? Не можешь ни дышать, ни спать, не увидев ее лицо?

Я снова взглянул на нее, и у меня на шее бешено забились вены. Всё. Я чувствовал всё это без исключения. Кем был Кролик без своей Куколки?

Чепел снова заговорил.

— Ты должен сказать ей об этом, сударь. Юные дамы, как правило, очень любят, когда им это говорят, — пауза. — Вы на пути к предпоследнему убийству?

— Да, — ответил я.

— Туз в колоде, если я не ошибаюсь?

Я с отвращением приподнял губу.

— Да.

— Тогда, если мне не изменяет память, признание в любви будет уместным после того, как милая Куколка его одолеет. Встреча с призраками прошлого, особенно с тем, который сыграл едва ли не главную роль в твоей гибели, может внести беспорядок в чьи-то чувства, — он тяжело вздохнул. — Просто мысли вслух.

Не попрощавшись, я нажал на отбой. Объяснения Чепела пульсировали у меня в голове. Я взглянул вверх на звезды.

«Это было под звездами. Луна была такой большой. И... и он сказал ей, что его сердце теперь принадлежит ей. Сказал, что любит ее...»

«Нахер звезды», — подумал я, скользнув глазами к сидевшей рядом со мной девушке. К единственной, кто заслуживал моего внимания. Моего взгляда.

«Они все абсолютно помешанные!», — сказала она с натянутым смехом.

Но я понял свою маленькую Куколку. Если они и были "помешанными", ей тоже хотелось стать такой же помешанной.

Медляк закончился, тогда я перемотал кассету и включил его снова. Баллада про любовь. Неспешное, мелодичное звучание песни, казалось, очень соответствовало желаниям Куколки. Тому, что я к ней испытывал.

Я ехал, пока над горизонтом не забрезжил рассвет. Слово «любовь» по-прежнему бредило мой разум.

«Не представляешь свою жизнь без нее? Убьешь любого, кто причинит ей боль? Умрешь, если вдруг ее потеряешь? Не можешь ни дышать, ни спать, не увидев ее лицо?»

«Любовь», — подумал я. Слово, столь чуждое моему лексикону... Однако оно, похоже, жило во мне с девяти лет. *Любовь.* Этим словом невозможно было описать всю глубину моих чувств к Куколке.

Но выбирать не приходится.

Такого грандиозного и мощного слова я не знал.

13 глава

Эдди

— Господи Иисусе, — пробормотал я, подходя к груди тел.

Рядом, завернувшись в одеяло, дрожала служанка.

— Они просто вошли? — спросил ее мой дядя.

Она кивнула.

— Вошли так, словно их пригласили. Женщина... Нет, скорее девушка, присела вон там, — служанка указала на стоящий в центре стола стул, — и начала наливать себе чай и есть пирожные.

Она покачала головой.

— Они были просто невменяемыми. Они оба были просто невменяемыми.

Мой дядя положил руку ей на плечо, а затем позволил художнику-криминалисту сесть рядом с ней и по ее описаниям нарисовать портреты убийц. Мой дядя подошел ко мне.

— Мужчина и женщина. Похоже, им чуть за двадцать.

Я кивнул и, когда криминалисты начали свою работу, отошел от трупов. На стене той же розовой помадой была намалёвана всё та же надпись.

Мой дядя сунул руки в карманы и покачал головой.

— Они наглеют. Каждое последующее убийство страшнее предыдущего, — он наклонился к моему уху. — У меня есть одна зацепка, и я хочу, чтобы ты ее проверил.

Я вопросительно поднял бровь.

— То, что мы обнаружили вместе с Клайвом, третьим трупом... фото детей, которых он насиловал. Я решил копнуть глубже, — он оглянулся по сторонам, чтобы убедиться, что нас никто не слушает. — Я узнал, что бывший начальник Подразделения рейнджеров был близким другом Эрншоу.

У меня по спине пробежала дрожь. Что-то было не так.

— Оказывается, несколько лет назад на него подали заявление. Молодой человек, который утверждал, что в детстве подвергся насилию. Ребенком он воспитывался в приемной семье. И заявил, что его вместе с другими детьми возили в поместье Эрншоу и насиловали. Что Эрншоу и его партнеры платили его социальному работнику за то, чтобы трахать его и других детей, оказавшихся в такой же ситуации.

Я почувствовал, как кровь, капля за каплей, отливает от моего лица. У меня округлились глаза, и я покачал головой.

— Это невозможно, — произнёс я, представив себе мистера Эрншоу. Он был не таким человеком.

Мой дядя пожал плечами.

— По какой-то причине дело замяли. Отнесли к разряду ложных обвинений и подшили так глубоко, что ты в жизни не узнаешь, что оно вообще было, если только не будешь специально искать... настойчиво, — он хлопнул меня по плечу. — Когда я его раздобуду, то попрошу тебя этим заняться. Возможно, это пустышка, но может, стоит поговорить с этим парнем.

— Смит? — наше молчание нарушил голос художника-криминалиста.

Вслед за дядей я подошел к служанке и художнику. Он протянул нам лист бумаги. Моим вниманием снова завладела надпись на белой стене. Линии становились все чётче. Это говорило о том, что их уверенность растёт. Судя по возрастающему количеству их убийств и по манере, в которой эти убийства были совершены, это было очевидно.

— Какого черта? — произнёс мой дядя, разглядывая портрет. Он повернулся к служанке. — Они что, были вот так одеты?

Она медленно кивнула.

Я взял у дяди лист бумаги и посмотрел на портрет... Если услышав о ложном обвинении Эрншоу в изнасиловании, кровь отхлынула у меня от лица, то увидев глядящие на меня с бумаги лица, она определённо испарилась из моего тела. И не только их лица. Их стиль одежды.

Этот прикид и лица я очень хорошо знал.

— Эдди? — ворвался мне в уши голос дяди. Он хлопнул меня по плечу и сжал его.
— Что такое, сынок?

Сглотнув, чтобы как-то смочить пересохшее горло, я прошептал:

— Эллис.

Бумага задрожала. Я понял, что это у меня трясется рука. Я провёл пальцем по ее лицу. По ее накрашенному лицу, по нарисованным вокруг ее левого глаза часам. Затем мой взгляд упал на стоящего рядом с ней мужчину. На того самого, от вида которого у меня закипела кровь. На того, кто когда-то отнял у меня лучшую подругу.

На того, кто был одержим смертью и разрушал добродетель Эллис.

— Хитэн Джеймс, — произнёс я, голос выдал мою неприязнь.

Вскоре неприязнь сменилась шоком. Хитэн что, жив? После всех этих лет он вдруг объявился. Откуда? И как?

— Сынок? Не хочешь объяснить? — осторожно спросил меня дядя.

Медленно опустив бумагу, я повернулся к нему.

— Хитэн Джеймс.

На лице моего дяди мелькнуло узнавание.

— Мальчик, которого ты знал в детстве? Беглец? Тот самый, которого так и не нашли, и решили, что он погиб?

Я кивнул и, взглянув вниз, увидел, как эти глаза с насмешкой смотрят прямо на меня, глумясь и... издеваясь. Они были серыми и холодными. Словно стальные пули. В прозрачной глубине этих глаз не теплилось никакой жизни. Ни какой души.

И у него была моя Эллис.

Он развратил ее. Заставил делать ужасные вещи.

— Он увез Эллис. Он принудил ее против воли, — мною овладел гнев. — Он заставляет ее смотреть, как он убивает.

Мой дядя провел рукой по лбу. Он уже собирался было что-то сказать, как вдруг поднялась служанка.

— Нет, — сказала она, яростно замотав головой.

— Что, дорогая? — спросил мой дядя.

Она указала на изображение Эллис.

— Вы ошибаетесь.

— Вы о чем? — поинтересовался я.

— О девушке.

Служанка натянула на плечи одеяло. Она сильно дрожала, хотя ночь была душной и жаркой. Она дрожала от воспоминаний об увиденном... об убийцах.

Об убийцах, с которыми я был лично знаком.

Служанка откашлялась.

— Эта девушка совсем не невинна.

Мне стало тяжело дышать. Ее голубые глаза поймали мой взгляд.

— Из них двоих лидером была именно она, — ее лицо побледнело. — Она вытворяла такие вещи...

Она постучала пальцем себе по голове.

— Она сумасшедшая. Они оба сумасшедшие. Он мрачный, — служанка подавилась рыданием. — Он хотел меня убить. Девушка меня пощадила...

Она закрыла глаза и покачала головой. Снова их открыв, она сказала:

— Он ею не управляет. И она также виновна в этих убийствах, как и он. Если честно, даже больше.

— Эллис бы этого не сделала, — запротестовал я, умоляя моего дядю понять. — Это наверняка Хитэн. Он наверняка как-то промыл ей мозги.

— У них были другие имена, — вмешалась служанка.

Я посмотрел на нее.

— Они называли друг друга Куколка и Кролик. Я отчетливо это слышала, — она указала на лежащих на полу близнецов. На мужчин, которых я знал ещё тогда, когда был ребенком. — А их они называли Траляля и Труляля. Ну, знаете, персонажи из...

— Алисы в Стране Чудес, — закончил я и, глубоко вдохнув через нос, закрыл глаза.

Когда я снова их открыл, то поймал на себе пристальный взгляд своего дяди. У него на лице застыло вопросительное выражение.

— В детстве... Эллис очень любила эту книгу. Она...

Я вспомнил ее синее платье. Взглянув на рисунок, я увидел на ней такое же платье, что и в детстве. Только это было более вызывающим. Гораздо более откровенным. Я глубоко вздохнул.

— Она представляла себе, что живет в Стране Чудес, — ко мне вернулись воспоминания о нашем детстве. — Эллис назвала Хитэна Джеймса «Кроликом». Она утверждала, что он — Белый Кролик из Страны Чудес, который пришел за ней, чтобы увести в мир приключений.

— И? — сказал мой дядя.

Я поправил свою ковбойскую шляпу.

— Она сказала, что я не такой, как они. Слишком правильный. «Недостаточно безумный». Вот тогда он и отнял ее у меня.

Я до сих пор помнил тот день во всех подробностях...

«Ты не можешь быть Безумным Шляпником, Эдди. Это тебе просто не подходит. Ты не имеешь отношения к Стране Чудес...».

Я взглянул на стол.

— Чаепитие, — я покачал головой. — Эллис всегда любила чаепития.

Я понял, что все странно на меня смотрят, и ударил по наброску.

— Это все Хитэн. Наверняка он главный вдохновитель всего этого. Он всегда был себе на уме. Манипулятором. Настоящим Макиавелли. Он с первой же минуты околдовал Эллис. Он обладал способностью подчинять ее любым своим прихотям. Она ловила каждое его слово, — я сжал челюсти. — Это он. Он пришел за ней, чтобы втянуть ее в эту вереницу убийств.

— Сынок. Я знаю, что ты всегда был равнодушен к этой девушке, но, может быть, ты все-таки недостаточно хорошо ее знал?

— *Я прекрасно* ее знал! — запротестовал я. — Она на такое не способна...

— Она — само зло, — перебила меня служанка. Ее лицо стало каменным. — Эта девушка — зло. Красивая, отвратительная, просто демон.

Она вздрогнула.

— Убивая, она смеялась. Ей нравилось видеть у себя на коже их кровь, — служанка села, охваченная воспоминаниями. — Эта девушка — творение самого дьявола... точнее они оба.

Мой дядя отвёл меня в сторону.

— Что нам известно об этом Хитэне Джеймсе?

— Все, что я знаю, это то, что, когда ему было девять, его мать привезла Хитэна его отцу в поместье Эрншоу, — я потёр основание шеи. У меня разболелась голова. — Она сказала, что он ее напугал. После этого ее не удалось разыскать. Когда его папа погиб в результате произошедшего в поместье несчастного случая, Хитэна забрал к себе отец Эллис.

Лицо дяди оставалось бесстрастным.

— Тогда, скорее всего, нам нужно найти миссис Джеймс и задать ей несколько вопросов.

Я кивнул. Как только мой дядя собрался уходить, я сказал:

— Осталось еще двое.

Я вынул их пакета для вещдоков игральную карту.

— Ее "дядя Джон" и папа.

Я порывисто выдохнул.

— И мы понятия не имеем, где они находятся. Но они станут следующими, за кем придут убийцы. Они методично уничтожают всех, кто жил в поместье, — добавил я факт, который никак не хотел признавать. — И убийства становятся все более чудовищными. Берут своё эмоции. И, кстати, интенсивность их убийств стремительно растет, а значит, худшее еще впереди.

— Нам нужно бросить все наши ресурсы на их поиски. Но одно мне не дает покоя, — сказал дядя. — Зачем таким внушительным бизнесменам прятаться?

Он подошел ближе и понизил голос.

— Именно в то время, когда их обвинили в совершении насильственных действий в отношении ребенка, — дядя выразительно приподнял бровь. — Нам не следует исключать никакой возможности.

Он ушел, а я посмотрел на зажатую у меня в руке карту. Изображение близнецов было настолько точным, что меня прошиб озноб. Потом я вспомнил, что рисовал Хитэн, когда они сидели с Эллис на лужайке. Жуткие и мрачные рисунки. Изображения того, как они убивают.

Я закрыл глаза.

«Эллис... какого хрена он заставил тебя сделать?»

***

— Хитэн?

Произнеся имя своего сына, Миссис Джеймс — теперь уже миссис Локвуд — побледнела.

— Мы просто хотим побольше о нем узнать.

Серые глаза миссис Локвуд — глаза Хитэна — метнулись к моему дяде, и она сцепила ладони на коленях. Ее муж взял ее за руку. Она благодарно ему улыбнулась.

Миссис Локвуд была миниатюрной женщиной. Робкой и слабой на вид. Я не мог представить, что Хитэн ее сын. Но потом, я понял, что порочность Хитэна скорее врожденная, нежели приобретенная.

Муж ободряюще погладил ее по спине. Миссис Локвуд убрала от лица прядь черных волос и сказала:

— У Хитэна ещё в раннем детстве проявлялись кое-какие... наклонности, — она отвела глаза. — Он всегда был тихим ребенком. Большую часть времени жил где-то в своём мире. Ему не нравилось, когда к нему прикасались.

Она взяла стакан и отхлебнула воды. Поставив его на место, она сказала:

— Короче говоря, я больше не могла с ним справиться, — она глубоко вздохнула. — Он... он меня напугал. Хитэн всегда был высоким мальчиком. Хорошо развитым для своего возраста. Когда ему было девять, он уже был почти с меня ростом.

Она беспокойно покусала губы.

— Произошел... один случай, после которого я поняла, что не смогу больше жить рядом с ним, — она уронила голову на руки, и у нее из груди вырвалось рыдание. — Я боялась, что он меня убьет.

Она вытерла с глаз слезы и проговорила:

— Он сказал, что убьёт меня. Сказал, что если я когда-нибудь встану у него на пути, он меня убьёт.

Она шмыгнула носом.

— Мой собственный сын. Мой девятилетний сын. Я была совсем одна. Мать-одиночка с ребенком, который, как я полагала, сделает то, что обещал. Я боялась за свою жизнь.

— Почему он стал таким? — спросил мой дядя, — Вы можете определить какой-то конкретный момент?

Миссис Локвуд опустошила свой стакан воды, и муж подал ей салфетку. Она кивнула.

— Я родила Хитэна в очень юном возрасте. Я наивно полагала, что его отец меня любит, но это было не так. Вскоре после того, как появился Хитэн, он нас бросил, — она рассеянно уставилась в окно. — Без денег мне ничего не оставалось, кроме как вернуться к отцу. Моя мать умерла от рака много лет назад.

Муж крепче сжал её руку.

— Мой отец был жестоким человеком. Надсмотрщиком. С Хитэном он вёл себя особенно сурово. Хитэн ничего не говорил, но я знала, что он его ненавидит.

Слушая её рассказ, я напрягся.

— Однажды я вернулась с работы и обнаружила отца на полу нашей кухни, — произнесла она и зажмурила глаза. — Хитэн сидел рядом с ним, весь в крови.

Она икнула.

— В дом вломились. Этих людей вскоре поймали. Они ворвались к моему отцу, чтобы забрать у него деньги. Но у него были только карманные часы, семейная реликвия, которую он отказался им отдать. Позже они признались во всем полиции. За то, что отец не отдал им эти чертовы карманные часы, его десять раз ударили ножом прямо на глазах моего маленького сына.

При воспоминании об этих часах, у меня похолодела кровь.

«Тик-так... тик-так... тик-так...»

Миссис Локвуд больше не могла сдерживать слез.

— Я знала, что на Хитэне скажется это убийство. На каком шестилетнем ребенке бы не сказалось? Только оно сказалось на нём совсем не так, как я ожидала. Нет, — она покачала головой. — Хитэна не терзали воспоминания. Казалось... это его *воодушевило*.

Я почувствовал, как у меня на затылке зашевелились волосы.

— После убийства карманные часы исчезли. Мы все думали, что это убийцы их забрали или выбросили. Оказалось, они всё это время находились у Хитэна. Они были разбиты, сломаны и не подлежали ремонту. Я нашла их у него, когда обнаружила Хитэна сидящим на обочине дороги рядом с соседской собакой. Её задавила машина. Хитэн прилип к этой бедной собаке и широко распахнутыми от изумления глазами рассматривал ее мертвое тело. В руках он держал эти часы, повторяя «Тик-так, тик-так, тик-так». Мальчик считал, что часы работают. Похоже, эти часы ассоциировались у него со всем, что связано со смертью. И он всё время твердил «Тик-так». В тот момент я поняла, что увидев убийство моего отца, он изменился навсегда. После этого он только и делал, что читал о смерти, убийствах, серийных убийцах и способах умерщвления.

— Я не могла показать его специалистам, мне это было не по карману. А потом все стало только хуже. Его одержимость усиливалась. Он сжигал насекомых. Уничтожал бабочек. Их смерть его завораживала, их гибель от его собственных рук.

— Однажды, когда ему было девять, я пришла домой и обнаружила, что он сидит на кухонном полу. Хитэн был весь в крови. Рядом с ним лежал нож, и всё его тело покрывали порезы, раны, которые он явно нанес себе сам. Он втирал свою кровь в кожу рук и лица, потом остановился и кровью написал на кухонном полу «Тик-так». Я бросилась к нему и попыталась забрать у него эти проклятые часы, — её лицо побледнело. — Мой мальчик. Он... он вскочил на ноги, схватил меня за горло и прижал к стене. Он пригрозил, что если я снова к нему подойду, если посмею забрать часы, он убьет меня во сне.

Она уставилась на моего дядю.

— И он бы это сделал, — она выпрямилась. — В тот день я отвезла его в поместье Эрншоу и передала его отцу. Я просто не выдержала.

Когда беседа подошла к концу, мой дядя поднялся и пожал руки миссис и мистеру Локвуду. Я последовал за ним. Когда мы уже уходили, миссис Локвуд положила ладонь на плечо моего дяди и сказала:

— Я не знаю, что он натворил, но этот мальчик — большая проблема. Ничему и никому никогда не удастся до него достучаться. Он никогда никому этого не позволит.

Вот тут она ошиблась. Потому что девушка, которой он это позволил, когда-то принадлежала мне. Экстравертная блондинка, ростом около метра пятидесяти и весом не более пятидесяти килограммов теперь располагала всем вниманием Хитэна Джеймса. И отвечала ему тем же.

Самая упоротая парочка, какую я только видел.

В полной тишине мы вернулись на базу рейнджеров. Я никак не мог выкинуть из головы то, что сказала мать Хитэна. Что даже в детстве он мог убить. Пока я работал за своим столом, прошло несколько часов. Не успел я подписать свой последний отчет о кровавом чаепитии, как мне на стол легла еще одна папка. Я застонал и поднял глаза на младшего офицера.

— Я тут ни при чём. Твой дядя сказал, как только это придёт, передать его тебе.

Включив лампу, я взял со стола папку. В названии значилось: «Эрншоу». Я провел по папке рукой. Она была старой.

Ложное обвинение.

Я перевернул страницу и начал читать... и не останавливался, пока не дочитал до конца. Я откинулся на спинку стула и провел рукой по волосам, чувствуя себя совершенно разбитым. Часы на стене пробили три, громкие звуки боя разнеслись по опустевшему офису.

Но я продолжал сидеть, закрыв глаза и понимая, что всё только что прочитанное мною, правда. И там упоминалась Эллис. Маленькая Эллис. Чистая, хрупкая, маленькая Эллис.

И Хитэн.

Ещё там упоминался Хитэн Джеймс.

Я крепко сжал глаза, пытаюсь справиться с подступившей к горлу желчью. И прошептал всем и в то же время никому:

— Господи Иисусе.

14 глава

БАРМАГЛОТ

Куколка

— Тебе понравился твой портрет? — спросила я Кролика, когда мы ехали по очередной новой дороге.

Кролик пожал плечами.

— Мне плевать на портрет.

Я откинулась на спинку сиденья и вспомнила ту картинку. Включив сегодня утром телевизор, я сразу же увидела там наш с Кроликом портрет. Он был нарисован карандашом. В нижней части экрана отобразилась надпись «Больные ублюдки». Остальное я не успела прочитать, слова бежали слишком быстро. Но Кролик сказал, там говорится о том, что мы "серийные убийцы". Что мы на свободе. Там описано, как мы одеты, и сказано держаться от нас подальше.

Меня все это нисколько не волновало. Мне просто понравился наш с Кроликом портрет. Мне хотелось его как-нибудь раздобыть. Хотелось поместить его в рамку.

— Ты там был таким красивым, — произнесла я и, повернувшись к нему, улыбнулась.

Кролик приподнял бровь. Я рассмеялась, увидев его угрюмое лицо.

— Ты самый красивый парень, которого я когда-либо видела.

Кролик взглянул на меня краем глаза и ухмыльнулся.

Я включила музыку. На нас потоком хлынули песни моей мамы. Я задумалась о том, что нас ждёт. Внутри у меня всё сжалось, по телу пробежала дрожь, и я прижала к груди свою куклу.

Бармаглот.

Я сглотнула, почувствовав что-то, чего никогда не испытывала раньше, когда сталкивалась с плохими людьми. Страх. Взглянув на его карту, я почувствовала страх. Кролик дал мне карту этим утром. Он сказал, что Бармаглот мой.

Бармаглот был самым отвратительным из всех плохих людей.

Он был тем злом, что ранило маленькую Эллис больше всего.

Он был тем, кто сделал ей ребенка... а затем вырвал его у нее из живота.

Я провела рукой по лицу Бармаглота. Посмотрев ему в глаза, я вздрогнула.

Омерзительные, омерзительные, злые глаза.

Мне на бедро опустилась ладонь Кролика. Сделав глубокий вдох, я взглянула на него. Сегодня я приклеила свои супер-длинные накладные ресницы. Я густо накрашилась губной помадой. Мне нужна была их защита. Бармаглот был хорошим бойцом, очень хорошим бойцом.

Он был моим самым главным испытанием.

— Ты сможешь его одолеть, — заверил меня Кролик, прочитав мои мысли.

Я кивнула, но кукла задрожала в моих трясущихся руках.

— Я..., — я сделала глубокий вдох. — Мне страшно, Кролик. Бармаглот... он очень меня пугает.

Кролик сжал челюсти. Он посмотрел на меня, и на какое-то мгновение я утонула в его серебряных глазах. Это были две прекрасные Луны. От их красоты я почувствовала себя немного лучше.

— Ты сможешь его одолеть, — повторил Кролик.

Его голос был низким и твердым. Я знала, что Кролик раздражен. Знала, что он злится. Он вел себя точно так же, как тогда, когда мы ехали к Чеширскому Коту. Только сегодня, он ни на секунду не оставлял меня одну. Куда бы я ни пошла, он следовал за мной. Он был со мной, когда я принимала душ, прикасался к моему лицу и гладил по

волосам. Я красилась, сидя у него на коленях. И теперь его рука неизменно лежала у меня на бедре.

Не знай я его лучше, то решила бы, что моему Кролику тоже страшно.

— У тебя есть нож и пистолет, — продолжил он. — Я все время буду рядом.

У него раздулись ноздри.

— Я не позволю ему причинить тебе вред.

Не знаю, почему, но у меня задрожала нижняя губа. Я взглянула на лежащую у меня на колене руку Кролика, и у меня в глазах всё поплыло. Затем я снова посмотрела на зажатую у меня в руках карту. Бармаглот ничем не отличался от других плохих людей, которых мы убили. Но в то же время он был совершенно другим. Потому что был тем, кто причинил Эллис больше всего зла.

Я знала, что вне всяких сомнений, она боялась его как никого другого.

Эллис затихла у меня в голове. С тех пор, как я сказала ей, что мы уже в пути, но сначала нам нужно разделаться с Бармаглотом, она больше со мной не разговаривала. Но я ее чувствовала, она пряталась у меня в сознании. В темноте. Испугалась и притаилась в месте, где Бармаглот не сможет снова ее найти.

Потому что он хотел навредить Эллис. Он всегда хотел очень сильно ей навредить. Совсем как когда Эллис была ещё маленькой, он причинял ей боль... а потом еще и ещё. Снова и снова, не обращая внимания на то, что она плакала. Не обращая внимания на то, что ей хотелось, чтобы Хитэн ее утешил. Бармаглот мучил ее и мучил, пока Эллис не оказалась в заточении за той жуткой дверью... в темном лесу, полном злобных тварей и безумных кошмаров.

Кролик взял меня за руку. Из моих глаз скатилась слеза и упала ему на ладонь. Кролик молча поднес к губам мою руку. Я затаила дыхание, потрясенная тем, что он может быть со мной таким нежным и ласковым.

А потом он поцеловал меня. Его губы, такие мягкие и пухлые, поцеловали тыльную сторону моей ладони. И как только его драгоценное дыхание легко коснулось моей кожи, весь лёд у меня в груди бесследно растаял. Затем он опустил наши руки мне на колени. Он не произнес ни слова, но я уверена, что тогда момент был бы испорчен пустой болтовнёй.

Молчание всё мне сказала. Мой Кролик меня любит. Он никогда этого не говорил, но я всё почувствовала. И сейчас этого было достаточно.

Я сжимала его руку до того самого места, где жил Бармаглот. Когда мы въехали в город, в котором он укрывался, я почувствовала в воздухе запах соли. Проезжая по тихим улицам, я увидела море.

— Где мы? — спросила я.

— В Дель-Рио, — ответил Кролик и снова замолчал.

Мы очень долго ехали, потом Кролик свернул с шоссе. Мы мчались по проселочной дороге, пока, наконец, не оказались на берегу. Я ахнула от такой красоты. Не успела я об этом сказать, как Кролик спросил:

— Как ты планируешь его убить?

Я опустила взгляд на наши сцепленные руки.

— Я... я не знаю, — я посмотрела на сверкающую в лучах солнца голубую воду. — Я хочу заставить его заплатить.

Я глубоко вдохнула.

— Бармаглот — худший из всех нехороших мужчин. Даже хуже, чем Король Червей, потому что он навредил Эллис больше всех остальных. На долгие годы запер ее за дверью и оставил там в полном одиночестве.

На глаза снова навернулись слёзы, и я моргнула.

— Эллис сказала мне, что он помог избавиться от ее Хитэна.

Кролик замер. Его пальцы почти до боли сжали мне руку.

— Бармаглот сделал так много гадостей, что мне и Эллис кажется, что он должен умереть в самых жутких муках. Но...

— Но что?

— Но я просто не могу ничего придумать. По какой-то причине, в случае с Бармаглотом мне ничего не приходит в голову. Не знаю, почему. У меня в мыслях сплошной туман.

Кролик ласково погладил меня по щеке. Я нахмурилась. Это был уже второй раз, когда Кролик нежно ко мне прикоснулся.

— Кролик? — спросила я, не понимая, о чём на самом деле спрашиваю.

— Ты просто его убьешь, — сказал он. — Никакого баловства. Ты зайдешь туда. Выберешь оружие и убьешь его. Не дай ему тебе навредить. Просто убей. А потом...

Он закрыл глаза.

— Останется всего один, — закончила за него я.

Он открыл глаза и кивнул.

— Кролик? — я крепче сжала его руку и оглянулась на воду.

Она была такой безмятежной.

— Мы ведь совсем рядом с его домом, да?

Кролик напрягся, но снова кивнул.

— Он примерно в десяти минутах езды отсюда.

Я глубоко вдохнула ртом и выдохнула через нос. Не знаю, сколько ещё мы так сидели в машине, глядя на воду, но, когда высоко в небе пролетела птица, я повернулась к Кролику.

— Я готова, — заявила я, услышав в своём голосе дрожь.

В третьем акте своего неожиданного рыцарства Кролик наклонился и поцеловал меня в губы. Почувствовав такое лёгкое и ласковое прикосновение его губ, я чуть не лишилась сознания. Не было никакой крови. Никаких укусов и грубости, просто нежность и умиротворение.

Это покорило мое сердце.

Не убирая с моей щеки руку, он отстранился.

— Кролик, — тихо прошептала я и распахнула глаза.

Кролик сглотнул, у него покраснелись щеки. В его глазах мелькнул странный взгляд. Который я никак не могла разгадать. Но если бы меня спросили, я бы рискнула предположить, что это было похоже... на что-то вроде... счастья.

Кролик скользнул на своё сидение и выехал на грунтовую дорогу. Когда мы проезжали мимо берега, я сжала в руке нож. Закрыв глаза, я наполнила свое сознание всеми теми ужасными вещами, которые Бармаглот делал с Эллис. Эллис не только рассказала мне об этом, но и показала. Поэтому я прокручивала в голове образы один за другим. Я слушала крики Эллис, пока у меня в ушах не зазвенело от пронизывающей их боли. И я почувствовала, как Бармаглот толкается у меня между ног, заставляя Эллис кричать.

Во мне начал разгораться гнев, такой неистовый гнев, какого я никогда раньше не испытывала. Я почувствовала, как он стремительно разносится по рукам, ногам и груди. Когда он достиг моих пальцев, я еще сильнее сжала нож. Меня охватил такой ослепляющий гнев, что когда мы подъехали к дому, окруженному темными деревьями... густым лесом, похожим на тот, в котором томила Эллис... я уже не думала, я действовала.

Повинуясь кипящей во мне ярости, я вырвалась из машины. Я бежала и бежала. Я пронеслась по газону и направилась прямо к дому. Затем взметнулась по ступенькам и ворвалась во входную дверь.

Я не остановилась, чтобы посмотреть, идёт ли за мной Кролик. Мои глаза застилала ярость. Я должна была следовать по тропе своего гнева к его источнику: Бармаглоту.

Я пробежала по коридору, заглядывая во все комнаты в поисках каких-либо признаков движения. Кто-то выскочил на меня из третьей двери. Я вонзила нож ему в грудь... и побежала дальше. Я даже не остановился посмотреть, кого убила. Просто

поняла, что это не он. Я подсознательно знала, что когда мы его найдём, я непременно его узнаю. Я никогда не забуду это отвратительное, злое лицо, которое запечатлела в моем сознании Эллис.

Какой-то человек схватил меня за волосы и рванул назад. Повернувшись, я увидела перед собой мужчину, одетого во всё черное. Я вспорола ножом его горло прямо до мозга. Мне в лицо тут же хлынула кровь, и он отпустил мои волосы.

Я обернулась, подыскивая в этом большом доме жертву для следующего убийства.... а затем услышала это.

— Эллис! — раздался голос сверху лестницы. — Эллис!

У меня похолодела кровь. Я узнала этот голос. Эллис рассказала мне, что это был за голос... и, что еще хуже... он выкрикивал ее имя.

Бармаглот, самый омерзительный из них всех, звал Эллис. Дразнил меня. Издевался, насмехался надо мной...

Очень скоро он умрёт.

Перескакивая через две ступеньки, я взбежала по лестнице. Я подняла нож к плечу, готовая в любой момент нанести удар. Когда я взобралась на самый верх, то услышала шаги. Резко повернув голову, я бросилась направо. Я бежала на звук шагов, пока не оказалась в какой-то затемнённой комнате. Прищурившись, я попыталась отыскать этого монстра, когда он вдруг снова ее позвал. Бармаглот остановился в другом конце комнаты, притаившись в тени.

Он стоял прямо передо мной.

Я затряслась от ярости. Из меня потоком хлынула энергия гнева, и, дрожа всем телом, я двинулась вперед. Но не успела я сделать и три шага, как пол ушел у меня из-под ног. И внезапно я начала падать. Я кричала и падала... всё ниже и ниже. Пока не упала на что-то мягкое. Я взглянула вверх, и мною овладел страх и полнейший ужас.

Нора... прямо надо мной была нора... кроличья нора.

— Нет, — прошептала я и огляделась вокруг.

Я находилась в комнате: в комнате с тремя дверями. Мигом вскочив с того, на чем я там сидела — оглянувшись назад, я увидела, что это была кровать — я бросилась к первой двери. Она была заперта. Я побежала ко второй. Она тоже была заперта.

— Нет! — ещё громче закричала я, голос задрезжал у меня в горле.

Нетвёрдыми шагами я подошла к третьей двери и протянула к ней руку... Заперта.

Я замотала головой. Я так быстро замотала головой, что у меня всё поплыло перед глазами. Что-то стукнулось об пол. Посмотрев вниз, я увидела на грубых деревянных половицах свой нож. Я попятилась назад. Я отступала, пока мои ноги не ударились о матрас.

Увидев вокруг себя четыре стены, я почувствовала, как у меня задрожала нижняя губа. Три двери... это была копия комнаты, из которой я не могла выбраться в течение долгих лет.

Я вернулась в комнату со множеством дверей.

К горлу подступили рыдания. Силы покидали моё тело, словно сочащаяся из раны кровь. Я машинально свернулась на кровати, в защитном жесте обхватив себя руками. Я закрыла глаза, пытаясь бороться с тьмой и глубокой бездной, разверзающейся у меня в груди.

Внезапно дверь справа от меня открылась. Я распахнула глаза, и меня сковал ледяной страх. Я увидела, что ко мне идёт мужчина. Я взглянула на его ноги, на его начищенные черные кожаные ботинки... И мне сразу же стало ясно, кто загнал меня в ловушку.

Когда он подошел к кровати, я все еще смотрела на его ноги. Почувствовав, как мне в волосы погрузилась его рука, я закрыла глаза. Мне хотелось отстраниться, мне хотелось убежать, но комната со множеством дверей меня парализовала. Я не шевелилась и не могла отбросить его руку.

— Эллис..., — прошептал он.

Я почувствовала, как его голос вонзился прямо мне в душу. Как его когти скребли хрупкое стекло, в которое превратилось моё сердце, надавливая на слабые места, пока оно, наконец, не разбилось на мелкие осколки, лишив меня остатков мужества и надежды.

Бармаглот грубо погладил меня по лицу, заменив своим касанием чувственный след, совсем недавно оставленный Кроликом. Я хотела, чтобы ко мне прикоснулся Кролик. Хотела, чтобы он ласкал мою кожу своими нежными прикосновениями.

Мне нужен был Кролик, и точка. Мне нужен был Кролик. Но он не найдет меня в этой комнате. Он не сможет в нее войти — все двери закрыты. А ключи только у Бармаглота.

— Моя Эллис, — прошептал Бармаглот.

Сбоку под его весом просел матрас. Я почувствовала, как он ко мне приблизился. Почувствовала его запах — виски с сигарным дымом.

Я ненавидела этот запах.

— Думаешь, я не знал, что ты придешь? — усмехнулся он. Звук его голоса резанул мой слух. — Как только я услышал имена жертв, как только увидел в новостях тот портрет, я понял, что ты за мной придешь.

Его палец скользнул к моему подбородку. Он вынудил меня повернуться к нему лицом.

— Открой глаза.

Не в силах сопротивляться его приказу, я подчинилась. И как только я на него взглянула, то почувствовала, как вся та косметика, что купил мне Кролик, испаряется с моего лица. Я почувствовала, как мое платье из синего превращается в черное. Почувствовала, как Куколка исчезает. Как ее храбрость и мужество растворяются во влажном воздухе. Я задрожала от страха.

— Эллис Эрншоу, — проговорил Бармаглот.

Только вот когда я посмотрела ему в глаза, то увидела, что это никакой не Бармаглот. Вместо него рядом со мной сидел дядя Джон, держа меня за подбородок.

— Дядя Джон, — прошептала я.

Он ухмыльнулся.

— Вот она, — произнёс он, его рука пробежала вдоль моего тела и остановилась на голом бедре. — Моя маленькая Эллис. С английским акцентом, ни больше, ни меньше.

Его глаза опустились на моё платье и вспыхнули.

— Тебе всегда нравилось играть, не так ли?

И тогда он начал его поднимать. Когда его грубая рука поползла вверх по моему бедру, у меня сбилось дыхание. С трудом подавив рыдания, я почувствовала, как он отвел мои трусики в сторону и стиснул мою ягодицу. Когда он встал возле меня на колени, я с силой зажмурила глаза.

Дядя Джон перевернул меня на спину. Пока он приподнимал мне платье, я открыла глаза и уставилась в потолок. Он задрал платье, сморщив ткань у меня на поясе. Подцепив пальцами резинку моих трусиков, он стянул их у меня с ног и бросил на пол.

Он встал с колен и полез на меня. Я уставилась в одну точку и представила себе Кролика. Представила его серебряные глаза. Его татуировки и черные волосы. Но усерднее всего я представляла себе, как он целовал меня сегодня у воды. Нежно, ласково, с такой любовью.

Я представила, как люблю своего Кролика.

Руки осторожно поднялись по моим ногам прямо к животу. Кончиками пальцев дядя Джон провёл по моему шраму. Он порывисто выдохнул.

— Я это помню.

Я услышала в его голосе торжество.

— После этого шрама нам с тобой стало гораздо веселей, не правда ли, Эллис?

Он опустил голову и поцеловал мой живот. К горлу подступила тошнота. Пытаясь с ней справиться, я сглотнула.

— Ты всегда была моей любимицей, Эллис. Из всех, кого я обучил, ты была моей любимицей, — он вздохнул. — Но потом ты для меня померкла, потеряла свой блеск. Было так печально, Эллис, когда ты меня покинула, когда свет твоих глаз потух.

Он провел пальцем по моей брови. Мне хотелось его сбросить, но меня словно парализовало. Я никогда не могла дать отпор дяде Джону.

Я принадлежала дяде Джону. Всегда. Много лет назад он выиграл меня в покер.

— Мне так не хотелось тебя оставлять, Эллис. Но теперь ты снова здесь, и в твоих глазах тот же самый блеск.

Его рука переместилась к внутренней части моего бедра.

Мое сердце зашло в беспорядочном ритме. Оно умаяло его оставить меня в покое. Но все мольбы остались без ответа. Мольбы оказались бессильны. Поэтому я закрыла глаза и попыталась отгородиться от звуков. Попыталась отгородиться от гадкого ощущения его рук, скользящих у меня между ног.

Я отгородилась от всего этого.

Я обрадовалась возвращению темноты.

Снова в комнате со множеством дверей.

Снова совершенно одна.

15 глава

Кролик

— Бл*дь! — заорал я, заглянув в одно из окон дома. У моих ног лежали двое мужчин с перерезанными глотками и вспоротыми животами. Куколка исчезла за дверью наверху лестницы.

Она скрылась из виду.

А потом, бл*дь, раздался ее крик.

Я зарылся руками в волосы и принялся шагать взад-вперед. Внутри находилась охрана. Охрана, которой раньше у этого уroda не было.

Новости. В теленовостях показали наши ориентировки. Обнародовали имена жертв. Теперь они оба знали, что мы за ними придем.

Прекрасно знали, если судить по новым охранникам.

Я помчался обратно к машине. Открыв багажник, я перерыл все дерьмо, что у меня там было. Дерьмо, которое я купил прошлой ночью, пока Куколка спала на заднем сиденье.

Отыскав АК-47, я схватил его в руки. Я захлопнул багажник, а потом замер. Я пристально посмотрел на дом. И сердце моё ушло в пятки.

А что если она мертва?

А что если этот пидор ее убил?

Она убежала.

Исчезла, и я не успел до нее добраться.

Грудь пронзила нестерпимая боль, и мне стало нечем дышать. Я изо всех сил пытался принять мысль о возможной потере Куколки. О том, что ее больше никогда не будет рядом. Не будет больше убийств. Такой близости.

И я никогда больше не накрою ее своим телом.

Трясущимися руками я потянулся к своему телефону. Я набрал единственный забытый в нем номер.

— Дэппер Дэн! — произнёс Чепел.

— Она у него! — прошипел я и почувствовал, как мое сердце превращается в пыль.

Я не мог дышать при одной мысли, что она там, вся в крови... мертвая. Только не Куколка. Она была единственным человеком, которого я не смог бы убить.

— Дыши, — раздался из телефона еще один голос.

Генри.

— Она у него! В его гребаном доме! — я почувствовал в ногах слабость и прислонился к машине. — Она убежала. Я не смог ее вовремя догнать, дверь закрылась, и он запер ее внутри.

Я почувствовал, как у меня из глаза скатилась слеза, и, ошарашенно сглотнув, сжал челюсти.

— Она у него...

— Так заberi ее.

Я замер, услышав в трубке знакомый грубый голос Хайда.

— Мужик, соберись нахрен и иди, заberi свою девушку.

Я сжал в руках трость и АК-47.

— Она кричала... что если... что, если он ее убил? — я почти захлёбывался словами.

— В таком случае ты их всех убьешь. Кто бы там ни остался в этом доме, ты их прикончишь. Ты их всех уничтожишь. И если ты тоже погибнешь, то, по крайней мере, ваша с Куколкой разлука будет очень недолгой.

— Дэппер Дэн, может, он ее и не убил, — раздался успокаивающий голос Чепела. — Может, он просто взял ее в плен.

Он помолчал.

— И она будет ждать, когда же Белый Кролик её спасёт.

При этих словах я опустил голову и сделал глубокий вдох. Затем я поднял глаза и, уставившись прямо перед собой, позволил своей ненависти к этому ублюдку заполнить мои вены.

— Мне надо идти, — бросил я в телефон и швырнул его в машину.

Я не спускал глаз с дома. Поправив сбившийся галстук, я сжал в ладони трость и привёл АК-47 в боевое положение. Сначала я шел по лужайке, а затем побежал; со свирепой решимостью я ворвался во входную дверь. Я обнажил свою трость и крепко схватил клинок. На меня набросился охранник, потом второй, потом третий. Я их всех прикончил. Раздались выстрелы, но я шлёпнул стрелков ещё до того, как они могли в меня попасть.

Потом я поднялся по лестнице. Я повернул направо и посмотрел на дверь, за которой скрылась моя Куколка. Я взломал замок булавкой от галстука. Замок щёлкнул, и деревянная дверь открылась. Как можно тише, я пробрался в комнату, держа наготове автомат и клинок. Меня встретила пустота.

Тихо ступая по деревянному полу, я вдруг услышал доносящийся откуда-то снизу голос.

— Ты всегда была такой нетерпеливой, маленькая Эллис. Всегда хотела своего дядю Джона.

Едва его грёбанный голос, обращённый к моей Куколке, достиг моих ушей, меня охватила жгучая ярость. Пытаясь понять, откуда он идет, я осмотрел пол.... и внутри у меня всё сжалось.

Дыра в полу?

Кроличья нора.

Куколка провалилась в кроличью нору.

Представив, что это означает, я широко распахнул глаза. Что это означает для нее, как она могла воспринять это падение своим поврежденным умом...

Она больше не в Стране Чудес. А из этого следует...

— Нет, — прошептал я.

Я обошёл дыру и замер на месте. Куколка лежала на кровати в центре комнаты. От того, что я увидел дальше, меня затрясло.

Над ней навис этот мудака. Бармаглот. Куколка смотрела в пустоту совершенно потерянным взглядом. Безжизненное тело на кровати.

Моя маленькая сломанная кукла.

Я отошел дыры. Я обшарил всю комнату в поисках другого способа до нее добраться. В углу была дверь. Я стремительно ее открыл. За ней располагалась узкая лестница, ведущая в комнату этажом ниже.

Я прокрался по ступенькам, в конце которой находилась дверь. Я перевёл дух и попытался успокоиться.

«Он — её жертва, — напомнил я себе. — Когда она вернется — а она обязательно к тебе вернется — Куколка получит Бармаглота на блюде».

Я досчитал до пяти и вышиб дверь. Дерево легко уступило моему гневу. Бармаглот поднял глаза.

Он и я, мы оба были здесь ради этой куклы. Боролись за право обладания.

Она моя.

А он уже не жилец.

Бармаглот вскочил с кровати. У него округлились глаза, и он заговорил.

— Хитэн Джеймс, — он покачал головой. — Вот уж не думал, что снова тебя увижу. Вообще-то, я выложил кучу денег, чтобы этого не случилось.

Я с отвращением скривил губы. Эта скотина не заслуживала даже разговора. Единственное, что я видел, это как *он* пригвоздил к кровати мою девочку. Единственное,

что крутилось у меня в голове, это то, как этот мудака, подавлял её, насиловал, а затем вырвал из нее её ребенка. Внутри у меня всё кипело, мой гнев обострял мои чувства.

Я влетел в комнату и выстрелил из АК-47 прямо ему в ногу. Он потянулся за пистолетом, спрятанным в кобуре у него на поясе. Я выстрелил еще раз, на этот раз ему в руку. Кровь хлынула на пол, и он заорал.

От этого божественного звука у меня дернулся член.

Бармаглот рухнул на пол. Подняв голову, он принялся за чем-то карабкаться. Я посмотрел вниз и увидел у своих ног Куколкин нож. Перекинув через плечо ремень АК-47, я наклонился и забрал нож. Бармаглот оказался упёртым выродком. Медленно он полз вперед, в его глазах горела смертоносная ярость.

Я дал ему подползти к моим ногам — прямо туда, где ему самое место.

— Сукин сын, — выплюнул он, брызнув кровавой слюной мне на ботинки.

Склонив на бок голову, я внимательно смотрел на это жалкое зрелище.

— Судя по всему, «Больной убудок», — с ноткой сарказма ответил я.

И ухмыльнулся.

— Когда я был ребенком, ты казался мне намного более устрашающим.

Я наклонился, пока не оказался всего в нескольких сантиметрах от его лица. Его щеки покрылись красными пятнами, вне всяких сомнений, из-за боли от всаженных мною пуль. Я оглянулся на кровать и увидел там мою Куколку, которая безжизненно смотрела в потолок. У меня перехватило дыхание, и я впился глазами в ее грудную клетку. Но увидев, что она все же медленно колыхается вверх-вниз, меня накрыло волной такого облегчения, какого я никогда раньше не испытывал, и я выдохнул.

Потом мои глаза скользнули ниже... и на этот раз во мне разразился сущий ад. Когда я увидел ее задранное до пояса платье. Когда увидел на полу ее трусики.... увидел ее раздвинутые ноги, меня неудержимо затрясло. Она не двигалась. Бармаглот вытеснил Куколку из Страны Чудес обратно в комнату со множеством дверей, в которую он упрятал ее на все эти потерянные годы.

Я оторвал взгляд от Куколки и сосредоточил все внимание на лежащем у моих ног насильнике. Руки сильнее сжали Куколкин нож.

«Её жертва», — строго напомнил я себе, когда моя почерневшая душа пыталась сломить мой самоконтроль и прикончить эту тварь.

Я снова посмотрел на кровать. В этом кататоническом состоянии она так легко поддавалась его воздействию. Он снова заманил мою Куколку в ловушку своими манипулятивными игрищами. После всех этих долгих лет, когда он превращал ее чистый ум в кашу, лишь для того, чтобы иметь ее каждую ночь, трахать ее до тех пор, пока она не стала бездумным автоматом, беспрекословно исполняющим все его приказы.

Он тот, кто погубил Эллис.

Он один из тех, кто оторвал нас друг от друга.

Он был тем, кто оплачивал годы моего заточения в Водонапорной башне. Я узнал это из записей надзирателя, когда сбежал.

Из-за этой мрази, валяющейся сейчас у моих ног, выблядка, стиснувшего от боли зубы и судорожно втягивающего в себя воздух, я потерял свою девочку на все эти долгие, утраченные годы.

Я вскочил на ноги. Не удержавшись, я врезал Бармаглоту ногой в живот. Он скорчился, кашляя на мои кожаные ботинки. Я зарычал от отвращения, а затем носком ботинка отбросил его на спину. Я шагал назад и вперед, когда он лежал на спине, его накаченное виски брюхо энергично перекачивалось вверх-вниз, словно морские волны. Я помотал головой, пытаясь удержаться и не вспороть его от пупка до носа.

Я снова повернулся к Куколке и уставился на потёкшую у нее по щекам тушь.

Он довёл её до слёз.

Этот жалкий сукин сын довёл её до слёз.

Он — её жертва. Он должен подохнуть от руки Куколки. Подбросив в одной руке свой клинок, так что сталь удобно легла мне в ладонь, я взял в другую руку Куколкин нож и, развернувшись, вогнал оба лезвия ему в плечи. Бармаглот заорал. Я поглядел на него и улыбнулся. Стальные лезвия вонзились в деревянные половицы под его плечами.

Он был намертво прибит к полу.

Теперь он превратился в добычу, ожидающую, когда Куколка выйдет из забытья. Он пошевелил руками, пытаясь сдвинуться с места, но не смог. Наши взгляды встретились. И в этот момент он понял, что проиграл.

Затем его глаза устремились к Куколке... и на его губах мелькнула лёгкая победная улыбка. Потому что это *он* превратил Куколку в то, что сейчас лежало там на кровати. В девушку, которую я нашел несколько недель назад. Которая сидела на стуле, таращась невидящим взглядом в грязное окно.

Потерянная девушка, одетая во всё черное.

Но она больше не такая. Она на какое-то время потерялась, потому что осталась без меня. Бармаглот не соперник ее Кролику.

И я ему это докажу.

Я забрался на кровать и легко коснулся Куколкиного лица. Она была холодной как лёд. Ее глаза смотрели сквозь меня в потолок. Они не замечали моего присутствия.

— Куколка, — прошептал я ей на ухо.

Ни звука. Даже никакого намёка на движение. Я одёрнул вниз ее платье, а затем снова заглянул ей в лицо.

— Страна Чудес, — прошептал я, вспомнив совет Генри, который он дал мне несколько месяцев назад.

Я должен её вернуть.

Должен провести ее сквозь кроличью нору.

Я взглянул на дыру в потолке. Я никак не мог ею воспользоваться. Схватив Куколку на руки, я помчался с ней к одной из запертых дверей. Я изо всех сил пинал ногой дверь, пока замок поддался. Кладовка. Я бросился к следующей двери и стал ломиться в нее. Эта дверь оказалась прочнее. В конце концов, деревянная панель разлетелась. Дверь распахнулась, за ней находилась ванная комната. Она была просторной, с шикарной отделкой, душем и ванной.

Я ворвался в ванную комнату и положил Куколку на пол. Я включил кран и вставил пробку в сливное отверстие. Ванная начала наполняться водой. Я сел и взял на руки безжизненное тело Куколки. Я качал ее на коленях взад-вперед. Гладил ее по волосам и целовал ей лицо.

— Вернись ко мне, милая, — умолял я, укачивая её всё сильнее. — Вернись ко мне, маленькая Куколка.

Мой голос казался хриплым и надтреснутым.

Я нетерпеливо заглянул в ванную, не понимая, почему она так медленно наполняется. Куколкины глаза были прикованы к стоящей у меня за спиной вешалке для полотенец. Никакой жизни. Никакого блеска.

В их синей глубине не было и следа Куколки.

— Останься со мной!

Я притянул ее ближе, нежно укусив за шею.

— Вернись, — приказал я и сделал наперстком надрез у себя на горле. Кровь потекла мне на рубашку, и я прижал Куколку ртом к своей шее.

— Пей, — произнёс я. — Почувствуй меня. Почувствуй нашу связь.

Усадив ее, я полоснул наперстком себе по руке. Прodelав с ней то же самое, я сцепил вместе наши ладони. Я крепко их сжал, но Куколкины руки оставались такими же обмякшими.

«Вытеснение, — раздалось у меня в голове предупреждение Генри. — Потрявоженный разум некоторых людей потерян для нас уже навсегда. Он навечно заключён в самых дальних и неприступных уголках их сознания».

— Один раз я тебя уже вытащил, — сказал я, уронив наши разжатые руки.

Ванна наполнилась. Я поднял Куколкино невесомое тело и положил в воду. Вода омыла ее лицо, и весь Куколкин макияж растёкся. Осторожно взяв ее за шею, я приподнял ей голову, чтобы она посмотрела на меня. Встретившись с ней глазами, я почувствовал, как у меня сдавило горло и заныло сердце. И я прохрипел:

— Я Белый Кролик... Я пришел, чтобы увести тебя в Страну Чудес. У нас была цель. Ты потерялась, — я сглотнул и сжал глаза. — Но теперь нам нужно, чтобы ты вернулась.

Я закашлялся и судорожно втянул в себя воздух.

— Мне нужно, чтобы ты вернулась.

Прямо перед ее глазами я достал из жилета карманные часы, поднёс их к уху и прошептал:

— Тик-так.

А потом я погрузил ее под воду.

Ухватившись двумя руками за ее шею, я держал Куколку под водой. У нее из ее носа шли пузыри, но она по-прежнему не двигалась...

Пока у нее не дернулась нога. Мой взгляд метнулся к ее ноге, и я сильнее вцепился ей в шею, удерживая ее под водой.

— Спускайся в кроличью нору.

У Куколки пошевелилась рука. Ноги заскользили по ванной. Сначала это были лишь незначительные движения, затем она схватила меня за руку. Я увидел, как в ее тело потихоньку возвращается жизнь, и у меня загорелись глаза.

— Спускайся в кроличью нору! — заорал я, когда она накрыла ладонями мои руки и принялась царапать мне кожу.

Я еще сильнее толкнул ее под воду, пока Куколка не коснулась головой дна ванны.

Она начала отчаянно барахтаться. Она билась всем телом, сражаясь с той черной дырой, которую ей нужно было преодолеть, чтобы вернуться ко мне. Увидев, как она мне сопротивляется, я почувствовал в глазах слёзы, всё вокруг стало размытым.

— Освободись! — закричал я. — Давай же! Вернись ко мне!

Но Куколка боролась до самого конца, пока не выбилась из сил. Пока хватающие и царапающие меня руки не ослабли... и не скользнули вдоль ее тела.

Идущие у Куколки из носа пузырьки исчезли, и она снова стала безжизненной.

Я рывком вытащил Куколку из ванны и положил на кафельный пол. Я выдохнул ей в рот и принялся нажимать ладонями ей на грудную клетку. Я давил и давил ей на грудь, пытаюсь вернуть ее к жизни своим дыханием. Ее кожа побледнела, мокрые волосы прилипли к лицу.

— Вернись! — повторял я, надавливая руками ей на грудь. — Вернись! Это, бл*дь, приказ!

Куколка подскочила на полу, кашляя и отплёвываясь водой.

— Куколка! — воскликнул я и откинул с её лица волосы.

Она открыла глаза.

— Кролик, — испуганно вскрикнула она.

Затем окинула себя взглядом и закричала. Она начала колотить себя по рукам и ногам.

— Я слишком большая! — выкрикивала она, широко распахнув глаза и шаря по комнате безумным взглядом. — Двери! Я не могу пройти сквозь двери!

Я сорвал у нее с шеи флакон со своей кровью и вынул зубами пробку.

— Пей, — приказал я.

Я откинул ей голову назад и влил кровь ей в рот.

Несколько случайных капель скатились у нее с губ. Она сглотнула, а потом выпрямилась. Посмотрела на свои руки и ноги.

— Это сработало! — закричала она совсем как в тот первый раз, когда я вернул ее себе.

— Это сработало! — снова сказала она, но ее глаза заволокло тьмой.

Её недолгая радость сменилась самым что ни на есть злобным взглядом.

— Бармаглот, — холодно сказала она. — Это он со мной сделал.

Куколка поднялась на ноги. Она была вся мокрая, по подбородку у нее стекала кровь.

— Где он?

— Вон там, — ответил я, указав на соседнюю комнату.

Я встал на ноги, не в силах отвести взгляд от красоты охваченной гневом Куколки, которая была полна решимости заставить этого человека заплатить за то, что он разрушил ее жизнь.

Взмахнув светлыми волосами, Куколка вылетела из ванной комнаты. Я быстро последовал за ней, не желая упустить ни секунды этого убийства.

Куколка посмотрела на распятого на полу Бармаглота. Я увидел, как он поднял на нее свои глаза. Он хотел было что-то сказать, но не успел он и рта раскрыть, как к нему бросилась Куколка и, оседлав его, выдернула у него из плеча нож. Она не раздумывала. Даже не успев вздохнуть, она принялась яростно вонзать в него нож. Она колола, и колола, и колола, не останавливаясь. Она без устали кромсала лежащего на полу мужчину, и в ее глазах не осталось ничего, кроме желания убивать.

Она потрошила его до тех пор, пока совсем не выбилась из сил, и ее отчаянно молотящие руки, наконец, ее не подвели. Она обрушила на него более пятидесяти ударов.

Вся залитая кровью, Куколка упала с Бармаглота, теперь уже мертвого от руки своей бывшей жертвы. Его кровь разливалась по полу.

Куколка хватала ртом воздух, карабкаясь назад. Сквозь ее затруднённое дыхание начали пробиваться рыдания, и вскоре они заполнили собою всё пространство. Куколка дрожала всем телом, её грудь сотрясалась от всхлипов. По щекам текли слёзы.

И тут она увидела меня. Она кинулась ко мне и прижалась к моим ногам.

— Кролик... ты пришел за мной, — плакала она, крепко обхватив мои ноги.

Она уронила голову и уткнулась мне в колено.

— Спасибо — прошептала она. Её голос стал глухим и надтреснутым. — Кролик... ты пришел за мной. Освободил меня из комнаты со множеством дверей... Спасибо тебе... спасибо... спасибо...

Она мне поклонялась. Мне, своему Богу, своему господину... тому, кому она теперь принадлежала всецело и окончательно. Она рыдала и рыдала, оседая на пол. Но я просто не мог этого вынести. Не мог видеть ее жалкой и униженной.

Моя Куколка не была какой-то грёбаной рабой.

Она была моей богиней, моим чертовым солнцем.

Я наклонился и приподнял пальцем ее подбородок, велел ей посмотреть на меня. Ее глаза были опущены, и она покорно подчинилась моему прикосновению. Я покачал головой. Жадно ловя взглядом каждое мое движение, Куколка ждала, терпеливо ждала, когда я заговорю.

— Королева ни перед кем не преклоняется, — произнёс я, и Куколкино лицо прояснилось.

Оно засияло светом и живыми красками.

Куколка была создана для ярких цветов.

Наклонившись, так что наши глаза оказались на одном уровне, я добавил:

— Особенно перед своим королём.

Куколка порывисто вздохнула и прыгнула в мои объятия. Она поцеловала меня, впившись губами мне в рот. Обхватив меня за шею, она целовала меня и целовала. И не отпускала до тех пор, пока вдоволь мною не насытилась.

Моя кукольная королева в синем платье.

Я держал ее, пока она не отстранилась. Ее глаза широко распахнулись, и дыхание стало частым. Она отпустила меня и встала на ноги. Куколка молча подошла к распластанному на полу убитому Бармаглоту. Сняв у него с шеи галстук, она окунула ткань в растекшуюся вокруг него кровь и принялась выводить на стене буквы. На этот раз «БОЛЬНЫЕ УБЛЮТКИ» были написаны тёмно-красным, написаны его кровью. Его кровь в уплату за преступления, которые он совершил за все эти годы. Куколка потянулась к его плечу и выдернула мой клинок. Она достала из корсета промокшую карту и положила её ему на лоб.

Туз червей.

Куколка уставилась в его лицо, застывшее теперь в маске смерти. Она стояла так несколько долгих минут. Потом повернулась ко мне.

— Это тебе, — произнесла она и вручила мне мой клинок.

Я вложил его в трость, не удосужившись очистить.

Мне хотелось, чтобы кровь Бармаглота подольше украшала лезвие моей трости.

— Я устала, — внезапно объявила Куколка, и в ее сладком голосе мелькнул проблеск какой-то новой грусти.

Она взяла меня за руку. Ее пальцы все еще не согрелись.

— Пойдем, Кролик. Я больше не хочу здесь оставаться.

Куколка потянула меня к двери, но я провел ее через дом. Мы быстро приняли душ в обнаруженной наверху ванной комнате, смыв с кожи загаженную кровь Бармаглота. Мы выстирали свою одежду, не волнуясь о том, что потом она будет влажной. Снаружи стояла жара. Мы бы быстро обсохли.

Когда мы закончили, я привел ее к машине. Мы отъезжали от дома в полной тишине, не включая музыку. Куколка свернулась калачиком на заднем сиденье, завернувшись в мой пиджак. Прошло всего несколько минут, и она провалилась в сон.

Пока я ехал, то смотрел на нее чаще, чем на дорогу. Она попросила меня отвезти ее прямо в мотель. Но мы направлялись в другое место. Куколка в любом случае заслужила то, что я собирался для нее сделать. Но после сегодняшнего вечера я позабочусь о том, чтобы она была от этого в полном восторге.

Однако ее восторг — ничто по сравнению с тем, в какой восторг она приводила меня.

У меня внутри все сжалось, когда я увидел, как во сне она изо всех сил вцепилась своими тонкими ручками в мой пиджак. Она поднесла его к носу и вдохнула. И когда на ее губах блеснула легкая улыбка, моё сердце просто рассыпалось в пыль.

Прислушиваясь к ее глубокому дыханию, я не мог думать ни о чем, кроме того, что случилось сегодня вечером. О том, как я чуть её не потерял. Для меня было очевидно, что если она умрет, я непременно последую за ней.

Без Куколки не было никакого Кролика.

А без Кролика не было Куколки.

Пока я ехал к месту назначения, то практически не сводил с нее глаз. Моя маленькая кукла, сломанная, но не настолько, чтобы ее нельзя было починить.

И я являлся единственным кукольным мастером, чья квалификация позволяла произвести такой ремонт.

***

Я отошел в сторону и окинул взглядом открывшийся передо мной вид. Я сделал глубокий вдох и провел руками по волосам. Поправил свой новый костюм и галстук, которые достал из багажника. Я покачал головой, смеясь над тем, какого хрена я делаю.

Затем я взглянул на Мустанг. Мои глаза скользнули к спящей на заднем сидении блондинке. И я понял.

Для нее.

Всё это для нее.

Для моей храброй маленькой защитницы.

Я открыл багажник. Спереди стоял ее проигрыватель. Я нажал на кнопку воспроизведения, зная, что песни идеально подойдут для такого момента. Воздух наполнила медленная музыка. Скрытый за распахнутой крышкой багажника, я помедлил. Закатал рукава рубашки и запрокинул голову. Я взглянул на раскинувшееся надо мною небо... и улыбнулся.

У нее будет именно то, чего она так хотела.

Приблизившись к заднему сиденью, я наклонился и погладил Куколку по щеке. С лёгким стоном она поёрзала, но не проснулась. Улыбнувшись ее упорству, я снова погладил ее по щеке и прошептал:

— Куколка?

Она натянула себе на плечи мой пиджак. Поэтому я попытался снова.

— Куколка, милая, — уже громче проговорил я.

Куколка поморгала и вытянула руки. Я зачарованно наблюдал за ней, а потом она повернулась и посмотрела на меня.

Её губ коснулась лёгкая улыбка.

— Кролик..., — произнесла она. Из-за всего того, что сегодня с ней случилось, ее голос все еще был слабым.

За время пути ее волосы высохли, и платье уже не было мокрым.

— Я устала, — сказала она и снова свернулась калачиком, чтобы спать дальше.

Я покачал головой, и от того, какой она может быть прелестной, у меня на душе стало, наконец, так легко.

— Но у меня для тебя сюрприз, — объявил я и увидел, как ее глаза медленно открылись.

Куколка повернулась ко мне лицом и приподняла брови. Потом она снова повернула голову, теперь уже туда, откуда раздавалась музыка.

— Это играет мой проигрыватель?

Я кивнул, затем протянул руку.

— Пойдём.

С растерянной улыбкой Куколка взяла меня за руку, и я помог ей подняться с заднего сиденья. Почувствовав острую необходимость прижать ее к себе, я ее обнял. Куколка слегка взвизгнула, когда я поднял ее и вытащил из машины. Наши взгляды встретились, и я невольно сглотнул, волнуясь по поводу того, что она обо всем этом подумает. Это был не я. Я так не думал. Я никогда такого не делал.

За всю свою жизнь я никогда ни из-за чего так не нервничал.

Я вообще никогда не нервничал. Было очень непривычно испытывать это чувство. Мне потребовалось некоторое время, чтобы понять, что это такое.

Я нервничал от того, что ей всё это не понравится.

Нервничал от того, что у меня не получится этого сделать.

Я поставил Куколку на землю, и у нее на щеках вспыхнул румянец. Этот румянец убил меня на месте. Он всегда на меня так действовал; этот румянец и ещё ямочки, которые появлялись, когда она улыбалась.

Куколка взяла меня за руку, и я уставился на наши сцепленные руки. Вспомнив, что раньше ей это нравилось, я поднес ее руку к губам и прижался к ней в нежном поцелуе.

Куколка ахнула. Ее дыхание стало учащённым.

— Пойдем, — снова сказал я и подвел ее к багажнику автомобиля.

— Кролик? Что происходит? — спросила она, оглядываясь вокруг.

Я отпустил ее руку.

— Закрой глаза.

Улыбнувшись, Куколка покачала головой, но потом сделала, как я просил. На мгновение я засмотрелся на ее лицо, на то, как она стоит передо мной, закрыв глаза. Полностью мне доверившись. У меня в груди снова всё сжалось. Сделав над собой усилие, я вынул из багажника подарок.

— Открывай.

Куколка сделала, как я велел... и ее голубые глаза стали такими огромными, что превратились в две большие Луны.

— Кролик, — прошептала она, пытаясь взять у меня платье.

Ее глаза метались вверх и вниз, жадно его разглядывая. Она робко протянула руку, словно боясь дотронуться до блестящей синей ткани.

— Это..., — у нее на глаза навернулись слёзы. — Это... это мне?

Я кивнул.

— Тебе.

Я дёрнул головой в ее сторону.

— Надень его.

Куколка порывисто выдохнула, потом взяла у меня из рук платье. Я полез в багажник за туфлями. Но, когда повернулся, чтобы ей их отдать, то невольно остановился. Полная Луна освещала Куколкин силуэт. Посреди поля, на котором мы припарковались, были только мы; она и я, и усеянное звездами небо.

Мне было на них плевать. Их красота меркла по сравнению с ее царственностью.

Куколка сбросила с себя одежду. В лунном сиянии молочная кожа ее спины казалась белоснежной. Она приподняла платье над головой, и оно легко скользнуло вниз по её телу. Я подошел к ней. По тому, как на мгновение напряглись ее плечи, я понял, что она почувствовала меня у себя за спиной. Затем она наклонила голову в сторону, подставив мне свою шею.

Не удержавшись, я осторожно отодвинул ее волосы и нежно поцеловал кожу у ее горла. Она затаила дыхание, и по ее телу пробежали мурашки.

Я передал ей через плечо туфли, а затем застегнул ей платье. Я медленно потянул вверх молнию, наслаждаясь тем, как ткань обволакивает каждый сантиметр бледной кожи. Я отошел назад и стал ждать, когда она наденет туфли.

Когда туфли были на ногах, она обернулась. Я не мог на нее насмотреться, разглядывая ее с головы до ног. Длинное синее платье доходило ей до самых щиколоток. Блестящие серебряные туфли идеально сидели на изящных ножках.

— Тебе нравится? — взволнованно спросила она, приглаживая руками пышную юбку.

Я кивнул и заглянул ей в глаза. Вернувшись к проигрывателю, я быстро перемотал кассету до нужной мне песни. Когда заиграли первые аккорды, я повернулся и протянул Куколке руку. Она покраснела и, опустив глаза, подошла ко мне.

Она всегда приходила на мой зов.

Куколка взяла меня за руку. Затаив дыхание, она ждала, что я буду делать дальше. Я поднес к губам ее руку, коснулся ее лёгким поцелуем, а затем поклонился. Приняв подобающую джентльмену позу, я поднял глаза и спросил:

— Позвольте пригласить Вас на танец?

На Куколкином лице был написан полнейший шок. Она не произнесла ни слова. Вместо этого она согласно кивнула. Выпрямившись, я притянул ее к груди. Я взял Куколку за руку, а другой осторожно обхватил ее за талию. Куколка положила мне на плечо свою ладонь. Я заглянул ей в глаза. Они были прикованы ко мне. Ее щеки заливал румянец.

Когда началась песня, и какой-то мужчина запел о том, что не в состоянии с кем-то там жить, но и без нее он жить тоже не может, я стал покачиваться вместе с Куколкой в такт музыке. Она не сводила с меня глаз, я крепко прижимал ее к себе, позволив словам песни рассказать ей о том, что я чувствую. Я не был согласен с тем, что не могу жить с Куколкой. Ещё как могу. Мы с ней никогда не расстанемся.

Уверен, что даже после смерти.

— Кролик, — тихо произнесла Куколка, сверкая своими голубыми глазами на фоне звезд. — Ты ведь не танцуешь.

Я ухмыльнулся и притянул ее еще ближе. Я почувствовал исходящее от ее кожи тепло. Вдохнул запах роз, который ощущал всегда, когда она была рядом.

— Похоже, что сегодня танцую.

Куколка одарила меня улыбкой, а потом и звонким смехом, который тут же унёсся в воздух. Мы танцевали, пока не кончилась песня. Когда заиграла следующая, такая же медленная, Куколка оглянулась вокруг и спросила:

— Кролик? Это... это что, выпускной?

Прижав к груди наши сцепленные руки, я кивнул.

— Твой выпускной, милая Куколка. Вполне заслуженный выпускной, только для тебя.

— И для тебя, — на одном дыхании сказала она.

Казалось, она была совершенно сражена всем этим. Куколка запрокинула голову и посмотрела на звезды.

— Кролик... покрывало из звезд, — она взглянула направо. — И Луна такая круглая и яркая.

— Они выглянули специально для тебя, — произнёс я, и ее улыбка стала такой ослепительной, что не уступала полуденному солнцу.

Мы танцевали. Мы станцевали еще три песни. Куколкино лицо покраснелось от танцев. Когда я остановился, то снова низко поклонился и поцеловал ей руку.

— Благодарю за танец, Куколка.

Она рассмеялась.

Выпрямившись, я увидел, как в ее глазах снова появился огонь, огонь, который померк после того, как она уничтожила Бармаглота. Я увидел, как ее движениям вернулась легкость, увидел, как она вновь засветилась отнятой им чистотой, так, словно ее исцелила лунная пыль.

— Снова закрой глаза, — проговорил я.

— Кролик! — с укоризной сказала она. — Больше никаких подарков. Я и так уже чувствую себя крайне избалованной!

— Еще один.

Сверля ее суровым взглядом, я ждал, когда она закроет глаза. Куколка засмеялась, но потом все же сделала, как я просил.

Я подошел к багажнику и достал из него последний подарок. Я вернулся к Куколке и встал перед ней.

— Открывай, — сказал я.

Куколка распахнула глаза. Я спрятал подарок за спину. Когда я решил, что достаточно испытал ее терпение, то достал подарок из-за спины.

Куколкины глаза округлились от удивления. Ее ладони взметнулись к губам, и из груди у нее вырвался восторженный вздох.

— Кролик...

Она медленно протянула руку и провела кончиками пальцев по сверкающим камням.

— Э...эт... корона, — не веря своим глазам и чуть не плача, произнесла она.

Я поднял корону вверх. Под восхищенным взглядом Куколки, я водрузил её ей на голову.

— Для моей королевы.

Хорошенько ее закрепив, я отошел назад и залюбовался своей работой. Я не мог отвести от нее взгляд. Моя Куколка. Моя маленькая Куколка, которая однажды сломалась, но исцелилась благодаря красивому платью и короне. И теперь стояла перед своим королем, как царственная особа, каковой она и являлась.

Моя королева тьмы.

— Ну? — взволнованно спросила она, опустив руки.

Я шагнул к ней. Потом еще. Я жадно разглядывал ее корону, ярко-голубые глаза, розовые губы.

— Само совершенство, — низким и хриплым голосом произнёс я.

Куколка опустила глаза, а затем снова их подняла и прошептала:

— Глупый Кролик.

У меня дернулся уголок рта. Она вернулась. Моя маленькая Куколка ко мне вернулась. Она не погибла. Она рядом со мной. Заняла свое законное место моей королевы.

Вспомнив слова Чепела, я двинулся к ней. Очень медленно я приблизился губами к ее губам. Куколка затаила дыхание, когда я, едва касаясь, скользнул по её губам. Ласково их дразня, я почувствовал, как она вздрогнула. Затем я дёрнулся вперед, и наши рты слились в поцелуе. От моего прикосновения Куколка тихо застонала. От того, что я лишь попробовал ее на вкус, у меня по спине пробежало незнакомое тепло. Всего лишь поцелуй и ничего больше.

Отстранившись, я прижался лбом к ее лбу и просто дышал. Куколка подняла руку и положила ее мне на грудь. Ночь была тихой, совсем как мы.

Шло время; не было слышно даже вездесущего тиканья моих карманных часов.

— Я должен показать тебе ещё кое-что, — сказал я и взял ее за руку.

Я провел Куколку вглубь поля. Сельскохозяйственные угодья у черта на рогах. Только мы, небо и наши грехи. По прерывистому Куколкиному вздоху я понял, что она увидела лежащее на земле покрывало. Но сначала я к ней не повернулся. Тоже взглянув на покрывало, я задумался о том, что она говорила про тот фильм.

Я не был уверен, что смогу это сделать.

Но потом мне на плечо скользнула Куколкина ладонь, и я почувствовал, как она прижалась лбом к моей спине. Я опустил голову и глубоко вздохнул. Я отогнал прочь темные мысли, которые грозились вот-вот вырваться наружу. Выбросил из головы их жестокие прикосновения и звуки.

И, закрыв глаза, я медленно повернулся. Куколка успокаивающе погладила меня по щеке своими маленькими пальчиками.

— Кролик.

Услышав, как Куколка прошептала мое имя, я открыл глаза. Она сделала глубокий вдох.

И тогда я понял, что она нервничает, так же, как и я.

— Не знаю, получится ли у меня сделать это так... как ты хочешь, — признался я и резко дёрнул головой при одной мысли о том, чтобы взять ее медленно. Мягко. Безо всякой крови. Без укусов и царапин у меня на спине.

— Я тоже, — горько засмеялась она.

У нее блеснули глаза, и она прошептала:

— Но мы можем попытаться.

Почувствовав, как ловкие Куколкины пальцы расстегивают мой жилет, я напрягся и вздохнул. Я опустил руки, и она скинула жилет с моих плеч. Затем развязала галстук, вынув из него булавку, которая всего несколько часов назад освободила ее из комнаты со множеством дверей. Она сняла его у меня с шеи, и черный шелк скользнул на землю. За ним последовала рубашка, и я предстал перед ней в одних брюках и по-прежнему напряженный.

Куколка сделала глубокий вздох, и ее взгляд опустился на мою голую грудь. Ее ладони легли на мышцы моей груди, затем медленно заскользили по коже. Я стиснул зубы, когда она провела пальцами по мириадам вытатуированных часов. По татуировкам, которые кропотливо наносил мне на кожу Чепел иглой и чернилами. По татуировкам, которые распростились с Хитэном, и на его месте появился Кролик. Она обошла вокруг меня и остановилась за моей спиной. Я знал, что она смотрит на своё отражение. Затем я почувствовал, как этого места коснулись её губы. Ее губы порхали, словно бабочки, которых я ловил и убивал в детстве. Щекотали мне кожу.

Куколка снова встала передо мной. И поцеловала меня туда, где было мое сердце.

От этого оно забилось быстрее.

Когда она отстранилась, я зашипел. Я уставился на черный ободок у нее в волосах. Он всегда был там — такой знакомый, неизменный...Куколка.

Передо мной стояла моя Куколка. Единственный человек, которого я подпустил к себе. Единственный человек, который всегда принимал меня таким, какой я есть.

Такая же убийца, как и я.

У меня получится.

Ну, или, по крайней мере, я должен попытаться.

Протянув руку, я легко убрал с Куколкиного плеча волосы, и она застыла, словно статуя. Она закрыла глаза. К тому моменту, когда она их открыла, мы прижимались друг к другу грудь к груди. Мои руки скользнули с ее плеч ей на спину. Куколкино дыхание овело мне шею. Стиснув зубы, я потянул за молнию у нее на платье. Ткань разъехалась, и мои пальцы слегка коснулись ее голой кожи. Сделав глубокий вдох, я шагнул назад, и платье медленно упало на землю. Увидев стоящую передо мной Куколку, обнаженную и беззащитную, я проглотил подступивший к горлу ком.

Она приподняла подбородок и, приблизившись ко мне, положила руку мне на пояс. Ее пальцы поползли ниже, пока не завладели пуговицей у меня на брюках. Расстегнув ее, Куколка осторожно потянула вниз молнию. Брюки соскользнули на землю.

Теперь я был также беззащитен, как и она.

Взглянув вниз, Куколка порывисто вздохнула. Еще больше татуировок. Еще больше часов. Ни один сантиметр не остался нетронутым. Куколка смотрела на меня, ожидая указаний. Я взял ее за руку и повел к покрывалу.

Мы легли друг напротив друга и, не говоря ни слова, просто дышали одним воздухом. Я придвинулся к ней, и мой взгляд упал на ее губы. Приблизившись, я поцеловал ее, и Куколка стала целовать меня в ответ. Я погрузился рукой ей в волосы, но не потянул. Не пытался доминировать, просто позволил всему идти своим чередом. Никакой агрессии, только ощущения.

Куколка порывисто выдохнула мне в губы. Этот звук проник мне в душу.

Ей понравилось вот так.

Изо всех сил борясь со своим желанием взять ее грубо, я перевернул ее на спину. И обнял ее обнаженное тело. Я пристально смотрел ей в глаза, а она смотрела на меня. И тогда я опустил взгляд. Я двинулся вниз по ее телу, покрывая нежными поцелуями ее шею, грудь, живот и бедра. Когда я направился обратно, Куколка запустила руки мне в волосы. Она заглянула мне в лицо, а затем сказала:

— Возьми меня, Кролик.

Я еле сдерживался, чтобы не потерять контроль.

— Займись со мной любовью, — на ее губах заиграла улыбка. — Как те люди в фильме. Под звездами. Только он, она и их любовь.

Закрыв глаза, я заставил себя сделать так, как она просила. Я почувствовал, как Куколка пошевелилась и раздвинула подо мной ноги. Она обхватила пальцами мой член, и я застонал. Открыв глаза, я оторвал свой взгляд их от вены у нее на шее. Вместо этого я посмотрел ей в глаза. Когда она приставила мою плоть к своему входу, я полностью сосредоточился на них.

Куколка кивнула. Она давала мне разрешение. Куколка давала своё разрешение... мне. Нам. Сегодняшней ночи.

Я двинулся вперед, уперев руки в покрывало по обеим сторонам от ее головы. Я медленно, сантиметр за сантиметром, вошел в нее. Куколкины ладони легли мне на спину. Но вместо того, чтобы царапать меня, как раньше, она заскользила по мне кончиками пальцев вверх-вниз, от чего моя кожа покрылась мурашками. Когда я вошел в нее до предела, Куколка застонала. Я замер над ней, задыхаясь и еле сдерживаясь, чтобы не сделать того, чего требовал мой внутренний демон.

— Кролик, — выдохнула она и, когда я начал двигаться, ее веки дрогнули и закрылись.

Я стал медленно толкаться в нее. Плавными движениями. Через некоторое время острая потребность взять ее грубо исчезла. Пока я разглядывал ее лицо, слегка приоткрытые губы. Румянец у нее на щеках и удовольствие, разлившееся у нее в глазах. Я понял, что мог бы лежать так вечно, просто глядя на то, как ее прелестное лицо тает от моих прикосновений. Чувствуя на своей спине ее руки. Чувствуя, как они пробежали вдоль моего тела и легли мне на щеки.

— Кролик, — беззвучно, одними губами, произнесла Куколка.

Мне ничего не оставалось, кроме как её поцеловать.

Так я и сделал.

Прижавшись губами к ее губам, я быстрее задвигал бедрами. Но всё так же плавно. Я брал ее в этой тихой, ароматной ночи, у меня на коже выступил пот. Куколкино дыхание стало затруднённым, и я почувствовал, как запульсировала вокруг меня ее киска. Я застонал ей в рот, язык закружил вокруг ее языка. Пока мы оба приближались к высшей точке, я глотал Куколкины стоны, а она глотала мои. Я ощутил в основании спины нарастающее давление, и ухватился за ее плечи. Мои бедра напряглись. Грудь вжималась в грудь Куколки, губы слились с ее губами.

— Кролик, — прошептала она мне в рот.

Я почувствовал, как сокращается ее киска, Куколка оторвалась от моих губ и запрокинула назад голову. Она закричала от удовольствия. Этот звук и ощущение полного единения с моей девочкой увлекли меня за ней. Застонав, я закрыл глаза и снова вошёл в неё. Оба скользкие от пота, мы держали друг друга в объятьях.

Тяжело дыша, я рухнул на нее и уткнулся головой ей в шею.

Куколка гладила меня по волосам, ее частое, прерывистое дыхание согревало мне кожу.

Я открыл глаза. Поморгав в темноте, я медленно поднял голову и встретился взглядом с Куколкой. Грудь пронзила острая боль. Боль от осознания того, что я никогда не смогу без нее жить. Куколка была такой же неотъемлемой частью меня, как моя кровь и бьющееся сердце. И я тоже был частью Куколки.

Я вспомнил, что говорил мне Чепел.

Моя нервозность вернулась. Когда я увидел, как ее губы растягиваются в улыбке, я открыл рот, и из меня вырвались слова:

— Я тебя люблю.

Куколка напрягалась всем телом. Я замер, а потом просто распался на мелкие части, когда увидел, как на ее глаза навернулись слёзы и покатились по щекам.

— Кролик..., — тихо произнесла она. — Я тоже тебя люблю.

От ее слов у меня раздулись ноздри. Я подумал обо всех совершенных мною убийствах. О ее крови, которую я выпил, и обо всём том времени, что мы трахались... а потом об этом единственном разе, когда занимались любовью.

Ничто не сравнится.

Ничто не сравниться с моей маленькой Куколкой, которая лежала сейчас подо мной и говорила, что тоже любит меня. Куколка обхватила ладонями моё лицо и заглянула мне в глаза.

— Хитэн Джеймс, ты съел мое сердце и выпил мою душу. Я твоя. Я полностью и счастливо поглощена тобой.

Я моргнул. Уверен, что она даже не заметила, как меня назвала. *Хитэн Джеймс...* Она назвала меня *моим настоящим именем*. Моя Куколка, моя Эллис. Две совершенно разные личности, живущие в одном теле.

Я любил их обеих.

Прошло несколько минут. Мы целовались. Потом я перевернулся с ней на бок. Положив голову мне на грудь, Куколка уставилась на звезды, а из ее проигрывателя тем временем по-прежнему доносились ее любимые песни. Куколкина ладонь скользила по моей груди вверх-вниз. Я поигрывал с ее длинными светлыми волосами.

— У нас остался всего один плохой человек, — произнесла Куколка, нарушив тишину.

Моя рука замерла у нее в волосах.

— Да.

— Король червей.

— Да.

Куколка не поднимала на меня глаз.

— А что потом, Кролик? После того, как мы уничтожим последнего плохого человека и освободим Эллис, что будет дальше?

Мои брови поползли к переносице.

— Не знаю, — честно ответил я. — Я никогда не задумывался, что будет после последнего убийства.

Ну, по крайней мере, после нашего с ней побега.

Я погрузился в раздумья, и тут вдруг Куколка предложила:

— Думаю, чаепитие.

Я улыбнулся.

— Мы отпразднуем это чаепитием с такой кучей маслених пышек, какую только можно съесть!

Она радостно вздохнула.

— Да. Мы устроим чаепитие. И тогда сможем подумать, что делать после, — она засмеялась, и мое сердце на мгновение остановилось. — Попивая «Эрл Грей». Все решается за чашечкой «Эрл Грея».

Я улыбнулся и снова провел пальцами по ее волосам. Затем закрыл глаза и, вдохнув знакомый аромат роз, согласился:

— Годится только «Эрл Грей».

16 глава

КОРОЛЬ ЧЕРВЕЙ

Кролик

Я наблюдал с кровати за тем, как Куколка наносит макияж. Почувствовав острое желание снова к ней прикоснуться, я встал и подошел к ней. Она улыбнулась мне в отражении зеркала, накладывая на глаза синие тени. Я поднял ее и сел на стул. Куколка взвизгнула, и я посадил ее себе на колени.

Все это было частью ее игры. После той ночи в поле я теперь делал так каждый день. После той ночи я не мог от нее оторваться.

Куколка взяла свои розовые румяна и принялась наносить их кистью себе на щеки. Я положил подбородок ей на плечо и просто за ней наблюдал. Убрав в сторону ее волосы, я поцеловал Куколку в обнаженную шею и поднял глаза на ее отражение в зеркале. Куколка прикрыла веки, и её рука застыла в воздухе.

Сейчас мы были с ней в Ларедо. (*Прим. Ларéдо — город в штате Техас в США на границе с Мексикой*) В последнем пункте, отмеченном на моей карте, в обители Короля червей — отца Куколки. Идеального вдохновителя шайки насильников. Человека, который играл на киску своей дочери. Отдал её первому попавшемуся, кто выиграл в покер.

Закрыв глаза, я вдохнул исходивший от Куколкиной кожи аромат роз. Когда я снова их открыл, она уже заканчивала красить губы. Куколка положила помаду на стол и, вздохнув, прислонилась спиной к моей груди. Я обхватил ее за талию и крепко прижал к себе. Затем провел носом по ее щеке.

— Ммм, — прошептала она и закрыла глаза.

Ее ладони легли мне на руки. Пальцы пробежали по моей коже. Отстранившись, я встретился взглядом с ее отражением в зеркале. Моя рука поигрывала с висящей у нее на шее лентой. Той самой, на которой крепился флакон с надписью «Выпей меня». После того вечера в доме Бармаглота он снова был полон.

У нее на шее снова была моя кровь.

— Нам пора, — сказал я.

Куколка кивнула. Мы находились в коттедже, подготовленном для нас Чепелом. Это был еще один из его домов. Теперь, когда за нами гонялась полиция, когда наши лица мелькали во всех теленовостях, мы не могли рисковать, останавливаясь в мотелях.

Мы не могли рисковать и ездить по дорогам в светлое время суток.

— Больные ублюдки, — говорилось в новостях. — Очень опасны.

На нас объявили охоту Техасские рейнджеры. За нашу поимку было назначено вознаграждение.

Этого никогда не случится.

Я не смогу жить без Куколки.

А она не выживет без меня.

Куколка сложила всю косметику в стоящую на туалетном столике сумку.

— Готово, — пропела она.

Я поднял ее и поставил на ноги. Посмотрев в зеркало, я поправил галстук и подхватил с кровати пиджак. Я застегнул его и взял стоящую у комода трость.

Обернувшись, я заметил, что Куколка держит свою корону. Она поглаживала рукой "драгоценности", как она их называла. На самом деле, это были недорогие цветные камни.

Когда я увидел, с каким счастьем она смотрит на эту чертову корону, мое черное сердце растаяло. Я подошел к ней, остановившись всего в нескольких сантиметрах от нее. Куколка подняла на меня глаза и улыбнулась. Я взял у нее из рук корону и водрузил ей на голову.

Мы оба замерли. Она прикоснулась к короне, и вопросительным взглядом уставилась на меня.

— Королева никогда не показывается на публике без короны, — произнёс я.

Сегодня ночью мы выходили во внешний мир впервые с тех пор, как одолели Бармаглота.

— На людях королевы всегда в коронах, — кивнула Куколка.

Она повернулась, чтобы посмотреть на себя в зеркало.

— Такая красивая... — пробормотала она, не сводя глаз со сверкающей короны.

Я подумал то же самое, но смотрел не на корону, а только на нее.

Всегда только на нее.

Я протянул ей руку.

— Пойдем.

Куколка взяла меня за руку, и я повёл ее на улицу. Мы прошли мимо Мустанга, который верой и правдой помогал нам в нашей расправе над «плохими людьми». Куколка протянула руку и погладила его по двери.

— До свиданья, Мустанг, — пропела она, прощаясь с ним.

Я открыл гараж, находящийся в дальнем конце поместья. Когда деревянные двери открылись, Куколка ахнула и уставилась на большой ожидающий нас черный грузовик.

— Он огромный! — проговорила она и, бросившись к нему, провела ладонью по капоту. — И такой блестящий!

Я прошел мимо нее и, открыв перед ней дверь, поклонился.

— Ваша карета подана, Ваше Величество.

У нее из груди вырвался громкий смех. Подав мне свою руку, она царственно кивнула головой и сказала:

— Что ж, благодарю Вас, любезный господин.

Я посадил Куколку в машину и закрыл дверь. Затем положил ее косметичку в багажник грузовика к остальным нашим вещам, схватил проигрыватель и забрался на водительское сиденье. Грузовик был слишком новым, поэтому в нём не имелось кассетной магнитолы. Куколка забрала у меня проигрыватель и нажала на кнопку воспроизведения. Она принялась танцевать, а я тем временем выехал из гаража на грунтовую дорогу, ведущую за пределы поместья.

Выключив фары и устремив взгляд в темноту, я приблизился к конечному пункту нашего назначения. Мы ехали молча, под играющую в машине музыку. Я остановился за территорией поместья, спрятав грузовик от посторонних глаз за старым сараем.

Я не знал, как всё пройдет. Но если мы выберемся, я хотел быть уверенным в том, что грузовик готов к нашему отъезду.

Из всех подонков, Эрншоу был единственным, на кого сыщик почти ничего не смог накопать. Он никогда не покидал свой дом. Не выходил оттуда уже два года. Согласно информации частного детектива, у него не было охранников. Никаких признаков домработницы. Время от времени к нему приезжал курьер. Сыщику не удалось узнать, что он ему доставлял.

Меня это совсем не удивило. Эрншоу всегда был умным. Творцом того поганого образа жизни, который он вел вместе с дядями. Шахматистом, играющим всеми нами, словно грёбаными пешками. Он никогда меня не трогал. И я не знал, прикасался ли он к Куколке. В своих разговорах с Эллис она никогда о нём не упоминала.

Но я точно знал, что он трогал всех тех детей, которых им привозили ночью. Пригоняли на грузовиках, чёрт подери. У меня холодела кровь при одной мысли о том, что доставляли ему прямо к дверям. Снова дети из приемных семей. Опекуны, которым заплатили тысячи долларов за поставку потенциальных жертв.

— Кролик? — вырвал меня из раздумий голос Куколки. — Ты готов?

Я кивнул, глядя, как она сидит в своём синем платье, полосатых чулках и с короной на голове. Ее макияж был просто безупречен. Потом я взглянул на шрамы у нее на руках.

Те, самые, что она наносила себе, когда начала сходить с ума. Наносила себе из-за всего того, что он натворил. Когда он отправил меня в тот ад, в Водонапорную башню. Обрѣк на бесконечные дни в темноте, вдали от Куколки.

Моя кровь закипела, словно стоящий на огне чайник. Он в ответе за все это. Это он привел меня в тот гребаный кабинет и напоил виски. День за днем накачивал меня до отключки, чтобы меня трахал Чеширский Кот. Держал меня и жестко трахал.

Это он взял Куколку и на десятый День рожденья отдал ее Бармаглоту. Человеку, за столько лет причинившему ей столько боли, что ее сознание отгородилось от реальной жизни, и она превратилась в зомби. В оболочку той маленькой девочки, которая любила петь, танцевать и устраивала со мной воображаемые чаепития.

С мальчиком, которого она любила... которого услали за убийство одного из них.

Этот урод заслуживал смерти.

— Кролик? — снова спросила Куколка.

Кивнув, я вышел из грузовика. Я взял трость, подошел к пассажирской двери и, подняв Куколку на руки, поставил ее на длинную траву. Ночь была душной и влажной. Куколка держала в левой руке голову своей куклы. Нож с пистолетом она сунула за пояс.

Куколка скользнула рукой в мою ладонь. Я посмотрел на наши сцепленные пальцы. Мы теперь всегда так делали. С той ночи на поле она никогда меня не отпускала. С тех пор я спал с ней так только один раз. Я был не способен на... романтику. Я хотел большего. Хотел крови. Борьбы.

Куколка тоже этого хотела. Но также она хотела, чтобы я был с ней нежным. Ласковым. Чтобы после стольких лет потерь и одиночества, она была рядом со мной, чтобы она была счастлива. И на такую жертву я был готов пойти.

Как только у нас впереди замаячил дом, я остановился. Повернувшись к Куколке, я сказал:

— Я не знаю, что нас там ждет.

Я погладил ее по щеке, подкрашенной румянами, которые она так мастерски нанесла на свою фарфоровую кожу. Я жадно вглядывался в ее огромные голубые глаза, пытаюсь сохранить их в памяти... на всякий случай.

— Кролик? — прошептала она и, приподнявшись на цыпочки, поцеловала меня в щеку. — Ты выглядишь опечаленным.

Я подумал об этом. Печаль. Покачав головой, я отмахнулся от правдивости ее утверждения и сказал:

— Милая Куколка, я не знаю, что там произойдет.

Она похлопала длинными накладными ресницами, посмотрела вниз, потом снова на меня. Она нервно сглотнула, будто поняла, о чём я говорил.

— Это может быть опасно, — решила предположить она.

Я кивнул, снова коснувшись ее лица. Я провел пальцами по ее щеке, шее и рукам. Я сжал ее ладонь, по-прежнему сцепленную с моей.

— Он знает, что мы придем, — произнёс я и заметил, что Куколка ловит каждое моё слово. — Он видел нас в новостях. Он понял, что это мы убили его друзей.

Куколка сделала глубокий вдох, и я помедлил.

— Он нас ждёт.

— Это будет опасно.

На этот раз в тоне ее голоса чувствовалась большая уверенность. По тому, как она опустила глаза, и чуть сильнее сжала мою руку, я догадался, что она всё прекрасно поняла.

Мы можем не выбраться отсюда живыми.

Но мы обязаны его уничтожить. Это та расплата, что должна его постичь за все те годы боли, через которые он заставил нас пройти. За все те годы, на которые нас разлучил.

— Он должен умереть, — сказала Куколка так, словно прочла мои мысли.

Я кивнул и увидел, как заблестели от слёз ее глаза. Она отвела взгляд, вытерла глаза и произнесла:

— Необходимо освободить Эллис... даже если Куколке с Кроликом суждено погибнуть.

— Да, — прохрипел я, безуспешно пытаюсь представить себе мир без нее.

— Кролик? — спросила она.

Я приподнял подбородок.

— А куда попадают люди из Страны Чудес после смерти?

Я ухмыльнулся, увидев у нее на лице проблеск надежды.

— В самую лучшую ее часть, — сказал я. — Там яркое небо. Зеленые луга... и много-много чаепитий.

Куколка просияла.

— С чаем «Эрл Грей», масляными пышками и клубничными пирожными?

— Конечно, — подтвердил я.

Наклонившись, я поцеловал ее, а затем прошептал прямо ей в губы:

— Годится только «Эрл Грей».

Я начал было отстраняться, испытывая острую необходимость идти и столкнуться лицом к лицу с этим уродом, не думать больше о потере Куколки, но она дернула меня за руку. Она шмыгнула носом, сдерживая слезы.

— Я люблю тебя, Кролик, — на ее губах мелькнула тень улыбки. — Может быть даже больше, чем «Эрл Грей».

Моё сердце разбилось в труху.

— Я тоже тебя люблю.

Мой голос звучал грубо и резонировал у меня внутри. Подойдя ближе, я поцеловал тыльную сторону ее ладони.

— Но только это ни с чем не сравнить, потому что я никогда и никого больше не любил. Это всегда была ты. Только ты.

— Кролик..., — прошептала Куколка, обхватив меня за пояс.

Она на несколько мгновений прижалась ко мне, а потом отступила. Привязав за волосы к поясу голову своей куклы, она взяла в руку пистолет. Другой рукой она скользнула мне в ладонь и сказала:

— Мы опоздаем.

И мы пошли, я держал наготове трость. Когда мы приблизились к мрачному дому, Куколка подняла пистолет. Мы прочесали территорию вокруг здания, в ожидании каких-либо признаков движения, угрозы... Ничего подобного.

Мы добрались к входной двери. Она была не заперта. Мы вошли в просторный холл. Он оказался таким же пустым, как и вся территория поместья. Крепко держась за руки, мы принялись обыскивать комнаты. Все они были пусты.

Осталась одинокая дверь в конце коридора. Мы подошли и встали перед ней. Куколка посмотрела на меня и улыбнулась.

Через секунду я открыл дверь. Я поднял трость, Куколка взвела пистолет... перед нами предстал большой стол, совсем как тот, что стоял в кабинете в поместье Эрншоу.

И за этим столом сидел Эрншоу.

Он был одет в костюм. Его некогда темные волосы стали белыми. А когда-то плотная фигура — сухой... и рядом с ним находились две какие-то ёмкости. От одной из них к его носу тянулись прозрачные пластиковые трубки.

Наши глаза встретились в противостоянии.

На столе лежал пистолет, больше ничего. Напротив него стояли два стула. Я быстро оглядел комнату.

— Хитэн Джеймс. Я тебя ждал.

Я почувствовал, как Куколка замерла. Услышал, как ее дыхание стало частым и прерывистым. Король червей посмотрел на нее. Лицо Эрншоу смягчилось, и его болезненные черты приобрели выражение чистого обожания.

— Эллис..., — вздохнул он. Казалось, на глаза у него навернулись слёзы. — Ты прекрасно выглядишь.

Куколкина рука задрожала в моей ладони.

— Присаживайтесь, — слабым движением руки он указал на стоящие напротив него стулья.

Я прищурился, ожидая, что сейчас кто-нибудь выскочит и набросится на нас. Я думал, что он возьмет пистолет и выстрелит. Но он неуверенно опустил руки на колени. Идущие от него трубки стукнулись о деревянную столешницу.

Я нерешительно сделал шаг в кабинет, затем еще один, все время загораживая собой Куколку, на случай, если это ловушка. Ничего другого я и не ожидал. Он был умен. Расчётлив.

Я тоже.

— Пожалуйста, — произнёс он.

Его некогда глубокий, властный голос казался слабым и натянутым.

Я сел. Не дав Куколке занять свой стул, напротив человека, который должен был любить ее больше самой жизни, я посадил ее себе на колени. Сбоку я сжимал свою трость, готовый в любой момент выстрелить. Я посмотрел на Куколкин пистолет. Она держала его наготове.

Затем я стал разглядывать Эрншоу. Сбоку от него на металлических штативах висели растворы с лекарствами. Его кожа была бледной, и при дыхании он хрипел.

— Рак легких, — сказал он мне, несомненно, заметив мой интерес.

Я внимательно смотрел на этого козла, и мне было абсолютно насрать.

— Оказывается, все те сигары, что я курил, негативно на мне сказались, — он усмехнулся, потом закашлялся.

Я фыркнул.

Куколка молчала.

По-прежнему.

Эрншоу поерзал на сиденье, зашипев при этом от боли. От напряжения у него покраснело лицо. Заняв, наконец, желаемое положение, он поймал мой взгляд.

— Говорят, мне осталось всего пару месяцев.

От этой новости мое сердце забилося быстрее. Не потому, что я обрадовался, а потому, что мне хотелось, чтобы его убили мы, мы с Куколкой. Не рак. А наши пули и ножи. Наша месть за то, что он сделал.

— Похоже, вы прибыли как нельзя кстати, — произнёс он. — Ещё немного, и меня уже не было бы в живых.

Он улыбнулся мне улыбкой, которую я очень хорошо запомнил. Улыбкой, которая говорила о том, что он завёлся от детской боли. Той самой улыбкой, которой он улыбался мне, когда угощал меня виски. Когда Чеширский Кот вел меня в мою спальню, тем самым навсегда изменив мою жизнь. Той самой, которой он улыбался мне, когда я возвращался, и он передавал меня другому ублюдку, которому хотелось отыметь меня следующим.

— И я бы уже не смог с тобой поболтать. Рассказать, почему я сделал то, что сделал.

Куколка молчала. Она едва шевелилась. Я стиснул челюсти.

— И почему? — спросил я, ненавидя себя за то, что вообще предоставил ему слово.

Он опалил меня взглядом.

— Потому что мне это нравилось, — со злорадством произнёс он.

Я почувствовал, как температура моей крови подскочила до рекордного уровня.

— Потому что мне действительно нравится трахать детей. Потому что я люблю играть жизнями людей. Потому что без удовольствий жизнь скучна... а дети доставляют мне очень много удовольствия. Все так просто.

Я дышал. Дышал. Дышал, едва сдерживаясь, чтобы не прикончить его прямо сейчас.

— У меня есть деньги, — продолжал он. — У меня есть все, что я когда-либо хотел. Деньги могут купить всё, что угодно.

Он улыбнулся натянутой улыбкой.

— Даже тебя, Хитэн Джеймс.

— Что? — сжав зубы, процедил я.

— Твой папа, — сказал он, устало взмахнув рукой.

— Потребовалось всего несколько тысяч, чтобы устроить всё так, что если с ним что-нибудь случится, ты будешь принадлежать мне. Я стану твоим законным опекуном.

Я почувствовал, как от моего лица отхлынула кровь.

— Достаточно было дать отчаявшемуся человеку всего несколько тысяч, чтобы, когда ты созрел до нужной кондиции, с мистером Джеймсом произошел несчастный случай, оборвавший его жизнь. Возраст, видишь ли. Для таких людей, как я и мои партнёры, это имеет очень большое значение, — он снова взмахнул рукой. — Сейчас ты для меня ничем не привлекателен.

Когда до меня дошел смысл его слов, меня замутило. Затем он перевел взгляд на Куколку. Она сидела у меня на коленях, словно статуя.

— И Эллис, моя милая, милая девочка.

Он одарил ее лучезарной улыбкой. Мне хотелось перегнуться через стол и оторвать ему голову.

— Моя девочка, которая думала, что она Алиса. Которая разгуливала в прелестном голубом платьице.

Он кивнул головой на ее наряд.

— Похоже, с тех пор мало что изменилось.

Я почувствовал, как нога Куколки дернулась.

— Жаль, что твоя мать узнала о моих... пристрастиях.

Я перестал дышать. Куколка напряглась всем телом.

— Конечно же, я не мог позволить ей узнать о том, что знал сам. Но, как и ты, она любила чай. «Эрл Грей», если мне не изменяет память.

Он посмотрел куда-то мимо нас. Я повернулся и увидел на стене у двери фотографию Куколкиной мамы. Эрншоу покачал головой.

— Крошечной капли мышьяка в ее многочисленные чашки чая было достаточно, чтобы гарантировать мне, что она никогда не заберет у меня мою маленькую девочку, как собиралась. У меня были планы на Эллис. Я знал, что именно нравится моим друзьям, и она определенно была именно такой. Они отлично резались в покер за право ее объездить.

Он вздохнул.

— Единственной помехой стал ты, юный Хитэн. Твоя одержимость моей дочерью, — он покачал головой. — Если бы ты не убил одного из моих лучших друзей, ты бы остался с ней.

Он пожал плечами.

— Тогда, возможно, она не сошла бы с ума. Эллис, моя веселая маленькая девочка, стала глухонемой, — произнёс он и повернул голову к сидящей у меня на коленях Куколке. — Похоже, в этом смысле тоже мало что изменилось.

Куколка по-прежнему не двигалась. Я запаниковал. Она что, снова ушла в себя?

Эрншоу тяжело и хрипло вздохнул.

— Я бы с удовольствием послушал, как ты сбежал из Водонапорной башни, Хитэн, — у него из горла послышался низкий свист. — Ты и те парни, с которыми ты сбежал, разозлили многих людей. Важных людей, которые очень рассчитывали, что это место навсегда сокроет их неприглядные проступки.

Я с отвращением дернул уголок рта. Я п**дец как ненавидел этого мудака. Увидев выражение моего лица, он расхохотался.

— Хитэн Джеймс, — пробормотал он и снова засмеялся. — Ты думаешь, мы с тобой такие разные?

Он наклонился вперед, положив руки на стол.

— Мне нравится трахать детей. Тебе — убивать. Я завожусь от их криков. Ты — от пролитой крови своих жертв. Возможно, у нас разные вкусы, но мы с тобой сделаны из одного теста.

— Я не такой, как ты, — прошипел я, сильнее обхватив Куколку.

Он победно улыбнулся.

— Такой.

Он откинулся на стул.

— Тебе нравится та власть, которой наделяет тебя убийство, — он облизал сухие губы. — Ты подпитываешь ее своим гневом. Полагаю, ты должен поблагодарить меня за это. Все те годы, пока тебя трахали, должно быть, здорово тебя разозлили.

Я вскинул трость, готовый выстрелить, но Эрншоу схватил свой пистолет и направил его на меня. Он открыл было рот, чтобы сказать еще что-нибудь, от чего я совсем съехал бы с катушек, как вдруг ему прямо между глаз врезалась пуля.

Лицо Эрншоу застыло в шоке. Его рука с зажатым в ней пистолетом упала на стол. Я взметнул взгляд на Куколку, она сидела с вытянутыми руками, все еще держа пистолет в позиции выстрела.

— Время пить чай, — холодно объявила она, а затем медленно опустила пистолет.

Она пожала плечами.

— Кролик, меня так утомили его разговоры. У него были такие дурные манеры, тебе не кажется? — она нахмурила лоб и надула губы. — Ты ведь знаешь, как я отношусь к дурным манерам.

Куколка спрыгнула с моих колен и отряхнула юбку. Я смотрел на нее, краем глаза заметив, как по столу начинает растекаться кровь Эрншоу.

Я швырнул последнюю карту, и она приземлилась рядом с его головой.

Короля червей не стало.

Куколка подошла к стене с фотографиями, что висели у двери. Взглянув на изображение своей матери, на ее длинные светлые волосы и голубые глаза, Куколка затаила дыхание. Она была очень похожа на свою мать.

Дрожащей рукой Куколка провела по очертаниям ее лица. У меня внутри все сжалось, когда я увидел, как она смахнула с глаза слезу. Затем она перешла к фотографии Эллис. Должно быть, ей там было всего восемь. Я вспомнил ее такой. Маленькой девочкой, которая села рядом со мной на траву, когда со мной никто больше не разговаривал. Девочкой, которая стала моим другом несмотря на то, что у меня никогда их не было.

Куколка так долго не отводила ладонь от улыбающегося лица Эллис, что я поднялся со стула. Не успел я к ней приблизиться, как Куколка сказала:

— Эллис ушла.

Я замер на середине шага.

— Эллис свободна..., — Куколка вздохнула и повернулась ко мне, ее рука соскользнула с лица Эллис. — Она отправилась в ту часть Страны Чудес, где ярко-синее небо. Зелёная трава и всё время чаепития.

Куколка опустила глаза. Затем внимательно взглянула на меня из-под накладных ресниц, и я понял, в чём дело. Она оценивала мою реакцию. Наблюдала за тем, как яотреагирую, узнав, что моя маленькая Эллис, девочка, живущая за дверью в голове у Куколки, исчезла навсегда.

Ей хотелось узнать, будет ли мне достаточно одной Куколки.

Я двинулся к ней и обхватил ладонями ее лицо.

— Я рад, что она ушла. Я хочу, чтобы она была счастлива. Больше никакой мрачности и грусти, — я поцеловал Куколку в губы, и она вздохнула мне в рот. — У Кролика есть его Куколка; и это самое главное.

Она ответила мне ослепительной улыбкой.

Куколка оглядела комнату.

— Что теперь, Кролик?

— Наша миссия завершена.

Я залез в карман Куколкиного платья и вытащил оттуда помаду.

— Осталось последнее, — подсказал я, и Куколка кивнула.

Она посмотрела по сторонам. Ее глаза устремились на стену за спиной лежащего Эрншоу. Куколка обошла его и принялась выводить свои каракули. В последний раз писать «БОЛЬНЫЕ УБЛЮТКИ»... своей любимой розовой помадой.

Прямо под фотографией Эллис, сидящей на коленях у Эрншоу.

Куколка уронила на пол наполовину использованный тюбик. Она открыла было рот, чтобы что-то сказать, но вдруг снаружи раздался вой полицейских сирен.

— Пойдём. Нам нужно уходить, — произнёс я, и у меня на шее бешено заколотился пульс.

Куколка взволнованно засмеялась и побежала ко мне. Я потащил ее из комнаты к окну. По дороге мчались полицейские машины.

— Какие красивые синие огни! — с благоговением проговорила Куколка.

Потянув ее за руку, я помчался вниз по лестнице. Я распахивал дверь за дверью, пока не нашел ту, которая вела в подвал. Благодаря картам частного сыщика я знал, что здесь есть подземный ход к сараю. Без сомнения, именно так он проводил сюда детей, которых насиловал, ещё до того, как заболел.

Мы помчались в подвал, закрыв за собой дверь за секунду до того, как в дом ворвалась полиция. С верхних этажей до нас донеслись приглушенные голоса. Я протащил Куколку через просторный подвал, пока не нашел дверь. Я открыл её и увидел за ней короткий туннель. Я уже собирался в него забежать, когда вдруг понял, что он ведёт в противоторнадный бункер.

— Не то, — сказал я и начал искать другие двери.

Вокруг больше ничего не оказалось, и мое сердце забилося быстрее. Потом я заметил большой стеллаж. Сверху он был покрыт паутиной... паутиной, которая колыхалась так, словно сзади дул ветер.

За стеллажом был дверной проем.

Я потянул к нему Куколку и, отпустив ее руку, стал отталкивать с дороги стеллаж. Куколка позади меня напевала, пританцовывая на месте.

От подножия лестницы до нас донёсся вздох.

Я обернулся и увидел там мужчину в ковбойской шляпе. С замиранием сердца я толкнул Куколку за спину и вытащил трость. Но рейнджер смотрел не на меня. Его глаза были устремлены на Куколку.

Куколка выглянула у меня из-за спины и поглядела на него.

Не обращая на меня никакого внимания, он подошел ближе, пока я не преградил ему путь. Я встретился с пристальным взглядом прищуренных глаз... и вот тогда я их увидел. Эти глаза. Я узнал эти глаза. Глаза, глядящие на меня с ненавистью...

— Эдди, мать его, Смит, — произнёс я и увидел, как напряглось его лицо. Я взглянул на его форму и ухмыльнулся. Его желание всё-таки сбылось.

Техасский рейнджер.

— Кролик? — прошептала у меня из-за спины Куколка. — Кто это такой?

Она вышла у меня из-за спины. Увидев Куколку в ее полном облачении Алисы в Стране Чудес, Эдди Смит сглотнул. И тогда на него устремились ее голубые глаза, глаза, которые он любил долгие годы. По его реакции я понял, что эта любовь никуда не исчезла.

Эдди не говорил ни слова, просто смотрел. Когда Куколка взглянула на меня в ожидании ответа на ее вопрос, я сказал первое, что пришло в голову.

— Безумный Шляпник, — объявил я, глядя на его ковбойскую шляпу. — Куколка, это Безумный Шляпник.

Куколка ахнула от восторга, прикрыв руками рот.

Затем, встретившись глазами со Смитом, я спросил:

— Вопрос только в том, что Безумный Шляпник собирается делать?

17 глава

Эдди

Я не мог поверить, что это она. Эллис. Собственной персоной. Она разговаривала. Улыбалась... она была счастлива.

«Вопрос только в том, что Безумный Шляпник собирается сделать?»

Я слышал, как наверху наши люди обыскивают комнаты. Я знал, что где-то там, в луже собственной крови, лежит Эрншоу. Он был их последней мишенью, оркестратором учинённого над ними насилия. Тот, кто руководил всеми больными и извращёнными деяниями, что происходили в поместье Эрншоу.

Только совсем недавно я обо всем этом узнал.

Я посмотрел на Эллис, и мне захотелось разрыдаться от того, что, как мне стало известно, с ней сотворили. Я бросил взгляд на Хитэна. И хотя я всем своим существом ненавидел его за то, что он забрал мою девочку, я бы никогда не пожелал ему того, что сделали с ним эти жуткие люди.

Я вспомнил свой разговор с Саймоном Уэллсом. С тем, кто много лет назад подал заявление на Эрншоу и его партнёров. Заявление, которое проигнорировали.

Я вспомнил, что он рассказал мне, обо всех тех ужасах, которые творил с ним Эрншоу вместе с его партнёрами. О том, как он видел, что в те комнаты приводили Хитэна, а позже Эллис, где их, несомненно, ждала та же участь. Я тут же побежал в ванную и меня там вырвало.

— Ты Безумный Шляпник? — голос Эллис вырвал меня из воспоминаний о разговоре с Саймоном.

Но то, что он мне рассказал, никуда не делось. Глядя на ее сильно накрашенное лицо, странные часы, нарисованные вокруг левого глаза, я думал лишь о том, что все, что с ней проделывали те мужчины... устроил ее собственный отец.

Лежащий наверху покойник, который, по моему мнению, вполне заслуживал смерти.

Черт, да они все заслуживали смерти.

— Да, — ответил я.

Эллис говорила с королевским английским акцентом. На ней был наряд сексуализированной Алисы в Стране Чудес и, в довершение всего, корона на голове.

— Я — Безумный Шляпник, — подтвердил я и увидел, что Хитэн задышал свободнее.

Когда я взглянул на него, то заметил, что он смотрит на Эллис все тем же безумным, собственническим взглядом, каким смотрел на нее в детстве.

И я понял, что он по-своему, своим каким-то извращённым способом... ее любил.

Он за ней вернулся.

Господи... Думаю, он ее спас.

Обрушил месть на тех, кто их обидел, вне всякого сомнения... ради нее.

Эллис побежала ко мне, и у меня перехватило дыхание от того, какая она красивая. Я увидел у нее за поясом нож. Увидел у нее в руке пистолет. К поясу также была привязана голова ее старой куклы.

— Ты устраиваешь чаепития? — с волнением спросила она.

Потакая простодушию Эллис, я кивнул. Я играл с ней в ее игру... в последний раз.

— Да, — мой грубый голос выдавал то, как сдавило мне горло. — Я устраиваю чаепития.

Эллис завизжала, и я поморщился, молясь лишь о том, чтобы ее не услышали люди наверху.

— Как-нибудь мы непременно должны на них поприсутствовать, да ведь, Кролик?

— Конечно, милая, — протянул Хитэн.

Звук шагов наверху приблизился к подвальной лестнице, и он бросил косой взгляд на потолок.

— Вы приглашены, — произнёс я, и она захлопала в ладоши.

Я поглядел на Хитэна и увидел, что он смотрит на меня. Он пытался определить, что я собираюсь делать дальше.

Я видел его трость. От служанки я узнал, что в ней имеется клинок и пистолет. И я ждал, что сейчас он меня убьёт. Зная, что он меня слушает и, что он поймёт подтекст, я сказал Куколке:

— Теперь тебе нужно бежать, иначе ты опоздаешь. Тебе необходимо проследовать за Белым Кроликом по новой норе. Но когда-нибудь..., — я улыбнулся, увидев ее широко распахнутые и такие красивые голубые глаза. — Но когда-нибудь мы обязательно устроим это чаепитие. И я принесу «Эрл Грей».

— «Эрл Грей»! — она повернулась к Хитэну. — Кролик? Разве это не очаровательно?

— Конечно, Куколка, — взмахом головы он велел ей подойти к нему.

Куколка тут же подчинилась, как и Эллис всегда подчинялась Хитэну. Хитэн притянул ее к себе, затем повернулся к стоящему за ним стеллажу. Тому самому, за которым теперь открывался вход в туннель.

— Я закрою его за вами, — крикнул я, и Хитэн недоверчиво прищурил глаза.

Я снял свою шляпу.

— Ради нее, — сказал я. На его лице мелькнуло понимание. — За всё то, что они сделали... с вами обоими.

Все еще прищурившись, Хитэн остановился, затем кивнул. Взяв Куколку за руку, он потащил ее через проём. Я бросился к стеллажу и увидел, как они исчезают из виду, Хитэн бежит, Куколка подпрыгивает, крепко держа его за руку.

— Чепел, — донеслись до меня слова Хитэна. — Мне нужно организовать пересечение границы. Сейчас же!

Услышав, как открывается дверь в подвал, я задвинул стеллаж на место и побежал к противоположной двери, туда, где, как я знал, находился противоторнадный бункер. По лестнице спустился мой дядя.

— Эрншоу мертв. Огнестрел. Причём, недавно. Он еще теплый. Они должны быть где-то рядом.

Я указал на дверь противоторнадного бункера.

— Я слышал там внизу голоса. Думаю, это они.

Стоящие позади моего дяди люди толпой повалили в туннель, уводящий их в противоположном направлении от Хитэна и Эллис. Мой дядя посмотрел на меня странным взглядом, поэтому я тоже побежал в туннель.

Я бежал по тоннелю и, придерживая на голове свою шляпу, думал:

«Безумный Шляпник. После стольких лет....

... наконец-то».

Эпилог

*Куколка
Мексика*

Я прошла по песку туда, где, как я знала, меня ждал Кролик. Его лицо было скрыто под большим зонтом. Но я заметила его покрытые татуировками руки и закатанные до локтей рукава рубашки.

Положив руку на бедро, я обошла зонт, пока не убедилась, что он меня видит. Я посмотрела на море. Мы с Кроликом жили в доме на пляже. У нас был собственный частный пляж. Недалеко от нас виднелся обычный общественный пляж. В конце концов, наблюдение за людьми Страны Чудес стало одним из моих самых любимых занятий. Здесь, в этой новой части Страны Чудес, мне становилось все интереснее и интереснее.

Я услышала, как Кролик глухо зарычал.

И я улыбнулась.

Я выгнула спину, притворившись, будто вижу что-то вдалеке. Кролик снова зарычал и произнёс:

— Повернись.

От его приказа у меня по спине пробежала дрожь. Взярошив руками волосы, я поправила корону и... медленно... очень медленно повернулась. Из моего проигрывателя доносилась песня о фруктовом напитке под названием Пина Колада. Я покачала бедрами в такт музыке.

Подняв глаза, я увидела, что Кролик лег на шезлонг. Посмотрев на него, я хихикнула. На нем была та же одежда, что и всегда, только сейчас он закатал брюки до колен, выставив напоказ свои татуированные ноги. Рукава черной рубашки он тоже закатал. Его рубашка была расстегнута до пупка, а на шее свободно висел галстук.

И в левом глазу у него поблёскивал монокль. Я купила его ему в подарок. Без монокля мой Кролик не мог быть *настоящим* Белым Кроликом.

У него на шее висел флакончик с моей кровью. От одного взгляда на него у меня непроизвольно сжались бедра... я вспомнила ту ночь. И множество других ночей, которые были точно такими же. Мне нравилось прикасаться к моему Кролику.

Не проходило и ночи, чтобы мы друг к другу не прикасались и не играли.

— Сюда, — приказал Кролик, указав на небольшой зазор в шезлонге.

По-прежнему держа руку на бедре, я направилась к нему. Я встала рядом с шезлонгом и настойчиво спросила:

— Ну?

Я ждала, когда он оценит мое новое бело-голубое бикини. Кролик пробежал взглядом по моему телу, и его глаза вспыхнули. Я бросила взгляд на его пах и улыбнулась.

Ему очень понравилось увиденное.

Внезапно Кролик схватил меня за запястье и притянул к груди. Я взвизгнула и повалилась на него. Но сразу же засмеялась, когда уткнулась грудью ему в грудь. Когда мои губы зависли над его губами.

— Тебе нравится? — спросила я. — Бикини?

Кролик обхватил меня за затылок и обрушился на мои губы. Он въедался мне в рот, кусал меня за губу. Сопrotивляясь, я так сильно его укусила, что почувствовала вкус крови. Кролик громко застонал и стал целовать меня еще грубее.

Когда мы оторвались друг от друга, я увидела, как расширились его зрачки.

— Глупый Кролик, — отругала его я и ударила по твердой груди.

Кто-то откашлялся. Официант принес нам чай.

— Время пить чай! — пропела я и жестом показала официанту поставить поднос на стоящий рядом столик.

Руки Кролика по-прежнему лежали у меня на талии, удерживая меня на месте. Я никуда и не собиралась.

Официант ушел. Я села и разлила чай по чашкам. Молоко и сахар — каждому по два кусочка. Рука Кролика покоилась у меня на животе. Когда я повернулась, чтобы подать ему чай, он смотрел в телефон. Поместив чашку на столик, стоящий с его стороны, я улеглась рядом с ним. Я положила голову ему на плечо и наблюдала за тем, как он печатает слова, которые я не могла прочесть.

— Я когда-нибудь с ними познакомлюсь? — надув губки, спросила я.

Мне очень хотелось подружиться с мистером Чепелом и мистерами Генри и Хайдом.

— Может как-нибудь, — сказал Кролик и убрал в карман свой сотовый. — Сначала им обоим нужно съездить по своим делам. Убить своих плохих людей.

Расстроившись, я села и стала пить свой чай.

— Мне скучно, — пожаловалась я и, глубоко вздохнув, повернулась к Кролику. — Я скучаю по убийствам, Кролик. Скучаю по тому, как мой нож вонзается в человеческую плоть и пускает кровь.

Я подумала обо всех наших восхитительных убийствах и растроганно улыбнулась.

— Но больше всего я скучаю по громким крикам, которые порождает наше беззаконие.

Такие сладкие, божественные звуки...

— Я тоже, милая, — ответил он, и я усмехнулась в свою чашку, увидев, как у него напряглось в штанах.

Я знала, что он представил всю эту прекрасную кровь у себя на руках.

Я занялась своим чаем. Не успела я сделать и четырех глотков, а Кролик и двух, как вдруг со стороны расположенного поблизости общественного пляжа раздался звонкий шлепок. Мы оба тут же обернулись на звук. Какой-то мужчина схватил за шею маленького мальчика — не старше восьми лет. Он приблизил свой рот к его уху... затем провел рукой мальчику по спине и ниже.

Мальчик заплакал.

От этого зрелища у меня в руке задрожала чашка. Мужчина лизнул мальчику шею. Мужчина подвел его к припаркованной недалеко от пляжа машине, и мальчик замер, опустив голову.

— Куколка, — раздался ледяной голос Кролика, пока мы смотрели, как машина скрывается из виду.

— Да, Кролик?

Он повернулся ко мне, его взгляд был таким же рассвирепевшим, как и мой.

— Нас ждёт новое приключение.

Я почувствовала, как кровь стремительно хлынула по венам, и восторженно кивнула. Он допил чай, а затем сел на край лежака.

Я вскочила на ноги, готовая пуститься в погоню за машиной.

Кролик протянул руку и остановил меня, взяв за запястье. Он связался с кем-то по телефону.

— Через десять минут Чепел раздобудет его адрес. Этот тупой урод даже не спрятал свой регистрационный номер.

Ухмыльнувшись, он встал и притянул меня к груди. Он взглянул на меня безумными глазами, и прижался твердым членом к моему бедру.

— Иди, возьми свой пистолет и нож...

— А также платье, чулки, ботильоны и помаду, — перебив его, проговорила я. — Я не могу убивать без моих самых любимых вещей.

Я широко распахнула глаза.

— О! И ещё мою куклу Алису. Она просто обожает смотреть, как мы убиваем.

Потом я стала ждать. Я ждала, когда Белый Кролик... мой Белый Кролик... подаст сигнал о начале нашего нового приключения.

Я смотрела на него, затаив дыхание. Смотрела, как его губ коснулась медленная, злобная ухмылка. Смотрела, как он потянулся рукой к жилету и достал карманные часы.

Он заглянул мне в глаза, и у меня бешено заколотилось сердце. Не в силах оторвать от него взгляд, я наблюдала за тем, как он поднес часы к уху.

Постучал по металлу.

И со злобой в сердце и кипящей в жилах тьмой улыбнулся и произнёс:

— Тик-так.

Конец